

Научный и общественно-политический журнал
Международный издательский центр
«Этносоциум»

МИССИЯ КОНФЕССИЙ

Том 15. Часть 5 (№94)

Зарегистрирован в 2010 году

Издание входит в перечень ВАК РФ,
РИНЦ, МИНЦ и НЭБ

Москва 2026

Журнал «Миссия конфессий» - социально значимый проект.

**Миссия журнала – консолидация прогрессивных сил,
конструктивных идей всех конфессий
перед лицом глобальных угроз.**

Рецензионный совет издания совместно с профессорско-преподавательским составом ведущих высших учебных заведений Российской Федерации.

При отборе материалов для публикации главным критерием является их высокий научный уровень. При этом редакция исходит из принципиальной допустимости плюрализма научно аргументированных точек зрения, которые могут расходиться с позицией издателей.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

При перепечатке ссылка на журнал «Миссия Конфессий» обязательна.

Рукописи рецензируются.

**Отдельно выражаем благодарность выдающимся ученым
и общественным деятелям, внесшим финансовый вклад
в поддержку проекта «Миссия конфессий перед
лицом глобальных угроз».**

ISSN 2499-9423

8 номеров в год

E-mail: etnosocium@mail.ru

Сайт: <http://confessions-word.ru>

Язык: русский, английский, китайский.

Зам. гл. ред. С.В. Чапкин

Корректор Е.А. Белоусова

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro

Формат 60x84/8. Тираж экз. 500

Усл. п. л. 12,875

Главный редактор

Рябова Е.Л., доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор.

Председатель редакционного совета

Зязиков М.М., доктор философских наук, член Союза писателей России.

Редакционный Совет журнала «Миссия конфессий»

Абдулатипов Р.Г., доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации. Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации. Директор Центра научно-методического обеспечения государственной культурной политики и традиционных ценностей Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Арефьев М.А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии СПбГАУ.

Бахарев В.В., доктор социологических наук, профессор БГУ.

Бессонов Е.Г., кандидат философских наук, доцент, научный сотрудник ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия».

Бормотова Т.М., доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры современного государственного и муниципального управления факультета экономики и управления Российского государственного социального университета.

Вань Хайянь, кандидат экономических наук. Старший научный сотрудник, Заместитель заведующего Центра по изучению ЦА, Центр по изучению России, Институт международных отношений и регионального развития и Институт по изучению ШОС Восточно-китайского педагогического университета.

Водолацкий В.П., доктор социологических наук, депутат Государственной Думы Российской Федерации, Верховный Атаман Союза Казаков-Воинов России и Зарубежья, Казачий генерал.

Забулионите К.И., доктор философских наук, профессор, председатель Петербургского международного культурологического симпозиума, руководитель Секции философии культуры и культурологии в Санкт-Петербургском Доме Ученых.

Иларионова Т.С., доктор философских наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, генеральный директор Института энергии знаний.

Кузнецова Т.Ф., доктор философских наук, профессор. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Ли Эрюн, кандидат искусствоведения. Доцент академии искусств «Цзянси университет финансов и экономики» (Наньчан, Цзянси), КНР.

Пономарева Г.М., доктор философских наук, профессор, кафедра философской антропологии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Пусько В.С., доктор философских наук, профессор.

Себастьян Хоппе, Научный сотрудник. Институт восточноевропейских исследований, факультет политики / международных отношений. Свободный университет Берлина.

Солонин К.Ю., доктор философских наук, Профессор Института китайской классики Народного университета Китая. Пекин.

Ултургашева Н.Д., доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры Кемеровского государственного института культуры, заслуженный деятель науки Республики Тыва, заслуженный работник культуры Республики Тыва, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств.

Хитарова И.Ю., доктор философских наук, профессор, член философского общества, Университета путей сообщения имени императора Александра I.

Чжан Вэй, КНР.

Юдина Т.Н., доктор социологических наук, профессор, Руководитель центра исследования миграционных процессов, трудовых ресурсов и рынка труда, главный научный сотрудник Института социальной демографии ФНИСЦ РАН.

Scientific and socio-political journal
International Publishing Center
«Etnosocium»

Mission confessions

Volume 15. Issue 5 (№94)

Founded in 2010

The publication is included in the list of HAC RF,
RSCI, NEL and ISCI

Moscow 2026

The Mission of Confessions Journal is a socially significant project.
The mission of the journal is the consolidation of progressive forces,
constructive ideas of all faiths in the face of global threats.

With the support of the Plenipotentiary
of the RF President in the Central Federal District

**The journal is registered in the Ministry of the Russian Federation for Affairs of
the Press, Television and Radio Broadcasting and Mass Communication Media.**

International Publishing House «Etnosocium» and “Mission confessions” Journal abides by standards of editorial ethics and is making efforts not to allow their violation.

The journal “Mission confessions” is ready to cooperate with authors from Russia and far abroad, and to consider submissions (works) both from young scientists who are only beginning their way in science, and specialists, whose names are already famous in the scientific society.

“Mission confessions” aspires to spread scientific knowledge and leads an honest and open policy towards all the authors. Thus, the editorial board of the journal provides free access to all publications, unless the contract with the author presupposes other conditions.

The editorial board of the journal has a right to refuse the publication of the article in case of violation of the rules stated below.

All the submitted materials are reviewed.

**Special thanks to the outstanding scientists
and public figures who have contributed financially in support
of the project “Mission of confessions in the face of global threats”.**

ISSN 2499-9423

8 issues per year

E-mail: etnosocium@mail.ru

Website: <http://confessions-word.ru>

Languages: Russian, English, Chinese.

Deputy Chief Editor: Chapkin S.V.

Corrector: Belousova E.A.

Paper: offset

Types: Minion Pro

Format: 60x84/8

Copies: 500

Chief Editor

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Candidate of Social Sciences, Professor.

Chairman of the Editorial Board

Zyazikov M.M., Doctor of Philosophical Sciences, member of the Writers' Union of Russia.

Editorial Board

Abdulatipov R.G., Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation. Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation. Director of the Center for Scientific and Methodological Support of State Cultural Policy and Traditional Values of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Arefev M.A., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Department of Philosophy and Cultural Studies.

Baharev V.V., Doctor of Social Sciences, Professor of the VSU.

Bessonov E.G., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, researcher of the VUNC of the "Naval Academy".

Bormotova T.M., Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Modern State and Municipal Management of the Faculty of Economics and Management of the Russian State Social University.

Chjan Vei, People's Republic of China.

Hitarova I.Y., Doctor of Philosophical Sciences, Doctor of Philosophical Science, Professor, Member of the Philosophical Society, Alexander I-st University of Communications.

Ilarionova T.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, General Director of the Institute of Energy of Knowledge.

Kuznecova T.F., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University.

Li Eryong, Candidate of Art Criticism, Associate Professor college of Art, Jiangxi University of Finance and Economics (Nanchang, Jiangxi), China.

Ponomareva G.M., Doctor of Philosophical Science, Professor, Department of Philosophical Anthropology, Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University.

Pusko V.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor.

Sebastian Hoppe, Research Associate. Institute for East European Studies, Department of Politics / International Relations. Freie Universität Berlin.

Solonin K.Y., Doctor of Philosophy, Professor of the Institute of Chinese classics, Chinese People's University.

Ulturgasheva N.D., Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Theory and History of Folk Art Culture (Kemerovo State Institute of Culture), Honored Scientist of the Republic of Tuva, Corresponding Member of the Petrovsky Academy of Sciences and Arts.

Vodolackiy V.P., Doctor of Social Sciences, Deputy of the State Duma of the Russian Federation, Supreme Ataman of the Union of Cossacks of Russia and abroad Warriors, Cossack General.

Wang Haiyan, Candidate of Economic Sciences. Senior Researcher, Deputy Head of the Center for Central Asian Studies, Center for Russian Studies, Institute of International Relations and Regional Development and the Institute for the Study of the SCO East China Pedagogical University.

Yudina T.N., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Center for the Study of Migration Processes, Labor Resources and the Labor Market, Chief Researcher at the Institute of Social Demography of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences.

Zabulionite K.I., Doctor of Philosophy, Professor. Chairman of the St. Petersburg International Cultural Research Symposium. Head of the Section of Philosophy of Culture and Cultural Studies at the St. Petersburg House of Scientists.

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО

Федирко О.П., Потапчук Д.Д.

Православие в китайской диаспоре Приамурья: маркер
русской идентичности и фактор межкультурной коммуникации.....14

Мельник С.В. Православие и суфизм:
личностная модель межрелигиозного диалога.....25

До Тхи Минь Тхао, Нгуен До Хонг Ань Дзэн и психоанализ:
принципы прикладного религиоведения и практические подходы.....36

СОЦИОЛОГИЯ

Пинкевич В.К., Кравчук В.В.

От унификации к религиозному многообразию.
Религиозные отношения в России в начале XX века.....46

Вознесенский И.С., Чапкин А.Н.

Социальное взаимодействие в поиске утраченного времени.....55

Долгов И.С. Теоретико-методологические границы
понятия «предельная заработная плата» в социологии рынков.....63

Земцова О.А. Синтез структурно-функционального
и тезаурусного подходов в анализе молодежной политики корпорации:
разработка модели и пилотная эмпирическая иллюстрация.....67

Долгов И.С. Трансформация мотивационной структуры
поколения Z на рынке труда: вызовы для социологии управления.....79

ФИЛОСОФИЯ

Плетнев Н.А., Вихман В.В. Цифровые технологии
и спортивное профессиональное образование: анализ возможностей.....86

Опенков М.Ю., Тетенков Н.Б.

Алиенистика: искусственный интеллект и внеземной разум.....93

Чиркова Е.А. Генезис представлений
о традиции в социально-философской мысли.....102

ИСТОРИЯ

Гаврилюк Н.П., Дедиу Е.И. Материальность синей бумаги: источники, терминология и интерпретация художественного выбора.....	109
Гаврилюк Н.П., Дедиу Е.И. Региональная специфика писчебумажного производства Калужской губернии на рубеже XIX – XX веков: техническое оснащение, штрафная политика и социальные стандарты в сравнительной перспективе.....	121

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Трунова Е.Е., Воловецкая Д.Н. Применение инклюзивного дизайна в цифровом пространстве.....	136
Задохина М.Б. Выставочная деятельность Хабаровского отделения Союза советских художников в 1940–1950-е годы.....	144
Вэй Даньтун Исследование социокультурных настенных символов в региональном контексте.....	152
Бухерт В.В. Архитектурные мотивы и образы в художественном языке «красного» плаката периода Гражданской войны в России.....	163
Ихуа Сюй, Бин Лю Исследование путей развития этической компетентности журналистов и иных специалистов в области средств массовой информации в контексте идеологии и политики обучающих программ.....	174
Слободян Е.А. Культурные лакуны как основания для формирования взрослого бикультурализма (на примере феномена small talk).....	182
Аннотации	191
Авторы	203

CONTENT

RELIGION AND SOCIETY

Fedirko O.P., Potapchuk D.D.

Orthodoxy in the Chinese Diaspora in the Amur region:
a marker of Russian identity and a factor in intercultural communication.....14

Melnik S.V. Orthodoxy and Sufism:

a personal model for interreligious dialogue.....25

Do Thi Minh Thao, Nguyen Do Hong Anh Zen and psychoanalysis:

principles of applied religious studies and practical approaches.....36

SOCIOLOGY

Pinkievich V.K., Kravchuk V.V.

From unification to religious diversity:
religious relations in Russia at the beginning of the 20th century.....46

Voznesensky I.S., Chapkin A.N. Social interaction in search of lost time.....55

Dolgov I.S. Theoretical and methodological boundaries

of the concept of “maximum wage” in the sociology of markets.....63

Zemtsova O.A. Synthesis of structural-functional

and thesaurus approaches in the analysis of corporate youth policy:
model development and pilot empirical illustration.....67

Dolgov I.S. Transformation of the motivational structure

of generation Z in the labor market: challenges for management sociology.....79

PHILOSOPHY

Pletnev N.A., Vikhman V.V. Digital technologies

and professional sports education: analysis of possibilities.....86

Openkov M.Yu., Tetenkov N.B.

Alienistics: artificial intelligence and extraterrestrial intelligence.....93

Chirkova E.A. The genesis of concepts

of tradition in social and philosophical thought.....102

HISTORY

Gavrilyuk N.P., Dediu E.I. The materiality of blue paper: sources, terminology, and interpretation of artistic choice.....	109
Gavrilyuk N.P., Dediu E.I. Regional specifics of paper production in Kaluga governorate at the turn of the 19th – 20th centuries: technical equipment, penalty policy and social standards in comparative perspective.....	121

CULTURAL STUDIES

Trunova E.E., Volosetskaya D.N. Application of inclusive design in digital space.....	136
Zadokhina M.B. Exhibition activities of the Khabarovsk branch of the Union of Soviet Artists in the 1940s–1950s.....	144
Wei Dantong The study of socio-cultural wall symbols in a regional context.....	152
Bukhert V.V. Architectural motifs and images in the artistic language of the «red» poster from the period of the Russian Civil War.....	163
Yihua Xu, Bing Liu A study of ways to develop ethical competence of journalists and other specialists in the field of mass media in the context of the ideology and policy of educational programs.....	174
Slobodian E.A. Cultural lacunae as the foundation for adulthood biculturalism development: a case study of the «small talk» phenomenon.....	182

Abstracts	198
Authors	205

РЕЛИГИЯ И ОБЩЕСТВО

RELIGION AND SOCIETY

Дорогие друзья, уважаемые коллеги!

Журнал «Миссия конфессий»
продолжает серию публикаций в рамках
информационно-просветительского проекта

**«Наука и религия:
научно-конфессиональное
сотрудничество».**

Приглашаем к публикации
материалов исследований
по диалогу всех конфессий.

Федирко О.П.

Доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Отдел этнографии, этнологии и антропологии. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской Академии Наук.

Потапчук Д.Д.

Магистрант кафедры истории России специальных исторических дисциплин. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Благовещенский государственный педагогический университет».

Православие в китайской диаспоре Приамурья: маркер русской идентичности и фактор межкультурной коммуникации*

Аннотация. В статье рассматривается современное состояние православия в среде китайской студенческой молодёжи Амурской области как наиболее динамичной и восприимчивой к межкультурной коммуникации части китайской диаспоры. На основе социологического опроса китайских студентов (n=110) и интервью со священнослужителями выявляются особенности восприятия православия китайскими мигрантами. Особое внимание уделяется феномену принятия православия как маркера русской идентичности и роли межкультурной коммуникации в формировании религиозных представлений. Новизна исследования заключается в комплексном анализе бикультурной самоидентификации православных китайцев Приамурья на основе эмпирических данных 2026 г. Делается вывод, что православие в сознании китайских студентов выступает не только как конфессия, но и как символический маркер приобщения к русской культуре, при этом не влекущий отказа от традиционных китайских ценностей.

Ключевые слова: православие, китайская диаспора, Приамурье, русская идентичность, межкультурная коммуникация, китайские студенты, бикультурализм.

Fedirko O.P.

Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology, The Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences Institute of History, Archeology and Ethnography.

Potapchuk D.D.

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Blagoveshchensk State Pedagogical University". Department of Russian History and Special Historical Disciplines.

Orthodoxy in the Chinese Diaspora in the Amur region: a marker of Russian identity and a factor in intercultural communication

Abstract. The article examines the current state of Orthodoxy among Chinese university students in the Amur Region as the most dynamic and interculturally receptive segment of the Chinese diaspora. Based on a survey of Chinese students (n=110) and interviews with clergy, the study identifies the features of Chinese migrants' perception of Orthodoxy. Special attention is paid to

* © Федирко О.П., Потапчук Д.Д., 2026.

Православие в китайской диаспоре Приамурья: маркер русской идентичности и фактор межкультурной коммуникации

the phenomenon of adopting Orthodoxy as a marker of Russian identity and the role of intercultural communication in shaping religious ideas. The novelty of the research lies in a comprehensive analysis of the bicultural self-identification of Orthodox Chinese in the Amur Region based on empirical data from 2026. It is concluded that Orthodoxy in the consciousness of Chinese students acts not only as a confession but also as a symbolic marker of belonging to Russian culture, without entailing a rejection of traditional Chinese values.

Key words: Orthodoxy, Chinese diaspora, Amur Region, Russian identity, intercultural communication, Chinese students, biculturalism.

Введение

Православие на Дальнем Востоке России традиционно рассматривается в контексте истории Русской православной церкви и её миссионерской деятельности среди коренных народов. Однако феномен присутствия православия в среде китайской диаспоры остаётся малоизученным. Актуальность темы обусловлена ростом китайского присутствия в приграничных регионах РФ, развитием межкультурной коммуникации и необходимостью осмысления новых форм этнокультурной идентичности.

Степень разработанности темы неодинакова в различных аспектах. Проблемы миграционного присутствия китайцев на Дальнем Востоке стали объектом изучения А.В. Друзяка (2011), А.А. Авдашкина (2023). Вопросы этнокультурной и религиозной идентичности в полиэтнической среде Дальнего Востока России рассматриваются в работах Т.В. Романенко (2019), которая на примере русских старожилов региона выявила механизмы сохранения культурной идентичности в условиях межэтнического взаимодействия. Н.И. Шитова (2020) исследовала религиозную идентичность как компонент этнокультурной самоидентификации личности, показав, что в иноэтнической среде конфессиональный выбор нередко выполняет функцию маркера приобщения к доминирующей культуре.

Д.Н. Горстка (2021) проанализировал интеграционную роль православия в полиэтнической среде Дальнего Востока, охарактеризовав его как механизм, позволяющий иноэтническим элементам органично встраиваться в русскую культурную среду. Вместе с тем исследования, посвящённые непосредственно восприятию православия современной китайской диаспорой Приамурья, единичны и ограничиваются, как правило, данными опросов начала 2010-х годов (Забияко, Кобызов, Понкратова, 2010), что подтверждает потребность в актуализации эмпирической базы.

Теоретической рамкой исследования служат концепции Э. Дюркгейма (Дюркгейм, 2028) о религии как «социальном факте», выполняющем интегративную функцию и формирующем коллективные представления, а также конструктивистские подходы П. Бергера и Т. Лукмана (Бергер, Лукан, 1995), согласно которым идентичность социально конструируется в процессе повседневного взаимодействия. Для анализа механизмов группового самоопределения мы привлекаем теорию социальной идентичности Г. Тэджфела (Тэджфел, 1986), позволяющую объяснить, почему конфессиональный выбор в иноэтнической среде нередко служит маркером приобщения к доминирующей культуре. Сочетание этих теоретических перспектив даёт воз-

возможность рассматривать православие в китайской диаспоре одновременно как объективный социальный институт, обозначающий культурные границы, и как субъективно переживаемый ресурс самоидентификации, конструируемый в конкретных социальных контекстах.

Цель настоящего исследования - выявить особенности восприятия православия китайской диаспорой Приамурья и определить роль конфессиональной принадлежности в процессах самоидентификации китайских мигрантов. Объектом исследования выступает китайская диаспора Амурской области; предметом - православие как маркер русской идентичности и фактор межкультурной коммуникации.

Методы исследования

Исследование проведено в 2022–2026 годов с использованием комплекса методов. Основным эмпирическим методом выступил анкетный опрос китайских студентов Амурского государственного университета (АмГУ) и Благовещенского государственного педагогического университета (БГПУ). Опрос проведён 10 марта 2026 г. в БГПУ (n=48) и 24 марта 2026 г. в АмГУ (n=62); общая выборка составила 110 респондентов. Опрос распространялся через социальные сети по учебным группам китайских студентов и запускался дважды, поскольку первоначальный отклик был низким - вероятно, вследствие настороженного отношения китайских респондентов к разговорам о вере и конфессиональной принадлежности (Забияко, Кобызов, Понкратова, 2010). Анкета включала вопросы об источниках информации, ассоциациях, восприятии связи православия с русской культурой, а также о посещении храмов.

Дополнительно использованы глубинные полуструктурированные ин-

тервью со священнослужителями Благовещенской епархии РПЦ (трое информантов), а также с представителями китайских православных семей (одно интервью). Применялся метод анализа исторических источников и статистических данных (переписи населения, ведомственная статистика, данные Министерства экономического развития РФ и турцентра Амурской области).

Сознательным ограничением исследования является его фокус исключительно на студенческой молодёжи: эта группа выбрана как наиболее динамичная, открытая к межкультурным контактам и активно вовлечённая в образовательную и коммуникационную среду вузов, что делает её «лакомой бумажкой» для фиксации формирующихся идентификационных моделей. Для компенсации выборного ограничения и расширения эмпирической базы мы дополнительно применили контент-анализ материалов региональных СМИ и официальных интернет-ресурсов (сайты вузов, епархии, новостные порталы Амурской области за 2022–2026 гг.), посвящённых православно-китайским культурным взаимодействиям, что позволило верифицировать данные опроса и интервью через анализ публичных дискурсов о православии в китайской среде. Полученная совокупность эмпирических материалов – триангулированных (опрос, интервью, контент-анализ) – обеспечивает валидность выводов применительно к заявленному объекту (китайское студенчество вузов Благовещенска), оставляя экстраполяцию на другие категории диаспоры (предприниматели, рабочие, пенсионеры) за рамками настоящей статьи в качестве самостоятельной исследовательской перспективы

Результаты

Социально-демографический пор-

треть китайской диаспоры

По данным переписи 2021 г., в России проживает 19 644 китайца, в Амурской области - 1 089 человек¹. Мужчины составляют большинство (14 790 чел.). Основные категории китайских мигрантов - предприниматели, рабочие, студенты. За период 2022–2024 гг. в России зарегистрировались 2 452 китайские компании; общее их число превышает 9 000². Амурская область входит в тройку самых популярных регионов для китайского бизнеса. На 2025 г. в вузах Благовещенска обучается около 1 200 китайских студентов; в АмГУ - более 600 (Дань, 2020). Китайцы расселены преимущественно в Благовещенске, Благовещенском, Свободненском и Шимановском районах.

Китайские мигранты приезжают в Приамурье со второй половины XX в. По данным на 2008 г., на Дальнем Востоке было занято 65 529 китайских рабочих (23% от всех иностранных трудовых мигрантов в РФ) (Друзяка, 2011). В 2023 г. государственную границу пересекли 66 396 китайских граждан³; до пандемии

этот показатель достигал 93 066 человек (Авдашкин, 2021). Туристический поток из КНР также значителен: в 2014 г. Амурскую область посетило 409 тыс. китайских туристов⁴; после пандемийного спада (3 461 чел. в 2020 г.⁵) турпоток восстанавливается. В 2024 г. в Россию прибыло 1,1 млн китайцев. В 2025 г., по данным турцентра Амурской области, регион принял более 264 тыс. китайских туристов, заняв второе место по въездному групповому туризму из КНР после Приморья⁶.

Китайское студенчество - одна из наиболее динамичных групп. В 2016–2017 гг. в российских вузах обучалось 32 529 граждан КНР; к 2018–2019 гг. их число возросло до 76 470 человек (Дань, 2020). Китайские студенты обучаются в 305 вузах в 85 городах России. В 2025 г. в вузах Благовещенска насчитывалось около 1 200 китайских студентов⁷, из них в АмГУ - более 600⁸. Общая численность постоянно или временно проживающих в регионе китайцев оценивается

1 Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Том 5. Национальный состав и владение языками. Таблица 1. Национальный состав населения // Росстат, официальный сайт. // URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami. (Дата обращения: 02.09.2024).

Эксперты назвали самые популярные отрасли у китайского бизнеса в России // Ведомости, официальный сайт. // URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2024/08/20/1056706-eksperti-nazvali-samie-populyarnie-otrasli-u-kitaiskogo-biznesa-v-rossii> (Дата обращения: 12.05.2025).

2 Эксперты назвали самые популярные отрасли у китайского бизнеса в России // Ведомости, официальный сайт. // URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2024/08/20/1056706-eksperti-nazvali-samie-populyarnie-otrasli-u-kitaiskogo-biznesa-v-rossii> (Дата обращения: 12.05.2025).

3 Откуда в Россию приезжают трудовые мигранты // Ведомости, официальный сайт. // URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/05/03/1035233-otkuda-v-rossiyu-priezhayut-trudovie-migranti> (Дата обращения: 12.05.2025).

4 Откуда в Россию приезжают трудовые мигранты // Ведомости, официальный сайт. // URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/05/03/1035233-otkuda-v-rossiyu-priezhayut-trudovie-migranti> (Дата обращения: 12.05.2025).

5 Амурская область: факты в цифре: Статистический сборник / Амурстат – Благовещенск, 2021. 220 с.

6 Амурская область: факты в цифре: Статистический сборник / Амурстат - Благовещенск, 2025. 164 с.

7 Эксклюзив: Студенческие обмены способствуют укреплению российско-китайской дружбы – зампред правительства Амурской области // СИНЬХУА Новости, официальный сайт. // URL: <https://russian.news.cn/20250430/ce4f3ff-4597b4ad4bd715ba70a4e0b15/c.html> (Дата обращения: 16.08.2025)

8 Визит представителей провинции Хэйлунцзян и посольства Китайской Народной Республики в Российской Федерации в АмГУ // АмГУ, официальный сайт. // URL: https://amursu.ru/about/news/Vizit_predstaviteley_provincii_KHeyluntszyan_i_posolstva_Kitayskoy_Narodnoy_Respubliki_v_Rossiyskoy/ (Дата обращения: 12.05.2025).

примерно в 1 000 человек (около 15% всех китайских мигрантов Дальнего Востока).

По своему социальному составу китайская диаспора включает людей трудоспособного возраста, занятых в сельском хозяйстве (наёмные работники), в торговле на рынках, в сфере услуг (ремонт обуви, автосервис), получающих образование, а также арендующих промышленные предприятия. Женщин среди мигрантов значительно меньше, чем мужчин. Особенности адаптации включают языковой барьер (русским владеют в основном молодые китайцы и те, кто давно работает в России), этническую обособленность (проживание компактными группами), активные экономические связи с китайской стороной. Современные мигранты преимущественно ориентированы на прагматичное взаимодействие с принимающим сообществом, что отличает их от старожильческих групп китайского населения, сохранявших историческую память о добрососедских отношениях XIX – начала XX в. Этническая обособленность проявляется также в сфере досуга: китайские мигранты предпочитают проводить свободное время внутри своей группы, реже участвуют в общегородских событиях, что ограничивает их естественное знакомство с православной культурной средой.

Православные китайцы в Амурской области

Количество православных китайцев в регионе невелико. По данным интервью со священнослужителями Благовещенской епархии, случаи крещения «исчисляются единицами» (о. Викторин, 2022) (Потапчук, 2025). Священник о. Святослав уточнил: «Из тех китайцев, которых я знал, которые конкретно приходили в храм, исповедовались, причащались, на моей памя-

ти 4–5 человек. Я их давно не видел. Скорее всего, они сменили регион или вернулись в Китай» (Потапчук, 2025). Согласно данным опроса 2009 г., проведённого сотрудниками АмГУ (Забияко, Кобызов, Понкротова, 2010), группа верующих среди китайцев Дальнего Востока составила лишь 28%, неверующих – 62,8%, отказались отвечать – 9,2% (Потапчук, 2025). При этом на вопрос о конфессиональной принадлежности 43,8% респондентов не дали ответа, что исследователи связывают с цензурой и строгой регламентацией религиозной жизни в КНР. Сопоставление этих данных с нашими результатами 2026 г. показывает, что за 16 лет принципиальных изменений в уровне религиозности китайской диаспоры не произошло: доля тех, кто допускает интерес к православию, остаётся на уровне 25–30%.

До пандемии COVID-19 в Благовещенске действовала небольшая община во главе с иереем Дмитрием Чжаном (Чжан Линь Сэнь) – первым китайским православным священником в России. Путь о. Дмитрия к православию начался после прочтения книги «История православия»; он был крещён в Гонконге протоиереем Дионисием Позднеевым, после чего окончил Саратовскую духовную семинарию, защитил выпускную квалификационную работу на тему «История православия в Китае» и был рукоположен в сан иерея. 23 июня 2019 г. он отслужил первый в городе молебен на китайском языке в Никольском храме, посвящённый дню памяти Китайских новомучеников, погибших во время Боксёрского восстания. После богослужения крестилась китаянка, принявшая имя Ия – в честь мученицы Ии Вэнь, учительницы из Русской духовной миссии в Китае, которая «заведовала рукодельнями по украшению миссийского храма» и погибла в Пеки-

не в 1900 г. (Потапчук, 2025).

Община участвовала в праздновании Китайского Нового года (январь 2020 г.). Последнее богослужение состоялось 16 февраля 2020 г. – молебен о спасении от коронавируса. В 2023 г., по словам о. Викторина, в храм регулярно ходили лишь 3 человека; вся община насчитывала 5–7 человек. Осенью 2022 г. о. Димитрий уехал в Китай, и община прекратила существование. В настоящее время в Амурской области нет ни зарегистрированного китайского прихода, ни богослужебной литературы на китайском языке.

Из муниципальных образований Амурской области только в Благовещенском и Ивановском районах известны случаи принятия православия китайцами. Священники из Белогорска (о. Платон) и Зеи (о. Александр) сообщили, что китайцы их храмы не посещают (Потапчук, 2025).

Принятие православия как маркер русской идентичности

Принятие православия китайцами и метисами в Приамурье не всегда мотивировано исключительно религиозными причинами. Нередко оно выполняет функцию маркера приобщения к русской культуре. Как отмечает Н.И. Шитова (2020), религиозная принадлежность может выступать индикатором самосознания личности в иноэтничной среде. Т.В. Романенко (2019) подтверждает: для людей из смешанных семей вера помогает консолидировать разорванную идентичность. Д.Н. Горстка (2021) характеризует православие как механизм интеграции иноэтничных элементов в русскую культурную среду. При этом, согласно «Концепции миссионерской деятельности Русской православной церкви», миссия состоит в том, чтобы «принимать местные культуры и способы их выражения, не противоре-

чащие христианской вере», что создаёт принципиальную возможность сохранения этнокультурной специфики при вхождении в православную традицию.

Наиболее показателен пример семьи Золотых. В.Г. Золотой – метис (отец – чистокровный китаец, работавший переводчиком в 1950-е гг., мать – наполовину русская), родился в Забайкалье, с 1980 г. живёт в Благовещенске. Ветеран СВО, ветеран ЛДПР. Женат на русской, воспитывает пятерых сыновей. В 1992 г. в командировке в Харбине посетил православный храм и испытал сильное впечатление: «Мне трудно это чувство описать словами, потому что я никогда не сталкивался с таким» (Потапчук, 2025). В 2001 г. крестился сам вместе с сыновьями. Его мать, Кочмарева Зинаида Михайловна (дочь переводчика Чжоу Гуанцзя), приняла православие в 2017 г. после беседы с русской подружкой.

Характерно, что семья Золотых вмещает обе культурные традиции: православные праздники (Рождество, Пасха, Вербное воскресенье) отмечаются наряду с Китайским Новым годом; в доме – иконы, рядом – китайская утварь; готовятся как русские, так и китайские блюда. По словам о. Викторина, в храме Веры, Надежды, Любви члены китайской общины вместе с о. Димитрием Чжаном отмечали Праздник середины осени (Чжунцзюцзе), что подтверждает бикультурный характер религиозной практики – одновременное избирательное принятие элементов новой конфессиональной традиции при сохранении собственной этнической (Потапчук, 2025).

Результаты опроса студентов

Для эмпирического изучения отношения китайской молодёжи к православию автором был проведён социологический опрос среди китайских

студентов Амурского государственного университета и Благовещенского педагогического университета. Анкета включала вопросы о знакомстве с православием, источниках информации, ассоциациях, отношении к православию как части русской культуры, посещении храмов и желании узнать больше.

Опрос проведён 10 марта 2026 г. в БГПУ (n=48) и 24 марта 2026 г. в АмГУ (n=62). В БГПУ преобладали респонденты 18–25 лет (46 чел.), 26 женщин и 22 мужчины, преимущественно с факультета педагогики и психологии (32 чел.). В АмГУ - также молодёжь 18–25 лет (51 чел.), но с преобладанием мужчин (35 против 27); лидировали филологи (21 чел.) и международники (18 чел.), что отчасти объясняется активной просветительской работой кафедр литературы и мировой художественной культуры АмГУ.

Для систематизации эмпирических данных и повышения прозрачности их интерпретации результаты опроса

сгруппированы по трём ключевым блокам: ассоциативный ряд, оценка культурной связи православия с Россией и поведенческие индикаторы (посещение храмов, познавательный интерес). Как показано в таблице 1, наиболее устойчивой корреляцией является связь между участием в вузовских культурно-просветительских мероприятиях и интересом к православию: в АмГУ, где системная работа с китайскими студентами ведётся с 2022 г., доля посетивших храм (40,3%) и желающих узнать больше (48,4%) значительно выше, чем в БГПУ (20,8% и 35,4% соответственно). Это подтверждает вывод о том, что межкультурная коммуникация в вузовской среде выступает значимым фактором формирования базовых представлений о православии.

На вопрос об ассоциациях с православием преобладал ответ «храмы» (БГПУ - 38, АмГУ - 52). В АмГУ второе место заняли «священные книги» (12), третье - «иконы» (10). Часть респонден-

Таблица 1. Восприятие православия китайскими студентами Приамурья (n=110), %.

Показатель	БГПУ (n=48)	АмГУ (n=62)	Всего (n=110)
Ассоциации с православием (множественный выбор)			
Храмы	79,2	83,9	81,8
Иконы	12,5	16,1	14,5
Священные книги	6,3	19,4	13,6
Не смогли назвать	22,9	16,1	19,1
Оценка связи православия с русской культурой			
Тесно связаны	43,8	41,9	42,7
Какая-то связь есть	29,2	29,0	29,1
Затрудняюсь ответить / нет связи	27,1	29,0	28,2
Посещение православного храма	20,8	40,3	31,8
Желание узнать больше о православии	35,4	48,4	42,7

Примечание: в столбцах БГПУ и АмГУ сумма по ассоциациям может превышать 100% ввиду возможности множественного выбора.

тов не смогла назвать никаких ассоциаций (11 в БГПУ, 10 в АмГУ). Уровень знакомства с православием в БГПУ ниже: 26 чел. ответили «не знаком», 22 - «немного знаком». В АмГУ - 33 «немного знакомы» и 27 «не знакомы»; двое заявили о хорошем знании.

Выявлен парадокс: 36 из 48 в БГПУ и 42 из 62 в АмГУ утверждали, что не искали информацию о православии, однако затем называли конкретные источники. В БГПУ 33 из 36 отрицавших ответили на вопрос об источниках; в АмГУ - 40 из 42. Это может объясняться как недопониманием вопроса, так и пассивным получением знаний через культурные мероприятия - китайские студенты могли не расценивать участие в праздниках, экскурсиях и мастер-классах как «поиск информации». Рейтинг источников: интернет (71), фильмы и сериалы (38), книги (37), преподаватели (29), друзья (28), научные статьи (11). Интернет-ресурсы доминируют, что подтверждает медийный, а не доктринальный характер формирования представлений о конфессии.

Прямой вопрос о связи православия с русской культурой дал следующие результаты: 47 из 110 ответили «тесно связаны», 32 - «какая-то связь есть», 25 затруднились, 5 - «трудно ответить», 1 - «связи нет». Это подтверждает гипотезу о восприятии православия как русской религии, что согласуется с наблюдениями китайских авторов (Чжан Фань, Юйшин, 2023), а также с данными о том, что в Китае православие традиционно считается «религией русских» и существует в среде потомков албазинских казаков - наиболее крупной группы православных китайцев, сохраняющих веру с XVII века. Известен случай крещения гражданина КНР Ду Чжунци (наречён Василий) в водах Амура в 2013 г. - символический акт возвращения

к вере предков-албазинцев. В 2015 г. в Пекине состоялась литургия для потомков албазинцев (более 80 человек), что свидетельствует о сохраняющейся связи между приамурской землёй и китайскими православными. Эти примеры показывают, что православие для части китайцев является не заимствованной верой, а элементом семейной исторической памяти, передаваемой через поколения.

Посещали храм 25 респондентов из АмГУ и 10 из БГПУ. Желание узнать больше выразили 30 чел. в АмГУ и 17 в БГПУ, что коррелирует с более активной просветительской работой в АмГУ. Экскурсионно-познавательная программа включает центр «Я понимаю!» (с 2022 г.), фестиваль «Русь изначальная: образы, символы, традиции» (2022 г.), масленичные гуляния (февраль 2023 г.), экскурсии в краеведческий музей (март 2023 г.), а также международный слёт молодёжи «Мир, где нет чужих». В БГПУ просветительские мероприятия менее систематичны, что отражается на показателях интереса студентов. Прямая зависимость между интенсивностью межкультурных программ и уровнем интереса к православию подтверждает, что просветительские практики вузов являются значимым фактором формирования базовых представлений о конфессии. Особого внимания заслуживает тот факт, что даже однократное участие в православном празднике или экскурсии способно сформировать устойчивую положительную ассоциацию, что подтверждается разницей в показателях АмГУ и БГПУ.

Обсуждение

Полученные данные подтверждают гипотезу: китайцы воспринимают православие прежде всего как элемент русской культуры. Вывод согласуется с

опросами (Федирко, Друзяка, Иванова, 2014; Иванова, Федирко, 2017), в которых зафиксирована дихотомия «свой - чужой» в восприятии России и Китая. Православие осознаётся как «религия русских», то есть маркер иной культурной идентичности. Исследования отношений восточноазиатских студентов к России и Китаю (Федирко, Друзяка, Иванова, 2014) показывают, что Китай воспринимается как «своё», а Россия - как «чужое», но привлекательное. Православие в этой картине попадает в категорию «чужого», то есть русского, и тем самым обозначает границу между «мы» и «они».

При этом принятие православия китайцами и метисами не означает разрыва с исходной культурой - напротив, складывается бикультурная модель самоидентификации, в которой этнические китайские традиции сохраняются и сосуществуют с конфессиональными практиками. Этот приамурский сценарий отличается от классических моделей ассимиляции и ближе к концепции гибридной идентичности, где религия служит не заменой этничности, а дополнительным ресурсом культурного самоопределения.

Сильная зависимость общины от одного человека (о. Димитрий Чжан) указывает на слабую институциональную основу миссионерской работы среди китайцев. Вузовские просветительские программы (особенно центр «Я понимаю!» в АмГУ) отчасти восполняют этот пробел, формируя первичные ассоциации с православной культурой через экскурсии, праздники и мастер-классы. Однако при общей открытости китайских студентов к новым знаниям уровень осведомлённости остаётся невысоким - значит, потенциал для расширения миссионерской и культурно-просветительской деятель-

ности далеко не исчерпан. Особенно многообещающим выглядит сочетание визуальных методов (экскурсии, мастер-классы) с целенаправленным распространением печатных и цифровых материалов на китайском. Важно подчеркнуть: межкультурная коммуникация в вузах создаёт естественную площадку для диалога. В отличие от прямого миссионерского обращения, культурно-просветительские акции не вызывают у китайских студентов настороженности и позволяют пробуждать интерес к православию через знакомство с русской культурой в целом.

Ограничения исследования - небольшой объём выборки и нежелание части респондентов отвечать на вопросы о религии, что, вероятно, связано с регламентацией религиозной жизни в КНР (Забияко, Кобызов, Понкратова, 2010). Для более надёжных выводов потребуется расширить географию опроса и захватить другие категории китайских мигрантов, а не только студенческую молодёжь.

Заключение

На основе проведённого исследования можно сформулировать следующие выводы.

Уровень осведомлённости китайских студентов о православии остаётся невысоким: лишь 2 из 110 респондентов заявили о хорошем знании конфессии, тогда как 81,8% ассоциируют православие исключительно с храмами, не углубляясь в содержательные аспекты вероучения.

Православие воспринимается как маркер русской идентичности: 42,7% опрошенных считают православие и русскую культуру «тесно связанными», ещё 29,1% признают «какую-то связь», что подтверждает гипотезу о восприятии конфессии как «религии русских».

Формирование интереса к православию напрямую зависит от институциональных условий межкультурной коммуникации: разница между АмГУ (системная просветительская работа) и БГПУ (эпизодические мероприятия) составляет 13 процентных пунктов по посещаемости храмов и 13 п.п. по желанию узнать больше, что указывает на потенциал вузовских программ в миссионерской и культурно-просветительской деятельности.

Принятие православия не влечёт отказа от китайской этнокультурной идентичности: как показано на примере семьи Золотых и деятельности общины о. Димитрия Чжана, религиозная практика китайских православных включает одновременное следование православным календарным циклам (Рождество, Пасха) и китайским традициям (Китайский Новый год, Праздник середины осени), что соответствует модели бикультурной самоидентификации.

Выявленная в Приамурье модель бикультурной самоидентификации коррелирует с процессами в других приграничных территориях Дальнего Востока (Приморский край, ЕАО), где также присутствуют китайские православные общины (Забияко, Кобызов, Понкраторова, 2010; Потапчук, 2025). Однако в Амурской области, в силу исключительной плотности трансграничных контактов и интенсивного студенческого обмена, эта модель приобретает особую остроту, а вузовские площадки становятся ключевым пространством межкультурного диалога, формирующего представления о православии как элементе русской культуры.

Список литературы

1. Авдашкин А.А. Китайские мигранты в постсоветской России: цели прибытия и отношение принимающего общества // Социологические исследования. 2021. № 5. С. 84-93.

2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. / Пер. Е.Д. Руткевич. – М.: Медиум, 1995. 323 с.

3. Горстка Д.Н. Православие как фактор интеграции иноэтнических элементов в русскую культурную среду Дальнего Востока России // Россия и АТР. 2021. № 4. С. 112-125. // URL: <https://doi.org/10.24412/1026-8804-2021-4-112-125>

4. Дань Ч. Китайский студент в российском вузе: тенденции выбора, проблемы адаптации, формирование отношений // Гуманитарий Юга России. 2020. Том 9. № 5. С. 162-173.

5. Друзька А.В. Китайская миграция на Дальнем Востоке России // Современный Китай: Социально-экономическое развитие, национальная политика, этнопсихология / Отв. ред. Д.В. Буяров. – М.: УРСС, 2011. С. 14-17.

6. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / Пер. с фр. А. Апполонова и Т. Котельниковой; под науч. ред. А. Апполонова. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 736 с.

7. Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкраторова Л.А. Религиозность китайцев в условиях межкультурной коммуникации (по материалам опросов на Дальнем Востоке России и Северо-Востоке КНР) // Религиоведение. 2010. № 2. С. 42-52.

8. Иванова Н.С., Федирко О.П. Представление о России глазами иностранных студентов: результаты экспресс-опроса // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. Благовещенск–Хэйхэ: БГПУ. 2017. С. 542-544.

9. Кириллова Н.Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. 2-е изд.; перераб. и доп. – М.: Академический Проект, 2006. 448 с.

10. Потапчук Д.Д. Православие и китайское население в Дальневосточном приграничье: современный контекст // Вестник науки. 2025. Т. 3. № 9 (90). С. 290-304

11. Романенко Т.В. Этнокультурная идентичность русских в полиэтнической среде Дальнего Востока России: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток. 2019. 198 с.

12. Федирко О.П., Друзька А.В., Иванова Н.С. Россия и Китай глазами студентов (по материалам опросов студентов ДВФУ и БГПУ) // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. Благовещенск–Хэйхэ–Харбин: БГПУ. 2014. С. 424-429.

13. Чжан Фань, Юйшин М.А. Православие в Китае: интерпретация работ китайских философов // Религиоведение. 2023. № 3. С. 35-44.

14. Шитова Н.И. Религиозная идентичность в системе этнокультурной самоидентификации личности // Вестник Амурского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2020. № 88. С. 65-70.

15. Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of Intergroup Relations / Ed. by W.G. Austin, S. Worchel. Chicago: Nelson-Hall, 1986. P. 7-24.

16. Сапата Руис Т.А. Лексические особенности испанского языка в Венесуэле // Власть истории – История власти. 2025. Том 11. Часть 4. № 62. С. 41-46.

References

1. Avdashkin A.A. Chinese Migrants in Post-Soviet Russia: Purposes of Arrival and Attitudes of the Host Society // Sociological Studies. 2021. № 5. P. 84-93.

2. Berger P., Lukmann T. Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of Knowledge. / Translated by E.D. Rutkevich. Moscow: Medium, 1995. 323 p.
3. Gorstka D.N. Orthodoxy as a Factor in the Integration of Non-Ethnic Elements into the Russian Cultural Environment of the Russian Far East // *Russia and the Asia-Pacific Region*. 2021. № 4. P. 112-125. // URL: <https://doi.org/10.24412/1026-8804-2021-4-112-125>
4. Dan' Ch. Chinese Students at Russian Universities: Trends of Choice, Adaptation Problems, and Relationship Formation // *Humanitarian of the South of Russia*. 2020. Vol. 9. № 5. P. 162-173.
5. Druzyaka A.V. Chinese Migration in the Russian Far East // *Modern China: Socio-Economic Development, National Policy, Ethnopsychology* / Ed. D.V. Buyarov. – Moscow: URSS, 2011. P. 14-17.
6. Durkheim E. Elementary Forms of Religious Life: The Totemic System in Australia / Translated from French by A. Apollonov and T. Kotelnikova; under the scientific ed. A. Apollonov. – M.: Publishing house "Delo" RANEPA, 2018. 736 p.
7. Zabiayko A.P., Kobyzov R.A., Ponkratova L.A. Religiosity of the Chinese in the Context of Intercultural Communication (based on surveys in the Russian Far East and Northeast China) // *Religious Studies*. 2010. № 2. P. 42-52.
8. Ivanova N.S., Fedirko O.P. Ideas about Russia through the eyes of foreign students: results of a rapid survey // *Russia and China: History and Prospects for Cooperation: Proc. VII Int. scientific-practical. conf. Blagoveshchensk-Heihe: BSPU*. 2017. P. 542-544.
9. Kirillova N.B. Media Culture: From Modernism to Postmodernism. 2nd ed.; revised. and add. – M.: Akademichesky Proekt, 2006. 448 p.
10. Potapchuk D.D. Orthodoxy and the Chinese Population in the Far Eastern Borderlands: Modern Context // *Vestnik nauki*. 2025. Vol. 3. № 9 (90). P. 290-304
11. Romanenko T.V. Ethnocultural Identity of Russians in the Multiethnic Environment of the Russian Far East: Diss. ... Cand. Sci. (Hist.). Vladivostok. 2019. 198 p.
12. Fedirko O.P., Druzyaka A.V., Ivanova N.S. Russia and China through the Eyes of Students (Based on Surveys of Far Eastern Federal University and Belarusian State Pedagogical Univ. Students) // *Russia and China: History and Prospects of Cooperation: Proc. IV Int. Res.-Pract. Conf. Blagoveshchensk-Heihe-Harbin: Belarusian State Pedagogical Univ*. 2014. P. 424-429.
13. Zhang Fan, Yushin M.A. Orthodoxy in China: Interpretation of the Works of Chinese Philosophers // *Religious Studies*. 2023. № 3. P. 35-44.
14. Shitova N.I. Religious Identity in the System of Ethnocultural Self-Identification of the Individual // *Bulletin of Amur State University. Series: Humanities*. 2020. № 88. P. 65-70.
15. Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior // *Psychology of Intergroup Relations* / Ed. by W.G. Austin, S. Worchel. Chicago: Nelson-Hall, 1986. P. 7-24.
16. Zapata T.A. Lexical Features of the Spanish Language in Venezuela // *The power of history – History of power*. 2025. Volume 11. Issue 4. № 62. P. 41-46.

Мельник С.В.

Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник. Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН.

Православие и суфизм: личностная модель межрелигиозного диалога*

Аннотация. Рассматривается курс видеолекций «Православие и суфизм: личностная модель межрелигиозного диалога», реализованный при поддержке Фонда содействия стратегическому диалогу и партнерству Группы стратегического видения «Россия – Исламский мир». В основе предлагаемой модели лежит сопоставление духовных практик разных религий. Первая часть статьи раскрывает концептуальные основания миротворческого диалога; во второй представлена личностная модель как оригинальная стратегия гармонизации этноконфессионального взаимовосприятия; третья часть посвящена содержательным и методологическим аспектам курса, а также перспективам применения данного подхода в России и на международном уровне.

Ключевые слова: межрелигиозный диалог, православие, ислам, суфизм, личностная модель, межрелигиозные отношения, социальный мир, Россия.

Melnik S.V.

Doctor of Philosophy, leading researcher. Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences.

Orthodoxy and Sufism: a personal model for interreligious dialogue

Abstract. The article is devoted to the video lecture course “Orthodoxy and Sufism: A Personal Model of Interreligious Dialogue”, implemented with the support of the Foundation for Promoting Strategic Dialogue and Partnership of the Group of Strategic Vision “Russia – Islamic World”. The proposed model is based on a comparison of spiritual practices across different religions. The first part of the work reveals the conceptual foundations of peacebuilding dialogue; the second part presents the personal model as an original strategy for harmonizing interreligious relations; the third part is devoted to the substantive and methodological aspects of the course, as well as to the prospects for applying this approach in Russia and at the international level.

Key words: interreligious dialogue, Orthodoxy, Islam, Sufism, personal model, interreligious relations, social peace, Russia.

В статье представлен оригинальный подход к гармонизации отношений между верующими разных религий, который называется «личностная модель» межрелигиозного диалога. Важно подчеркнуть,

что личностная модель не является синонимом межличностных встреч и контактов верующих. Это специальный термин, обозначающий особую теоретическую модель выстраивания диалога, которая

* © Мельник С.В., 2026.

Православие и суфизм: личностная модель межрелигиозного диалога

основывается на парадигме личного общения, а согласие достигается через знакомство и сравнение духовных практик разных религий. Вначале будет рассмотрены теоретические основания личностной модели и ее место среди других подходов к межрелигиозным отношениям. Затем мы обратимся к ее практической апробации в рамках курса видеолекций «Православие и суфизм: личностная модель межрелигиозного диалога», подготовленного при поддержке Фонда содействия стратегическому диалогу и партнерству ГСВ «Россия – Исламский мир».

Концептуальные основания миротворческого межрелигиозного диалога: основные подходы

На протяжении столетий отношения между последователями христианства, ислама и иудаизма определялись, главным образом, стремлением продемонстрировать истинность и превосходство своей веры, что могло приводить к спорам, диспутам и написанию полемических трактатов. Одной из основных характеристик современного этапа межрелигиозного диалога, начавшегося в конце XIX века, является установка на выстраивание позитивных, конструктивных отношений между верующими. Такое взаимодействие может принимать формы когнитивного диалога (знакомство с воззрениями другой традиции и их сравнение), миротворческого диалога (укрепление согласия, общественной стабильности) или партнерского диалога (сотрудничество последователей разных религий в сферах, представляющих общий интерес). В каждом из перечисленных типов межрелигиозного диалога можно выделить разные их виды¹.

1 Более подр. см.: Мельник С.В. Классификация видов межрелигиозного диалога: новый подход // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3:

Виды миротворческого диалога удобно различать в зависимости от «уровня» участников: «высокий», «средний» («экспертный/концептуальный») и «низовой».

В миротворческом межрелигиозном диалоге на «высоком» уровне принимают участие религиозные лидеры. Одной из наиболее распространенных его форм реализации является участие глав религиозных общин в разнообразных международных саммитах, конференциях, что можно обозначить как дипломатический межрелигиозный диалог². На постсоветском пространстве одной из наиболее значимых площадок является регулярно проводящийся Съезд лидеров мировых и традиционных религий в Казахстане. Например, 17-18 сентября 2025 года в Астане состоялся очередной VIII Съезд на тему «Диалог религий: синергия во имя будущего», в котором приняли участие 100 делегаций из 60 стран мира. Как отмечается в пострелизизе мероприятия, основными обсуждаемыми темами стали: «роль религий в обеспечении глобального мира и стабильности, этические вызовы цифровой эпохи, влияние искусственного интеллекта на общество, а также противодействие насилию, радикализму и религиозной розни»³. Собственно богословские темы в рамках таких встреч не поднимаются, тогда как акцент во взаимодействии между религиозными лидерами делается на укреплении согласия, поиске совместных ответов на вызовы современности и соработничестве для

Философия. 2024. № 1. С. 61–101.

2 Мельник С.В. Дипломатический межрелигиозный диалог // Миссия конфессий. 2020. Том 9. Ч. 2 (№43). С. 217–225.

3 VIII Съезд лидеров мировых и традиционных религий: Пресс-релиз // Международный центр межконфессионального и межрелигиозного диалога: [официальный сайт]. // URL: https://religions-congress.org/ru/news/press-reliz_VIII/2922 (Дата обращения: 28.05.2026).

достижения общего блага.

Главной задачей миротворческого диалога на «низовом» уровне (англ. grassroots) является повышение уровня религиозной грамотности, избавление от ложных стереотипов, профилактика экстремизма. Например, в Республике Дагестан проводится ежегодный Международный межрелигиозный молодежный форум⁴. В Москве в рамках проекта «Диалог религий» организовывались футбольные, шахматные, волейбольные турниры между верующими разных религий⁵. Межрелигиозный диалог на «низовом» уровне может включать в себя три компонента: предоставление знаний о других религиях (в форме лекций, ответов священнослужителей разных религий на вопросы аудитории, экскурсий в культовые здания); специально организованное общение, нацеленное на развитие личных контактов; участие в совместной общественно полезной деятельности.

Кроме уровня «высокого» и «низового» следует выделять еще и «средний/концептуальный» аспект миротворческого межрелигиозного диалога. Он носит более теоретический характер и

выражается в попытках теологов, исследователей и экспертов ответить на вопрос – а какие идеи могут лежать в основе наших позитивных отношений, почему верующие разных религий должны жить в мире и уважать друг друга. Здесь можно выделить три основных подхода.

Во-первых, это апелляция к собственной религиозной традиции и содержащимся в ней установкам и ценностям терпимости и мира. Например, Комитетом по свободе совести и взаимодействию с религиозными организациями Республики Дагестан совместно с Муфтием Республики была выпущена брошюра «Основы межрелигиозного диалога в исламе»⁶. В издании приводится ряд цитат из Корана с пояснениями авторов. В разделе «Коранические основы межрелигиозного диалога» приводится аят: «Нет принуждения в религии» («Корова»: 256). В комментарии к этому стиху говорится: «Поводом для ниспослания упомянутого аята является то, что у одного из сподвижников Пророка (мир ему благословение) были два сына, и они были христианами. Он спросил у Пророка (мир ему благословение): «Принудить ли мне их принять ислам?» Тогда Господь и ниспослал вышеуказанный аят. Из аята следует, что нет права кого-либо заставлять против его воли принимать ислам. Еще из этого аята нам становится ясно, что призыв к исламу должен быть через уважительное отношение к представителям других конфессий»⁷. То есть здесь мы видим утверждение принципа религиозной свободы, которое обосновывается посредством обращения к самой

4 Состоялось официальное закрытие VII Международного межрелигиозного форума в Махачкале. // URL: <https://sovethnational.ru/information-support/news/sostoyalos-oficialnoe-zakrytie-vii-mezhdunarodnogo-mezhreligioznogo-foruma-v-mahachkale.html> (Дата обращения: 28.05.2026).

5 Второй межконфессиональный турнир по шахматам «Диалог религий» прошел в Москве. // URL: https://www.mos.ru/news/item/89900073/?utm_source=fb&utm_medium=social&utm_campaign=linkshare&utm_content=news&fbclid=IwAR1wAe41_7JFe7EHN-n5OxS1hV0Q1WW6jePZyTOpmQuS2n4T1P-bGapHmhbzE (Дата обращения: 28.05.2026); Межконфессиональный турнир по футболу «Диалог религий» прошел в Москве. // URL: https://www.mos.ru/news/item/90430073/?utm_source=fb&utm_medium=social&utm_campaign=linkshare&utm_content=news&fbclid=IwAR0eX88d-DJv72Yir-Q8lvDghFwfmOll42hUgBn_YZidjVl-WhyqZEuqaxq0Q (Дата обращения: 28.05.2026).

6 Основы межрелигиозного диалога в исламе / под. Ред. Гаджиева М.П. Махачкала, 2017. 15 с.

7 Основы межрелигиозного диалога в исламе / под. Ред. Гаджиева М.П. Махачкала, 2017. С. 4.

религиозной традиции.

Другой широко распространенной стратегией миротворческого диалога является выявление общих представлений разных религий, то есть поиск сходств в догматике и/или этике и акцентирование внимания именно на них. Важным событием в истории современного межрелигиозного диалога стало принятие на Втором Ватиканском соборе в 1965 году декларации «*Nostra aetate*», в которой излагается отношение Римско-католической церкви к нехристианским религиям. В параграфе, посвященном исламу, говорится: «Церковь с уважением относится и к мусульманам, поклоняющимся Единому Богу, Живому и Сущему, милосердному и всемогущему, Творцу неба и земли, говорившему к людям, определениям Которого, даже сокровенным, они всей душой стремятся подчиниться, как подчинился Богу Авраам... Кроме того, они ожидают Судного дня, когда Бог воздаст всем воскресшим людям. Поэтому они ценят нравственную жизнь и высоко чтят Бога молитвой, милостыней и постом»⁸. Указания на сходства двух религий начинаются с утверждения, что мусульмане, как и христиане, поклоняются «Единому Богу», то есть являются монотеистами. Упоминается воззрение авраамических религий, что Единый Бог является Творцом мира, а также выявляются некоторые Его свойства, каждое из которых (милосердный, всемогущий) можно найти и в Коране, и в Библии⁹. Также перечисляются предписания (три из пяти «столпов ислама») по отношению к Богу (молитва), ближнему

(милостыня) и самому себе (пост), которые являются основополагающими и в нравственной жизни христиан.

Одним из самых значимых документов в области исламско-христианского диалога является открытое письмо мусульман обращенное христианам по названием «Общее слово между нами и вами» (*A Common Word between Us and You*) 2007 года. Особенность этого документа заключается в том, что в нем говорится не об общей позиции разных религий по социальным вопросам, а формулируются богословские положения, которые могут послужить основой для взаимного уважения и понимания между двумя религиями. Центральная идея «Общего слова» заключается в утверждении, что ислам и христианство разделяют два фундаментальных религиозных принципа: любовь к Единому Богу и любовь к ближнему. В письме приводятся цитаты из Корана и Библии, подтверждающие этот тезис. В письме отмечается: «Основа для взаимопонимания уже существует. Это часть фундаментальных принципов обеих религий – любовь к Единому Богу и любовь к ближнему. Эти принципы мы встречаем снова и снова в священных текстах Ислама и Христианства. Единство Творца, необходимость любви к нему, необходимость любви к ближнему – вот общая почва (*common ground*) между Исламом и Христианством»¹⁰. Данная инициатива имела широкую поддержку как в исламском мире (подписантами выступили 138 видных мусульманских деятелей и ученых из разных частей Земного шара), так и получила многочисленные положительные ответы со стороны христиан, превратившись в своеобразный ме-

⁸ Декларация об отношении церкви к нехристианским религиям «*Nostra aetate*». // URL: <http://www.agnuz.info/app/webroot/library/6/128/page10.htm> (18 апреля 2022).

⁹ Журавский А.В. Введение // Христиане и мусульмане: проблемы диалога / сост. Журавский А.В. – М.: ББИ св. ап. Андрея, 2000. С. 9.

¹⁰ Общее слово. Текст и размышления. Руководство для приходов и мечетей / под ред. Лейлы Демири. – М.: Издательство ББИ, 2018. С. XXI.

жрелигиозный проект, которому были посвящены многие публикации¹¹, конференции, защищены диссертации.

Самой известной попыткой выявить сходства в этических представлениях разных религий в контексте межрелигиозного диалога является проект «глобальной этики» (Weltethos, Global Ethic) католического богослова Ганса Кюнга¹².

Итак, мы указали на два основных подхода миротворческого межрелигиозного диалога на концептуальном уровне: во-первых, опора на священные тексты, то есть приведение цитат, утверждающих ценности мира, религиозной свободы, добрососедских отношений, и, во-вторых, акцентирование на сходствах (в богословских представлениях или этике)¹³. Вместе с тем существует еще одна стратегия, которая основана на знакомстве с другой религией. К этой группе подходов можно отнести и личностную модель межрелигиозного диалога, которая предполагает изложение и сравнение духовных практик религий.

Личностная модель межрелигиозного диалога: основные принципы

Личностная модель межрелигиозного диалога является развитием идей

11 См. например: A Common Word: Muslims and Christians on Loving God and Neighbor / ed. by M. Volf, Prince Ghazi bin Muhammad bin Talal, M. Yarrington. Grand Rapids: Eerdmans, 2009. 258 p.; A Common Word Between Us and You: 5-Year Anniversary Edition / The Royal Islamic Strategic Studies Centre. Amman: RISSC, 2012. 350 p. Более подробно со списком публикаций и прочитать их можно по ссылке: Publications // A Common Word Between Us and You : официальный сайт. // URL: <https://www.acommonword.com/publications/> (Дата обращения: 29.05.2026).

12 Декларация Всемирного этоса / пер. Середкина Е.В. // URL: <http://anthropology.ru/ru/text/dokumenty/deklaraciya-mirovogo-etosa> (Дата обращения: 29.05.2026).

13 Более подр. см.: Мельник С.В. Миротворческий межрелигиозный диалог: основные концептуальные подходы // Миссия конфессий. 2022. Т. 11, ч. 3 (№ 60). С. 12-23.

современного российского философа С.С. Хоружего, главным образом разработанной им парадигмы духовной практики. С.С. Хоружий указывал на важность разделения двух типов контактов между верующими: формализованные и основанные на парадигме личного общения¹⁴. В рамках формализованного подхода религия рассматривается как совокупность воззрений, а потому предполагается, что сходные элементы в вероучительных представлениях должны обеспечить конструктивный характер отношений. Все несовпадающее в позициях участников воспринимается как разделяющий фактор и вследствие этого нивелируется, выводится из пространства обсуждения, тогда как акцент делается именно на «общих основаниях». Тем самым, отмечает С.С. Хоружий, участники диалога лишаются своих индивидуальных отличий, они выступают здесь как усредненные, формализованные субъекты¹⁵.

Например, в упомянутой декларации «Nostra aetate» авторы обходят вниманием тот факт, что мусульмане не признают Иисуса Христа богочеловеком и вторым лицом Святой Троицы, которое воплотилось, отрицают Его распятие и крестную жертву за спасение людей – хотя все это является важнейшими догматами христианства. Также в документе не упоминается основатель ислама Мухаммед и не говорится, что он был пророком (христианское богословие этого не признает), а исходя из этой логики и Коран не может считаться богооткровенным писанием. Хотя

14 Хоружий С.С. Диалог религий: исторический опыт и принципиальные основания // Христианство и ислам в контексте современной культуры: межрелигиозный диалог в России и на Ближнем Востоке / под ред. Д. Спивака. – СПб; Beirut: ФКИЦ «Эйдос», 2009. С. 160-171.

15 Там же. С. 166.

подчеркивание сходств может вносить некоторый позитивный вклад в укрепление межрелигиозного согласия, такая стратегия имеет свои ограничения. Ведь все отличия, в том числе воззрения, существенные для религий, выносятся за скобки, если так можно выразиться, замалчиваются.

Если в формализованной модели отношений любое различие равносильно разделению, то для личного общения это не так. Различия, несомненно, «могут вызывать отдаление, отталкивание, вражду, но в личном общении они же способны не отдалять, а сближать, вызывать интерес, расположение и даже активное притяжение»¹⁶. В отличие от формализованного подхода, в личностных контактах уважение к собеседнику возникает «именно тогда, когда Другой каким-либо образом вполне доказал, удостоверил наличие собственных глубоких духовных основ и твердое стояние в них; обнаружил неподдельную ревность о вере своей»¹⁷. То есть гармонизация межрелигиозного взаимовосприятия в данном случае не требует наличия сходств и достигается без какой-либо деформации уникальной идентичности диалогических партнеров.

Можно задать такой вопрос – в чем заключается сущность религии? В публичном пространстве сегодня часто подчеркивается роль религий в утверждении традиционных ценностей и укреплении социального согласия; или, возможно, религию следует воспринимать в первую очередь как систему представлений и норм поведения, или же главное в ней – это участие в ритуалах? С точки зрения С.С. Хоружего, основная задача верующего состоит в определенном целостном образе жизни,

изменении самого себя, что он обозначает понятием «духовная практика» и воспринимает как ядро религии. Именно такая оптика рассмотрения религии лежит в основе «личностной модели» межрелигиозного диалога. Личностная модель базируется на попытке «понять» Другого, рассматривая религию как духовную практику, то есть как особый способ жизни, процесс преобразования адептом самого себя, направляемый к некоему искомому состоянию («праведности», «соединению с Богом» и пр.).

Остановимся чуть более подробно на парадигме духовных практик, которая очень важна для личностной модели межрелигиозного диалога. С.С. Хоружий характеризует духовную практику как разновидность «практик себя» («practice of the Self», «pratique de Soi», термин Мишеля Фуко), под которыми понимаются «намеренные и отрефлексированные практики, посредством которых люди не только устанавливают для себя правила поведения, но и стремятся преобразовать самих себя, измениться в своем уникальном бытии, сделать свою жизнь собственным произведением». Основным содержанием духовной (мистико-аскетической) практики выступает опыт работы человека со своим внутренним миром, то есть эмоциями, желаниями, чертами характера, речь идет о контроле мыслительных процессов и внимания, выполнении специальных техник, формировании определенных установок сознания и пр.

Духовная практика включает в себя три этапа: (1) «обращение» (вхождение адепта в духовную практику), (2) «практис» (от греч. «делание»; борьба человека с негативными сторонами своего характера (грехи, страсти) и изменение себя в соответствии с некоторыми требуемыми установками сознания и каче-

16 Там же. С. 166.

17 Там же. С. 168.

ствами – добродетелями) и (3) «телос» (от греч. «цель»; достижение искомого состояния – «единение с Богом», «обожение» в исихазме, «хакика», «фана» в суфизме, «просветление», «святость» и пр.). В ходе духовной практики человек, подчеркивает С.С. Хоружий, взаимодействует с так или иначе понимаемым «Иным горизонтом бытия», что может обозначаться в духовных традициях понятиями «соединения с Богом» (или ощущение «божественного присутствия», которое нужно чувствовать чаще и полнее), раскрытия своей «истинной вечной природы» (иногда понимаемой как «наблюдатель», «пространство сознания»), в которой требуется все больше укореняться, «приобретения к благодати» и пр.

Духовные практики присутствуют в разных религиях (православная мистико-аскетическая традиция (исихазм), суфизм, классическая йога, дзен и пр.) и выступают в качестве квинтэссенции их антропологического и духовного содержания, то есть они предстают как суть, своеобразный духовный стержень традиции. Рассмотрение религий в аспекте духовной практики, как процесса индивидуальной, личной трансформации адепта, определяет особый подход к перспективам выстраивания межрелигиозного диалога. С.С. Хоружий считает, что одной из основных задач в личностной модели является «проникновение в перспективу опыта» другой духовной традиции или «участность» (термин М.М. Бахтина).

Личностная модель занимает смежное положение между когнитивным и миротворческим типами межрелигиозного диалога. С одной стороны, описание духовных практик и их сравнительный анализ может трактоваться как один из видов когнитивного диалога (более конкретно, этот подход с неко-

торыми уточнениями относится к академическому исследовательскому направлению «компаративная теология»). С другой стороны, результаты компаративных исследований имеют не только теоретическую, но и большую практическую ценность для налаживания межрелигиозных отношений. В этом аспекте личностная модель, используя результаты академического сравнительного изучения духовных практик, является одним из перспективных концептуальных подходов миротворческого межрелигиозного диалога (наряду с двумя основными подходами, которые были упомянуты выше).

Курс видеолекций: «Православие и суфизм личностная модель межрелигиозного диалога»

Фонд содействия стратегическому диалогу и партнерству Группы стратегического видения «Россия – исламский мир» в рамках грантового конкурса поддержал проект записи курса видеолекций на тему «Православие и суфизм личностная модель межрелигиозного диалога». В проекте, который был подготовлен группой исследователей, предпринята попытка реализации личностной модели на примере отношений между православием и исламом (суфизмом).

Тематически в курсе лекций можно выделить два блока. Первый из них сосредоточен на проблематике межрелигиозного диалога в целом. Здесь раскрывается само понятие диалога, описываются его виды, а также рассматривается его история на современном этапе, включая ключевые организации, документы и инициативы. Отдельные лекции посвящены истории развития межрелигиозного диалога в СССР и в XXI веке. Также анализируются четыре типа межрелигиозного диалога – поле-

мический, когнитивный, миротворческий и партнерский.

Все это позволяет лучше понять место и специфику личностной модели, которой посвящена вторая часть курса. Сначала рассказывается о православии и суфизме как духовных традициях, т.е. об истории, направлениях, школах, ключевых фигурах. В лекциях о православной духовной традиции изучается история монашества: аскетическое учение IV–IX веков, затем исследуется период с X по XIV век, с особым акцентом на византийский исихазм и паламитские споры, а завершается этот раздел лекцией про монашество в России. В ходе лекции о духовной традиции суфизма затрагиваются такие вопросы, как понятие традиции в мусульманской культуре, подходы к определению суфизма и проблема его генезиса, ранние школы, «пьяные» и «трезвые» суфии, суфийские братства (тарикаты), суфийская поэзия, судьбы суфизма в XX веке и в России.

Далее следует ядро личностной модели – это изложение духовных практик православия и суфизма, а также их сравнение. В лекции про духовную практику православия освещаются следующие темы: покаяние (имеется в виду начало практики, обращение к Богу, какие чувства должны быть у подвижника – раскаяние в грехах, решимость измениться и др.); борьба со страстями (в том числе изучается классическая аскетическая схема восьми страстей, техники борьбы с помыслами и пр.); священное безмолвие (исихия), священная молитва (умно-сердечная и непрестанная молитва); бесстрастие, Божественная любовь, созерцание нетварного Света.

В лекции про духовную практику суфизма изучаются такие темы, как воспитание «животной души» (нафс)

и его формы; сердце (калб) как орган мистического познания; отношения наставника (шейх) и ученика (мурид); этапы (макам) суфийского пути; практики поминания Бога (зикр) и др.

Тематика сопоставления духовных практик православия и суфизма крайне обширна и требует многих комментариев, что затруднительно изложить, будучи ограниченным объемом статьи. Можно отослать всех интересующихся к курсу лекций, который выложен в открытый доступ на RuTube канале ИНИОН РАН¹⁸ и на сайте ГСВ «Россия – исламский мир»¹⁹. Здесь лишь отметим, что из проведенного анализа можно сделать два основных вывода.

Первый вывод заключается в том, что несмотря на различия в богословском языке и историко-культурных контекстах в духовных практиках православия и суфизма можно выявить ряд параллелей. И суфизм, и исихазм выстраивают путь адепта как некую лестницу последовательных ступеней – макама в суфизме и этапы умного делания в православии – на каждой из которых происходит постепенное преобразование его личности. В суфизме и в исихазме большое внимание уделяется борьбе с низшими слоями психики, своей греховной природой – страстями, эгоистическими влечениями, привязанностью к чувственному миру («нафс» в исламе, «самость» в терминологии свт. Феофана Затворника). Одним из основных признаков завершающего этапа (телос) в рассматриваемых духовных практиках является окончание борьбы, когда злое начало подавлено и адепт полно-

18 ИНИОН РАН. Официальный Rutube канал. // URL: <https://rutube.ru/plst/1225778/>

19 Курс видеолекций «Православие и суфизм: личностная модель межрелигиозного диалога» // ГСВ «Россия – исламский мир» // URL: <https://russia-islamworld.ru/articles/kurs-vid-eolektsij-pravoslavie-i-sufizm>

стью подчиняет себя Богу. Феофан Затворник называет это «богопреданностью»²⁰, а в суфизме это качество может обозначаться как «рабство (убудийя) Господу»²¹. Для обеих традиций важна дисциплина непрестанной молитвы: зикр в суфизме и Иисусова молитва в православии. Одним из значимых пунктов сходства оказывается понимание сердца как центрального органа духовной жизни и точки встречи человека с трансцендентным («кальб» в суфизме, «сведение ума в сердце» в православии). Обе духовные практики увенчиваются предельными состояниями, которые с трудом поддаются вербальному описанию: в суфизме это фана и бака – растворение в Боге и последующее пребывание в Нем, в православии – обожение и созерцание Фаворского света. Все эти сходства и параллели позволяют увидеть принадлежность обеих традиций к одному антропологическому типу – типу духовных практик, ориентированных на самопревосхождение человека, а потому позволяют признать глубину иного духовного опыта, обрести взаимное доверие и уважение.

Второй основной вывод заключается в том, что наряду с близостью разных аспектов духовных практик в них также имеются отличия. Для православия большое значение имеет личность Иисуса Христа, на этапе телоса подвижник должен достичь такого соединения с Ним, чтобы, по словам апостола Павла, свидетельствовать: «И уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал 2:20). С.С. Хоружий писал, что в православной духовной традиции определяющим является «опыт христоцентрического Богообщения – восхождения к соеди-

нению со Христом в Св. Духе, которое реализуется как совершенное соединение человеческих энергий с нетварной Божественной энергией, благодатью»²². Понятно, что в нехристианских традициях об опыте «христоцентрического богообщения», по крайней мере в прямом смысле этого слова, говорить не приходится. Можно приводить и другие различия, которые заслуживают отдельного рассмотрения. Отметим лишь, что в рамках личностной модели речь идет о сопоставлении индивидуально-го опыта трансформации верующего, а различия не приводят к антагонизму, поскольку скорее воспринимаются как выражение неповторимой идентичности диалогического партнера. В связи с этим личностная модель не предполагает замалчивания или нивелирования отличий, тем более не стремится к синкретизму или слиянию религиозных мировоззрений, уважая и признавая целостность и уникальность каждой духовной традиции, стремясь лишь понять ее.

Можно привести метафору, обратившись к священной архитектуре. Шедевры православного зодчества, будь то узорное многоцветие собора Василия Блаженного или утонченная, устремленная ввысь аскетичность храма Покрова на Нерли, рождают ощущение живой тайны и предстояния перед Богом. Внутри православного храма верующего встречает полумрак, мерцание свечей, лики иконостаса и сакральное пространство алтаря, скрытое завесой. В то же время исламская архитектура являет совершенно иную, но не менее завораживающую гармонию: величие мечетей раскрывается в бескрайности молитвенных залов, устланных роскош-

20 Феофан Затворник. Путь ко спасению. Краткий очерк аскетики. М.: Правило веры, 2000. С. 535-537.

21 Абдулаев А. Благонравие праведников. – Махачкала: Библиотека Рисалат, 2020. С. 60-62.

22 Хоружий С.С. Этика исихазма в двух исторических формациях // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. СПб., 2011. Том 12. Вып. 4. С. 8-29.

ными коврами, в геометрии арабесок, бесконечном ритме арок и филигранной вязи каллиграфии, покрывающей стены. Невозможно механически взять купол православного храма и водрузить его на стены мечети, равно как нельзя соединить их внутреннее убранство – подобная эклектика лишь разрушит целостность каждого памятника. Подобно этому, духовные практики православия и суфизма представляют собой самобытный, органический целостный путь восхождения к Богу. Попытка синкретического смешения их методов или терминов неизбежно ведет к утрате аутентичности и разрушению того уникального духовного опыта, который бережно хранит каждая традиция.

Вместе с тем в самой динамике, общей направленности, ключевых принципах духовных практик мы обнаруживаем существенные сходства. Это помогает верующим признать глубину и значимость иной веры, проникнуться обоюдным доверием и уважением, побуждает отказаться от крайне партикуляристских позиций. Личностная модель межрелигиозного диалога дает возможность увидеть красоту и ценность в других религиях, ведь в рамках духовных практик верующие так же стремятся достичь экзистенциальной полноты посредством соединения с Богом, борются со своей греховной природой (понимаемой сходным образом), стремятся подчинить всю свою жизнь воле Бога, как она была открыта в признаваемых ими боготкровенными священными книгами и в чем они следуют многовековым традициям своих предков. В этом контексте результаты исследований в рамках личностной модели могут кардинально изменить восприятие верующими других религий, избавиться от недоверия, послужить профилактике экстремизма и внести

вклад в гармонизацию этноконфессиональных отношений. Личностная модель является универсальным подходом, который может применяться и для диалога других религий, в том числе иудаизма и буддизма, являющихся, наряду с православием и исламом, традиционными религиями РФ.

Заключение

Личностная модель межрелигиозного диалога является самобытным, оригинальным, убедительным для носителей религиозного сознания подходом, который может использоваться для налаживания отношений между верующими. Кроме этого, прикладное значение личностная модель может иметь в контексте задачи утверждения традиционных ценностей. Эта тема стала для нашей страны особенно актуальна после Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Таким образом, личностная модель межрелигиозного диалога предполагает как академическую составляющую, так обладает и большим потенциалом практического применения. Данная стратегия соответствует этноконфессиональной специфике России и позволяет выстраивать межрелигиозный диалог на «духовной глубине» и укреплять согласие без каких-либо компромиссов в вопросах веры. Особо хотелось бы отметить, что проект реализован в 2026 году, который был объявлен Годом единства народов Российской Федерации. Личностная модель может использоваться не только в нашей стране, но и стать аутентичным вкладом со стороны России в развитие межрелигиозного диалога на глобальном уровне.

Список литературы

1. A Common Word Between Us and You: 5-Year Anniversary Edition / The Royal Islamic Strategic Studies Centre. Amman: RISSC, 2012. 350 p.
2. A Common Word: Muslims and Christians on Loving God and Neighbor / ed. by M. Volf, Prince Ghazi bin Muhammad bin Talal, M. Yarrington. Grand Rapids: Eerdmans, 2009. 258 p.
3. Абдулаев А. Благонравие праведников. Махачкала: Библиотека Рисалат, 2020. 288 с.
4. Мельник С.В. Дипломатический межрелигиозный диалог // Миссия конфессий. 2020. Том 9. Ч. 2 (№ 43). С. 217-225.
5. Мельник С.В. Классификация видов межрелигиозного диалога: новый подход // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3: Философия. 2024. № 1. С. 61-101.
6. Мельник С.В. Миротворческий межрелигиозный диалог: основные концептуальные подходы // Миссия конфессий. 2022. Т. 11. Ч. 3 (№ 60). С. 12-23.
7. Общее слово. Текст и размышления. Руководство для приходов и мечетей / под ред. Л. Демири. – М.: Издательство ББИ, 2018.
8. Основы межрелигиозного диалога в исламе / под ред. Гаджиева М.П. Махачкала, 2017.
9. Феофан Затворник. Путь ко спасению. Краткий очерк аскетике. – М.: Правило веры, 2000. 608 с.
10. Хоружий С.С. Диалог религий: исторический опыт и принципиальные основания // Христианство и ислам в контексте современной культуры: межрелигиозный диалог в России и на Ближнем Востоке / под ред. Д. Спивака. – СПб.: Бейрут: ФКИЦ «Эйдос», 2009. С. 160-171.
11. Хоружий С.С. Этика исихазма в двух исторических формациях // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – СПб.: 2011. Том 12. Вып. 4. С. 8-29.
12. Христиане и мусульмане: проблемы диалога / сост. Журавский А.В. – М.: ББИ св. ап. Андрея, 2000. 558 с.
13. Рябова Е.Л., Чапкин Н.С. Некоммерческие и коммерческие медицинские организации: теоретические аспекты осуществления деятельности // Власть истории и История власти. 2024. Том 10. Часть 3. (№ 53). С. 12-21.

Об авторе:

Мельник Сергей Владиславович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом философии, Институт научной информации по общественным наукам РАН; профессор Общецерковной аспирантуры и докторантуры; доцент кафедры теологии Болгарской исламской академии, Россия, Москва.

About the author

Melnik Sergey Vladislavovich – Doctor of Sciences in Philosophy, Senior Research Fellow, head of the Department of Philosophy at, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor at Cyril and Methodius Institute of Post-Graduate Studies; Associate Professor at the Bolgar Islamic Academy, Russia, Moscow.

References

1. A Common Word Between Us and You: 5-Year Anniversary Edition / The Royal Islamic Strategic Studies Centre. Amman: RISSC, 2012. 350 p.
2. A Common Word: Muslims and Christians on Loving God and Neighbor / ed. by M. Volf, Prince Ghazi bin Muhammad bin Talal, M. Yarrington. Grand Rapids: Eerdmans, 2009. 258 p.
3. Abdullayev A., Good Behavior of the Righteous. Makhachkala: Risalat Library, 2020. 288 p.
4. Melnik S.V. Diplomatic Interreligious Dialogue. Mission of Confessions. 2020. Vol. 9. Part 2 (№ 43). P. 217-225.
5. Melnik S.V. Classification of Types of Interreligious Dialogue: A New Approach. Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 3: Philosophy. 2024. № 1. P. 61-101.
6. Melnik S.V. Peacemaking Interreligious Dialogue: Basic Conceptual Approaches. Mission of Confessions. 2022. Vol. 11. Part 3 (№ 60). P. 12-23.
7. Common Word. Text and Reflections. Guide for Parishes and Mosques / edited by L. Demiri. Moscow: BBI Publishing House, 2018.
8. Fundamentals of Interreligious Dialogue in Islam / edited by M.P. Gadzhiev. Makhachkala, 2017.
9. Feofan the Recluse. The Path to Salvation. A Brief Essay on Asceticism. Moscow: Rule of Faith, 2000. 608 p.
10. Khoruzhy S.S. Dialogue of Religions: Historical Experience and Fundamental Foundations // Christianity and Islam in the Context of Contemporary Culture: Interreligious Dialogue in Russia and the Middle East / edited by D. Spivak. St. Petersburg: Beirut: Federal Scientific and Cultural Center "Eidos", 2009. P. 160-171.
11. Khoruzhy S.S. The Ethics of Hesychasm in Two Historical Formations // Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy. – St. Petersburg: 2011. Vol. 12. Issue 4. P. 8-29.
12. Christians and Muslims: Problems of Dialogue / compiled by A.V. Zhuravsky. – Moscow: BBI of St. Apostle Andrew, 2000. 558 p.
13. Ryabova E.L., Chapkin N.S. The role of non-profit organizations in strengthening healthcare and ensuring access to medical care // Culture of the World. 2024. Vol. 12. № 37 (2). P. 14-23.

До Тхи Минь Тхао

Аспирант, преподаватель факультета антропологии и религиоведения Ханойского университета гуманитарных и социальных наук, Вьетнамский Национальный Университет г. Ханой.

Нгуен До Хонг Ань

Студент факультета литературоведения. Ханойский университет гуманитарных и социальных наук, Вьетнамский Национальный Университет г. Ханой, заместитель председателя клуба китайско-вьетнамской иероглифики при Ханойском университете гуманитарных и социальных наук.

Дзэн и психоанализ: принципы прикладного религиоведения и практические подходы*

Аннотация. Дзэн и психоанализ представляют собой автотелические сферы, предлагающие решения повседневного бытия индивидуума и используют принципы прикладного религиоведения для достижения. Условием обретения ими статуса как самостоятельных сфер выступает операциональный принцип, связанный с глубинными структурами социальной и индивидуальной жизни, в числе которых: архетипическая символика, религиозная психология, трансцендентная интуиция, «двойное дно» культуры и коллективное бессознательное.

Цель настоящей статьи проанализировать типологический аспект дзэна и психоанализа в отношении их самостоятельности, тем самым проясняют роль, значение и ценность прикладного религиоведения в частности и психологии в целом, их влияния в практических подходах повседневного бытия.

Ключевые слова: дзэн, психоанализ, принцип, прикладное религиоведение.

Do Thi Minh Thao

PhD student, lecturer, Department of Anthropology and Religious Studies, Hanoi University of Humanities and Social Sciences, Vietnam National University of Hanoi.

Nguyen Do Hong Anh

Student, Department of Literary Studies, Hanoi University of Humanities and Social Sciences, Vietnam National University of Hanoi. Vice-chairman of the Sino-Vietnamese Character Club, Hanoi University of Humanities and Social Sciences.

Zen and psychoanalysis: principles of applied religious studies and practical approaches

Abstract. Zen and psychoanalysis represent autonomous teleological spheres that offer solutions to the everyday existence of the individual and employ principles of applied religious studies for their attainment. The condition for their establishment as independent fields lies in their operational principles, which are linked to the deep structures of social and individual life, including archetypal symbolism, religious psychology, transcendent intuition, the “double bottom” of culture, and the collective unconscious.

The aim this article is to analyze the typological aspect of Zen and psychoanalysis in relation

* © До Тхи Минь Тхао, Нгуен До Хонг Ань, 2026.

Дзэн и психоанализ: принципы прикладного религиоведения и практические подходы

to their autonomy, thereby elucidating the role, significance, and value of applied religious studies and psychology in general, as well their influence on practical approaches to everyday existence.

Key words: Zen, psychoanalysis, principle, applied religious studies.

Введение

Исследование восточной культуры, осуществляемое в рамках давней академической традиции, рассматривает культуру как живой организм, одновременно являющийся и принципом функционирования (операциональным принципом), и способом интеграции древнейших онтологических философских оснований в структуру современной психологии религии. Внешним выражением данного подхода выступает архетипический символ (коллективно-бессознательный символизм).

В данной статье особое внимание уделяется междисциплинарной методологии, направленной на выявление операциональных механизмов религии в их сопряжении с психоаналитической теорией. Представляет собой значимый вклад как в теоретико-методологическое обоснование, так и в практическое приращение изучаемой проблематики.

Результаты и обсуждение

Этимология «дзэн» и введение в психоаналитическую теорию

Термин «дзэн» (дзэн-на) восходит к палийскому слову *Bhāvanā*, означающее «культивирование», «развитие» (ментальная тренировка). Дзэн (*dhyana*) или практика сидячей медитации характеризуется прямым указанием на истину, минуя все знаково-символические системы. Прямое указание не нуждается в опосредующих средствах, и для дзэна фундаментальной особенностью является мгновенное просветление, сопряжённое с предельной редукцией вербальных и жестовых средств коммуникации, благодаря этому достигается

состояние спонтанной достаточности и естественности, свойственное освобожденному существу.

В буддийской онтогносеологии просветление (состояние Будды) рассматривается как результат длительного самокультивирования, в котором дзэн выступает практическим опытом и дает видение сознания души через ум, озарение ума самим умом, просветление сознания и постижение своей истинной природы. В силу этого языковые понятия и дискурсивные конструкции не используются в качестве косвенного медиатора для описания этого опыта, поскольку любой понятийное описание неизбежно искажает глубинный духовно-психологический опыт (анамнестическое переживание).

Bhāvanā в дзэне представляет собой культивирование ума, направленное на его очищение от загрязнений, аффективных расстройств и нечистот, тем самым осуществляется охрана ума от шести коренных аффектов: вожделения, гнева, невежества – злонамеренности, лени, тревожного беспокойства и сомнения.

Психоаналитическая теория Зигмунда Фрейда (1856–1939) разработала учение об истоках верований и архаических форм религии, опираясь на структуру эдипова треугольника, заимствованную из знаменитой трагедии Софокла «Царь Эдип» (древнегреческий драматург, 496–406 гг. до н. э.). Новаторство Фрейда заключается в конструировании типичного комплекса, воплощающего «онтологическую трагедию человека», которая отождеств-

вляется с процессом формирования архаических религиозно-культовых отношений.

Данные отношения развёртываются вокруг стадии формирования символа «вещи» как индивидуального объекта «тотема», отражающего общее происхождение с человеком: «Анимизм представляет собой философскую систему, он не только даёт объяснение отдельного феномена, но и даёт возможность понять весь мир как единую совокупность, исходя из одной точки зрения. Если соглашаться с авторами, то человечество создало три таких философских системы, три великих мирозерцания: анимистическое, религиозное и научное. Из них первым явилось анимистическое, может быть, самое последовательное и исчерпывающее, полностью, без остатка объясняющее сущность мира» [1].

Тотем и табу конституируют структуру символических значений и систему регуляции доисторических аффектов, возникающую в результате идентификации процесса символизации с процессом нормирования половых отношений. Сексуальность превращается в архаический бессознательный инстинктивный символ, функционирующий как зеркальное отражение запретительных норм, регулирующих достижение коллективного согласия относительно тотемического символа. Тем самым табу (архаические запреты) приобретают характер императивных предписаний для поведения индивидов, налагая ограничения на их сексуально-инстинктивную (телесную) сферу.

В трудах Зигмунда Фрейда «трагические» слои телесные (символ женщины, обладающей фаллосом, комплекс кастрации, символика стыда, связанного с инцестом) представляют собой струк-

туры онтологической трагедии человека, которые берут начало в биологических свойствах и затем транслируются в социально-символические семантические конструкции: «Тотемизм является поэтому созданием не мужского, а женского духа. Корни его составляют «капризы» (sick fancies) беременной женщины» [2].

Следовательно, символы неразрывно связаны со скрытым смыслом определенного этапа развития человеческого социума. Они коррелируют с соотношением этапов индивидуального онтогенеза с конкретной фазой процесса взросления, к примеру ребенка с эдиповой психоэмоциональной структурой развития, направленной на два ближайших объекта – отца и мать.

Операциональный принцип дзэна

Операциональный принцип дзэна заключается в созерцательной практике прояснения Ума и достижения его природы. Практика представляет собой метод углубленного пророческого проникновения, предполагающий сосредоточенное наблюдение и интроспективную рефлексию над содержанием сознания, просветляющее Ум для постижения его сущностной природы.

Онтологическая модальность сидячей медитации состоит в Уме, но в практическом дзэне является Тело-Ум. «Тело-Ум» выражает функциональность основы «Тело». Иными словами, здесь эксплицируется фундаментальное для буддийской философии отношение между субстанциальной основой и её акцидентальной функцией. Дискурс о прикладных и практических аспектах дзэна, игнорирующий рассмотрение основы данной функции не соответствует в полной мере духу вьетнамской буддийской традиции.

Дзэн представляет собой метод освобождения человека от нечистот и

загрязнений ума. Главной целью дзэна является достижение состояния уравновешенности и полного спокойствия ума, его возвращение к изначальной, истонной сущности. Через это осуществляется культивирование таких добродетельных качеств, как сосредоточение, обретение высшей интуитивной мудрости, созерцание природы вещей без искажений и иллюзий, реализация предельной истины и познание Нирваны.

Дзэн использует методику непосредственного самоуверения, то есть к принятию ситуации такой, каковая она есть, без искажения и промежуточного звена. Общеизвестная притча дзэн гласит: используй палец, чтобы указать на луну, но, узрев луну, забудь о пальце; используй вершу для ловли рыб, но, поймав рыбу, забудь о верши. Согласно дзэн, в действительности нет никакого различия между конечным и бесконечным, между телесной плотью и душой, поэтому существует только вселенский ум. Голоден – ешь, хочешь спать – спи, разве есть здесь место для бесконечного или конечного?

В дзэне имеются четыре основополагающих завета, известные как: особая передача вне канонического учения; отказ от буквенной фиксации; прямое указание на сердце-ум человека; узрение природы и обретение состояния Будды. Данные четыре завета резюмируют всю квинтэссенцию метода дзэна.

Как писал Алан Уотс в «Путь дзэн»: «Палийский Канон (Виная Питика и Маджжима Никайя) перечисляют восемь разновидностей джханы: четыре рупа-джханы и четыре арупа-джханы – стадии джханы с формой и без формы. Первые четыре постепенно овладевают понятиями (витакка) и дискурсивным мышлением (вичара), с помощью самадхи создавая невозмутимость (уппек-

ха). Иными словами, ум возвращается к своему естественному состоянию целостности и недвойственности, он перестает цепляться за переживание с помощью символов дискурсивного мышления. Он воспринимает мир уже без слов и без понятий. Далее располагаются четыре стадии арупа-джханы, которые описаны как стадии «Безграничного пространства», «Безграничного состояния», сферу «Ничто» и сферу «Ни перцепции, ни апперцепции» (Ни восприятия, ни невосприятия). Это стадия Постижения ума своей собственной природы. В момент своей смерти Будда, как считают, вошел в паринирвану, то есть окончательную нирвану из четвертой рупа-джханы» [3].

Согласно воззрению, дзэн его сущностное ядро состоит из религии и искусства визионерского проникновения в собственную природу с целью высвобождения всех внутренних, имманентных и накопленных в каждом человеке потенциалов. Дзэн порождает мир интроспективно интерактивных символов, пробуждающих глубокие слои человеческой эмоциональности и интеллекта. Таким образом, с точки зрения авторов, религия и искусство находятся в тесной взаимосвязи, служа высвобождению внутреннего мира человека.

Отсюда следует различение двух модусов идеи и понятия: абсолютной идеи; совместимые идеи с объектами (материальные формы, несущей идею). Древнегреческий философ Платон (427–347 до н. э.) был первым, кто отделил идею прекрасного (эйдос) от прекрасной вещи, тем самым отделив понятие от целостности телесных жизненных отправлений. Позднее, во второй половине XVIII века, немецкий философ-классик Гегель (1770–1831) диалектическим методом вновь соединил идею с чувственными формами

(формами чувственного созерцания). Именно это служит основанием для рассмотрения идеи прекрасного в конкретной прекрасной вещи как находящейся в полной гармоничной соразмерности и взаимосоответствии. Когда Гегель принял идею в качестве фундамента для философского исследования искусства, рациональное звено, извлеченное им, состояло в выявлении внутренних праформ, то есть принадлежащих внутренней истории развития общественного духа, в отношении между философией и искусством. Именно Гегель в истории эстетической мысли впервые превратил понятие о прекрасном в сфере искусства в нечто конкретное, исходя из единства двух оснований, мысли и образа. Это диалектическое единство Гегель поименовал как идеал, а именно художественный идеал.

Философская трактовка мировоззрение принципиально отличается от буддийской. В философской трактовке имеется метафизическая субстанция тела как тело-разум. К примеру, в марксистской философии мировоззрение понимается как воззрение человека на мир, которое обязательно содержит субъектное начало «я» или «мы». В буддийской традиции господствует принцип бессубъективности, поэтому остается лишь отношение между миром и Умом: ум, памятующий о мире, или мир, постигаемый через созерцательное памятование. Через символ «Тела» возможность объединения мировоззрения и философии жизни очень высока, практически достигающей одновременности, идентична или едина.

В буддийском понимании «Тело» есть символ мира непостоянства (анитья) и страдания (дукха). Ум есть символ пробуждения (бодхи), достигаемого через созерцательное проникновение в мир «Тела», наблюдение, ведущее к яс-

ному, отчётливому созерцанию истинную природу вещей. Доктринальное учение представляет собой развертывание системы символических репрезентаций в вербальную форму.

В статье авторы предлагают проанализировать психологию и практические подходы дзэна через проекцию вьетнамского быта и буддизма. Онтологическая тождественность Ума и универсума обуславливает лёгкость культурного усвоения и глубинного проникновения ментальность вьетнамского народа. Мышление вьетнамцев по течению истории проявляется в пластической репрезентации самообраза. Образно-символическая система представляет собой универсальную иконическую связанность, опосредованную через символические репрезентации. Это является одной из отличительных черт вьетнамского мышления, способностью связывать множество образных пластов и реализовывать их тождественную рефлексивность в рамках единого, целостного мировоззрения. Это доказывается на примере буддизма. Буддизм пришел во Вьетнам путем культурной аккомодации и синтеза, поднимаясь от фольклорно-мифологических пластов к элитарно-учёной традиции. Вьетнамский буддизм представляет собой религиозный феномен, глубоко связанный с национальной идентичностью. Вьетнамцы уже обладали укорененной знаково-образно-соматической основой. Существовали архаические народные верования до прихода буддизма, такие как: культ Матери, культ земледельческих божеств, культ предков, а также были тесные отношения с природным миром. Буддизм, даосизм и конфуцианство пришли позже и дополняли образную картину вьетнамского социума, образуя «единство трёх учений», не отрекаясь

от исконных архаических народных верований.

Операциональный принцип психоанализа как «двойное дно»

Операциональный принцип психоанализа имеет общую зону соприкосновения с рядом смежных дисциплин, таких как религиоведение, философия и семиотика символов. Это комплекс мыслительных операций и методологических приемов, существовавший на протяжении многих столетий и применяемый целым рядом выдающихся философов, психоаналитиков и аналитических психологов, в частности, З. Фрейд дал глубокую интерпретацию данного принципа в своей работе «Тотем и табу».

В работе «Тотем и табу» психоанализ декларирует, что не интерпретирует бессознательное однополярное, но объясняет его через внутренний конфликт с сознанием, через механизмы табу и «двойное дно», сопряженное с телесной сексуальностью («запрет на браки внутри рода», «запрет на поедание тотемного животного, ибо это означает человек вкушает собственную плоть»). Психоанализ как бы устанавливает связь между актуальной индивидуальной психикой и архаическим обществом первичных символов и архетипических образцов. Психоанализ также предлагает в этой работе «удвоенную» интерпретацию, где основанием служит древняя коллективно-социальная стадия, превратившаяся в зону «бессознательного» и связанная с нейрорпсихическим аппаратом индивида в современном социуме.

Многие знают о гипнозе, один из главных методов психоанализа. Гипноз позволяет пациенту с психической патологией временно приостановить конфликтное противостояние с актуальным психическим кризисом. Гипноз

не только способствует расслаблению перегруженной памяти, но и помогает высвобождению подавленных аффектов и вытесненных влечений. Он способствует «очищению мутного и прояснению чистого» в структурах психического «двойного дна», открывая доступ к бессознательным слоям.

Бессознательное не является редукцией к сугубо индивидуальному началу, но представляет собой архаическую религиозно-психологическую и социально-мифологическую сферу, образующую «двойное дно» по отношению к современному индивиду. Именно в этой пограничной зоне философы, религиоведы и психологи сходятся в своем понимании бессознательного. З. Фрейд трактовал бессознательное как сексуально-либидозное, К. Юнг – как коллективное бессознательное, однако К. Маркс еще раньше высказывался о коллективном бессознательном в том смысле, что мифология представляет собой художественное творчество и одновременно продукт бессознательного.

Заслуга Фрейда в том, что он блестяще проанализировал символическую идентификацию и онтологическую идентификацию, исходя из общей референтной рамки и жизненного процесса, тем самым подчеркивает прикладное религиоведение и практический подход. Идентификация символов и идентификация отношений между символами и частичными функциональными структурами тела раскрывают комплексный процесс (экзогамный брачный режим, сопряженный с тотемическим символом). В отношении преодоления стадии идентификации существуют две альтернативные возможности. Первая заключается в том, что человечество преодолет данную инфантильную стадию через

опосредованное развитие символических структур и табуирующих механизмов, достигая нормального взросления. Вторая состоит в том, что у современного индивида может проявиться инфантильная регрессия, возвращающая человека к состоянию идентифицированности (символическое сознание, поглощенное и идентифицированное бессознательными процессами), при которой утрата контролирующей функции сознания становится этиологическим источником невротической патологии. Это обусловлено тем, что искаженная рефлексия с высокой вероятностью может возникнуть именно на стадии символической идентификации. Таким образом, при рассмотрении феноменов в рамках идентификационной парадигмы, метод исследования «двойного дна» в культуре открывает вертикальное и горизонтальное измерения символических и образно-символических систем. Данный метод позволяет осуществить анализ гомологических форм, от мыслительных парадигм (к примеру, «единство трёх учений» во Вьетнаме: буддизм, даосизм и конфуцианство) и онтологических оснований до культурных феноменов и культово-ритуальной практики религиозных символов. Кроме того, «двойное дно» в культуре дает возможность интегративного исследования доисторических социумов в их соотносительности с индивидуальными жизненным миром человека в современном обществе.

Практические подходы

Применение операционального принципа дзэна и психоанализа в повседневной жизни становится возможным благодаря его открытости, доступности для понимания и практического использования широким кругом лиц, знакомых с основами психоаналитической теории.

В клинико-психологической практике нередко встречаются случаи обсессивно-компульсивных расстройств, проявляющих в ритуализованных действиях. Типичные формы проявляются к множественному повторению одних и тех же деяний. Эти симптомы не отражают сущности «Тела», а отражают внутриспсихический конфликт между осознаваемыми нормами и бессознательными импульсами. В психоаналитической практике подобные феномены интерпретируются как следствие регрессивных механизмов, активирующихся в определенные периоды онтогенеза, когда идентификационные процессы сталкиваются с запретами и табу, что приводит к символическому замещению и ритуализации. Осознание того, что навязчивые действия являются не произвольным поведением, а символическим выражением бессознательного конфликта открывает путь к терапевтическому вмешательству. Успешное преодоление симптоматики возможно при условии перехода от пассивного отождествления с компульсивным ритуалом к осознанию его бессознательных детерминант. Из этого следует, методология «двойного дна» выступает не только как инструмент теоретического анализа, но и как практическое руководство для понимания глубинных причин поведенческих аномалий, предлагая действенный способ их коррекции через восстановление диалога между сознанием и бессознательным.

Помимо этого, сущностная характеристика восточной культуры заключается прежде всего в «сознании тождества» и «изначальной рефлексии». Кроме Вьетнама в качестве примера можно привести символ Тримурти, который представляет собой триединый образ в индуистской мифологии.

Рефлексия тождества, или изначальная рефлексия, возникает тогда, когда мышление и бытие часто оказываются нераздельными, но едиными, порождая при этом двойные функциональные формы и практические подходы. Конфуцианство выступает одновременно как этико-политическое учение и как культово-символическая система, обладающая чертами религии. Буддизм представляет собой одновременно религию (духовно-экспериментальную практику) и философское учение. К Маркс отмечал, что мифологическое творчество характеризуется изначальной рефлексией, в которой искусство и бессознательное неразрывно слиты.

Из данной сущностной восточной культуры непрестанно рождались различные учения, философские, религиозные и этико-политические доктрины, демонстрирующие тесную взаимосвязь между субстанциальной основой и индивидуальным «Я». Это привело к возникновению систем заповедей, учений о правлении на основе добродетели и на основе закона, концепции недеяния и других, направленных на воспитание и самосовершенствование «Я», на сужение различий в познании, с тем чтобы обратиться к истоку, к законам космического универсума и достичь «абсолютного тождества», которое почитается как высшее искусство жизни и смерти, как высшая ценность на всех путях пробуждения и просветления.

Само понятие «жизнь» представляет собой древнейшую категорию человеческого опыта. Оно охватывает все конкретные формы жизни: материальную, культурную, духовную, религиозную, духовную, политическую, художественную, эстетическую и т. д. В древних философских, религиозных, культурных и

эстетических текстах сохранились «сокровенные» воззрения на некую бытийную субстанцию жизни. Эта субстанция существует в трёх измерениях: первое – прямое тождество с актуальной реальной жизнью (как в случае брахманизма); второе – тождество с духовной жизнью, с иным миром (рай в католицизме, Западный рай в буддизме); третье – обратное тождество, когда после достижения освобождения происходит возврат в мирскую реальность для деятельности всех существ (как в случае пути бодхисатвы в культуре буддизма).

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, анализ «типологии» дзэн и психоанализа в аспектах гносеологии, практического, прикладного методов, онтологии мышления и психологии религии позволяет выявить специфические группы принципов, действующих в религиозной сфере. Адекватное осознание этих принципов открывает возможность для разработки долгосрочных и устойчивых стратегий и практических решений в области религиозной политики. В этом и заключается практическая ценность проведенного исследования.

Список литературы

1. Зигмунд Фрейд Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии, с. 39, 1913, перевод на русский язык: 100 лучших книг всех времен.
2. Зигмунд Фрейд Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии, с. 59, 1913, перевод на русский язык: 100 лучших книг всех времен.
3. Алан Уотс Путь Дзэн – истоки, принципы, практика 1957, перевод Ю. Михайлин, изд. «София», Киев, 1993. 94 с.
4. Нгуен Хунг Хау Основы вьетнамской философии, изд. «Тхуанхоа», Ханой, 2005. С. 123-126.
5. Нгуен Данг Тхук Буддизм во Вьетнаме, изд. «Мат Дат», Хошимин, 1974. 45 с.
6. Нгуен Тай Тхы (редактор) История вьетнамской мысли, изд. «Общественные науки», Ханой, 1993. 68 с.
7. Нгуен Тай Тхы (редактор) История вьетнамского буддизма, изд. «Общественные науки», Ханой, 1988. 110 с.
8. Чан Дык Тхао В поисках истоков языка и

знания, изд. «Культурная информация», Ханой, 1996. 233 с.

9. Рахимов К.Х. История создания основных этапов становления и развития ШОС // Альманах Казачество. 2021. № 51. С. 52-70.

References

1. Sigmund Freud, Totem and Taboo. The Psychology of Primitive Culture and Religion, p. 39, 1913, translated into Russian: The 100 Best Books of All Time.
2. Sigmund Freud, Totem and Taboo. The Psychology of Primitive Culture and Religion, p. 59, 1913, translated into Russian: The 100 Best Books of All Time.
3. Alan Watts, The Way of Zen: Origins, Principles, Practice, 1957, translated by Yu. Mikhailin, Sofia Publishing House, Kyiv, 1993. 94 pages.
4. Nguyen Hung Hau, Foundations of Vietnamese Philosophy, Thuan Hoa Publishing House, Hanoi, 2005. P. 123-126.
5. Nguyen Dang Thuc, Buddhism in Vietnam, Hanoi Publishing House, "Mat Dat", Ho Chi Minh City, 1974. 45 p.
6. Nguyen Thai Thu (ed.) History of Vietnamese Thought, Social Sciences Publishing House, Hanoi, 1993. 68 p.
7. Nguyen Thai Thu (ed.) History of Vietnamese Buddhism, Social Sciences Publishing House, Hanoi, 1988. 110 p.
8. Tran Duc Thao, In Search of the Origins of Language and Knowledge, Cultural Information Publishing House, Hanoi, 1996. 233 p.
9. Rakhimov K.Kh. The history of the creation of the main stages of the formation and development of the SCO // Almanac Cossacks. 2021. № 51. P. 52-70.

СОЦИОЛОГИЯ

SOCIOLOGY

Пинкевич В.К.

Доктор исторических наук, профессор кафедры государственно-конфессиональных отношений. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Кравчук В.В.

Кандидат философских наук, доцент кафедры государственно-конфессиональных отношений. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

От унификации к религиозному многообразию. Религиозные отношения в России в начале XX века*

Аннотация. В статье рассматривается политика российского государства в конце XIX, начала XX вв. по усилению духовного влияния господствующего исповедания - Православной церкви на жизнь общества в условиях роста социального веса и политического влияния иноверных и инославных исповеданий в Российской империи. Резоны такой политики в национально-религиозном вопросе опирались на ту точку зрения, что, чем более однородна страна в своем конфессиональном облике, чем меньше внутри нее находится неправославного элемента, тем она устойчивей с точки зрения внутреннего спокойствия государства. Следствием такого взгляда стала политика ограничения прав национально-религиозных меньшинств в возможности их влияния на общество, что, в итоге, имело прямо обратный эффект, стимулируя антигосударственные националистические и сепаратистские настроения, переходящие в политические выступления. Революция 1903-1906 гг. обнажила все эти проблемы во всей остроте. Последующие реформы государственно-религиозных отношений шли в русле отрицания того взгляда, что государство может навязывать многонациональному обществу единый универсальный рецепт «духовного оздоровления».

Ключевые слова: государственно-конфессиональные отношения, Русская православная церковь, многоконфессиональное государство, вероисповедные реформы, свобода веры, национально-религиозный вопрос, русификация.

Pinkievich V.K.

Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of State and Religious Relations of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Kravchuk V.V.

Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of State and Religious Relations at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

From unification to religious diversity: religious relations in Russia at the beginning of the 20th Century

Abstract. The article examines the policy of the Russian state in the late 19th and early 20th centuries to strengthen the spiritual influence of the dominant confession, the Orthodox Church, on the life of society, given the growing social weight and political influence of non-Orthodox and

* © Пинкевич В.К., Кравчук В.В., 2026.

От унификации к религиозному многообразию. Религиозные отношения в России в начале XX века

non-Orthodox confessions in the Russian Empire. The rationale for this policy in the national and religious context is based on the belief that the more homogeneous a country is in terms of its religious makeup, and the fewer non-Orthodox elements it contains, the more stable it is in terms of internal peace. As a result of this view, the rights of national and religious minorities were restricted, which had the opposite effect of stimulating anti-state nationalist and separatist sentiments that led to political uprisings. The 1903-1906 Revolution brought these issues to the forefront. Subsequent reforms in state-religious relations

Key words: state-confessional relations, Russian Orthodox Church, multi-confessional state, religious reforms, freedom of faith, national-religious issue, Russification.

Введение

Любой человек, который заинтересуется историей государственно-конфессиональных отношений в России обратит внимание на странный термин «терпимые исповедания», используемый в дореволюционном законодательстве по отношению к неправославным конфессиям [8]. Почему «терпимые», кто их вынужден терпеть и по какой причине – все это требует пояснения. Еще больше недоумения может вызвать официальный термин «иностранные исповедания», применяемый по отношению к тем же неправославным конфессиям. На самом деле разобраться в этом вопросе – это значит разобраться во многих проблемах религиозных отношений в России не только в прошлом, но, увы, и в настоящем [2] Рассмотрению этого вопроса и посвящена данная статья.

Общеизвестно, что превращение России в многоконфессиональное государство происходило за счет роста государственной территории по трем направлениям: на запад, на юг и на восток. В состав населения западных областей, присоединенных к России, вместе с евреями, исповедующими иудаизм, входили униаты, католики, а также протестанты. Расширение империи к югу до берегов Черного и Азовского морей означало приобретение степных областей, которые со второй половины

XVIII века заселялись немецкими колонистами, принадлежавшими большей частью к различным евангелическим исповеданиям. Территориальные приобретения на востоке означали присоединение большего числа язычников и мусульман. Таким образом, в течение XVIII-XIX веков Россия превратилась в многоконфессиональное государство, в котором православное население хоть и составляло большинство населения, но его численное доминирование в сравнении с другими конфессиями уже не было подавляющим. Число православных к концу XIX в. не превышало половины всего населения [10, с. 25].

Рост иноверческого населения империи объективно мог привести к изменению положения православной церкви не только в конфессиональном, но и в политическом плане. В положении вещей, когда доминирующее положение главной конфессии может быть политически подорвано, российское государство усматривало проблему, хотя опыт христианских стран говорил об обратном. Остановимся на этом подробнее.

Религиозные войны XVI – XVII веков содействовали трансформации взглядов на веротерпимость. Если, вплоть до XVII века доминировал взгляд на государство как на союзника определенной церкви, обязанного защищать ее вероучение и содействовать ее господству, то, начиная с конца XVIII

века этот принцип начал утрачивать свое влияние и доминировать другая точка зрения. Со временем произошли перемены в сознании европейцев, чему, в значительной степени, способствовали труды философов и юристов, обеспечивших переход стран Европы к новому законодательству в сфере отношений государства и религиозных организаций. Приведем здесь лишь несколько базовых постулатов. «Долг власти – обеспечение блага общества, а не конфессий. Терпимость ко всем конфессиям не расшатывает, а укрепляет государство» (Джон Локк). «Религиозное многообразие – благо для государства» (Шарль Монтескье). «Признание свободы мировоззренческого выбора человека и неприемлемость политических мер борьбы с религиозным фанатизмом» (Вольтер). «Принуждение к вере порождает деморализующее влияние на общество» (Иеремия Бентам).

Таким образом, в европейских странах произошел переход к новой модели поведения государства в религиозном вопросе. В течение XVIII столетия религиозные преследования инаковерующих прекращаются и к концу века обозначается переход от прежней полицейской опеки религиозных взглядов граждан к другому типу вероисповедной политики, когда религиозная свобода не подавляется, а охраняется.

Но этот процесс никак не затронул Россию. Здесь по-прежнему практиковались вмешательство государства в вопросы религиозного мировоззрения подданных. Это было ключевым компонентом национальной политики. Один из видных государственных мужей так об этом прямо и писал в конце XIX века: «Свобода совести приведет к тому, что враги наши отхватят у нас массы русских людей и сделают их немцами, католиками, магометанами, и

прочим и мы потеряем их навсегда для церкви и отечества» [7, с. 98].

Поэтому, изменившаяся национально-конфессиональная структура российского общества, заставляла искать такие правовые формы государственного устройства, которые, несмотря на включение в состав империи новых народностей, позволяли бы сохранять господствующее положение титульной нации и православной церкви.

Решением проблемы стало создание, если можно так выразиться, духовных резерваций, или национально-религиозных корпораций, которые ограничивались в возможностях влияния на общество за пределами своей национальности.

Замкнутые национально-религиозные корпорации

Принципиальное решение этой задачи состояло в том, что религия привязывалась к национальности. Быть евреем значило исповедовать иудейство, принадлежность к польской национальности предполагала одновременную причастность к католической церкви и т.д. Этот принцип закреплялся в Своде Законов Российской империи, в котором носителями религий указывались не конфессии, а именно племена и народы [9, с. 160].

Таким образом, из национальностей включенных в состав государства образовывались замкнутые «духовные корпорации». Для каждой такой национально-конфессиональной корпорации государством устанавливался отдельный правовой режим, с помощью которого обеспечивалось первенство православия и господство «титульной национальности» [9, с. 160].

Другими словами, государство получало возможность предоставления прав и привилегий для националь-

но-религиозных корпораций, исходя из резонов текущей политики. В соответствии с этим подходом Русская православная церковь, имея статус «первенствующего господствующего исповедания», наделялась максимальным объемом прав. Группа конфессий, относящихся к разряду «признанных терпимых исповеданий» получала значительно меньшие права в сравнении с титульной конфессией, но, при этом, значительно большими, чем группа конфессий из разряда «непризнанных, но терпимых исповеданий». Наконец, самый низкий разряд – «непризнанные и нетерпимые» исповедания – это группа маргинальных конфессий, сама принадлежность к которым считалась преступлением. Необходимо отметить, что разделительная линия между «нетерпимыми» и «терпимыми» постоянно менялась в зависимости от направления государственной политики в то или иное царствование. Поэтому в категорию «нетерпимых» (или «гонимых») в разное время попадали то старообрядцы, то некоторые секты, а то и некоторые протестантские конфессии [4, с. 297].

Все возможные проявления религиозной жизни вне рамок национально-конфессиональной корпорации всячески пресекались.

Необходимо добавить, что государство строго контролировало, чтобы внутри корпораций не возникало никакого религиозного брожения или религиозной реформации. Именно этим объясняется беспрецедентно жестокое отношение российского законодательства к русскому расколу и сектанству. Раскол и сектанство, согласно установившимся взглядам, разбивали единство православия, а, значит, и единство русского народа, когда, наряду с русскими православными, появлялись рус-

ские старообрядцы, русские хлысты и т.п. Это требование распространялось на все конфессии.

Создание национально-религиозных корпораций позволило государству противопоставлять «русскую веру», как основной духовный элемент русской народности другим исповеданиям, как верам «чужеземным», «иностранным». Поэтому религиозная проповедь и пропаганда за пределами корпораций рассматривалась государством как проявление националистических стремлений, угрожающих безопасности страны. Закон намеренно идентифицировал проповедь католичества с полонизацией, проповедь протестантизма с «онемечиванием», проповедь православия с русификацией и т.д. Поэтому национально-конфессиональная корпорация, была лишена возможности распространения своего религиозного учения вовне, представляя собой практически закрытую систему.

Ограничение в правах и проявлении общественной активности

Здесь необходимо пояснить, что национально-религиозная политика самодержавия исходила из того взгляда, что чем более однородна страна в своем конфессиональном облике, чем меньше внутри нее находится неправославного элемента, тем она устойчивей в геополитическом отношении. Поэтому одной из главных задач государственной внутренней политики считалась борьба с иноверием как разновидностью «разномыслия», расшатывавшего государственный строй. Прямым следствием такого понимания стала государственная политика «русификации», то есть принудительное обращение в православие подданных империи. Поэтому миссионерская деятельность православной церкви не только поддерживалась госу-

дарством, но и была важной частью его внутренней политики.

Любое проявление общественной активности со стороны неправославных исповеданий (включая миссионерскую деятельность) рассматривалось практически как проявление антигосударственной деятельности «иностранных» исповеданий, стремящихся подорвать национальные и духовные основания национальной государственности [5, с. 202].

К началу XX века стало ясно, что религиозная политика государства, вступала в противоречие с растущим национальным самосознанием иногородческого населения России, что не могло не вызвать недовольство в национальных регионах России. Выражали недовольство мусульмане Поволжья и Приуралья, ламаисты Забайкалья, униаты Западного края и Польши [9, с. 374]. В начале XX века многими в российском обществе и правящих кругах осознавалось, что смешение национального принципа с религиозным является коренным препятствием для государственного обновления России [4, с. 297].

Постепенно, к большинству населения и правящего класса России, приходило понимание того, что ничто не обостряет национальные страсти и не подкапывает так глубоко самый фундамент государственности в России, как религиозные стеснения и гонения. Государственная политика гонений на инаковерующих подталкивала многих от религиозного протеста к политическим действиям, привлекала их в ряды революционеров и экстремистов.

Революция 1903-1906 гг. обнажила все эти проблемы во всей остроте. Требования равноправия и религиозной свободы становятся ее лозунгами и включаются в программные положения

бурно нарождавшихся политических партий [6, с. 182].

Реформы государственно-конфессиональных отношений

Правительство, под непосредственным воздействием революционных событий, вынуждено было приступить к устранению первопричин революции. Одним из ключевых приоритетов реформирования государственного строя страны стал демонтаж прежней политики в национально-религиозном вопросе.

Указ 17 апреля 1905 года «Об укреплении начал веротерпимости» фактически похоронил государственный проект полицейской опеки религиозных воззрений подданных, уравнивая в правах инославные и иноверные конфессии в России. Борьба с иноверием потерпела крах, как и представления о том, что государство может навязывать многонациональному обществу единый универсальный рецепт «духовного оздоровления».

Однако, и на это необходимо обратить особое внимание, все совершилось не вдруг. Указ 17 апреля не менял самого принципа государственно-церковных отношений в России. Он, по существу, вводил только норму, расширявшую привилегии инославных и частью иноверных исповеданий. Реформы только расширяли границы религиозной «терпимости» православного государства к инославным и иноверным исповеданиям. Не более того.

Указ 17 апреля сохранял господствующее положение православной церкви и, прежде всего, монополию религиозной пропаганды. Он не предусматривал установление равноправия и среди «признанных исповеданий». Государство по-прежнему оставляло за собой право установления режима

эксклюзивных привилегий для каждого из них в зависимости от политической конъюнктуры и других обстоятельств. По-прежнему за государством оставалось право опекать и направлять внутреннюю жизнедеятельность этих исповеданий. Указом 17 апреля, наконец, по-прежнему не признавалось право религиозного самоопределения личности, в том числе и право не принадлежать ни к какой вере. Сама форма подачи Указа носила характер административной привилегии, которая предоставлялась государством отдельным исповеданиям как бы «в награду за хорошее поведение» [9, с. 416].

Видимо, по этой же причине, только с обратным знаком, привилегия вероисповедных свобод не распространялась на исповедующих иудейскую веру. Поэтому, по-прежнему, сама принадлежность к иудейству означала необходимость жить в черте оседлости, ущемление в гражданских правах и ряд других стеснений. Известный либеральный правовед М.А. Рейснер, комментируя эту ситуацию, отметил, что Указ 17 апреля представлял собой «...не свободу совести, а временное изъятие из системы всеобщего гнета» [9, с. 530].

Вместе с тем, подобно тому, как религиозные войны XVII столетия разбудили дискуссию по религиозному вопросу в эпоху Просвещения, так и революция 1903-1906 гг., вместе с Указом 17 апреля, стимулировали общественную мысль к осмыслению религиозных отношений в России, что имело далеко идущие последствия.

Общественная реакция

Появление Указа 17 апреля 1905 года вызвало бурный отклик в стране, расслоив общество на враждебные идейные лагеря. Указ не устроил практически никого. Либералам он казался

лицемерным и половинчатым, а поклонники «исторического самодержавия» считали его изменой православию и монархии.

Критиковалась половинчатость Указа с либеральных позиций. Известный беллетрист П.Боборыкин на страницах «Русского слова» доказывал, что заверение о том, что в России теперь никого не преследуют за веру, есть «истинная ложь, совершенная фикция, злая ирония, вещь немыслимая, пока существуют статьи уголовного уложения, карающие всякого православного, желающего перейти в инославие или секту, лишением прав и ссылкой без срока». К другим видам насилия Боборыкин отнес обязательство воспитывать в православии детей от смешанных браков [12, с. 520] Другой известный либеральный писатель - А.С. Пругавин - написал в «Новом Времени» статью «Все остается по-старому», где рядом фактов доказывал, что до последнего момента в России творятся факты религиозных стеснений, «в законе не установленных» [9, с. 160].

Оценивая значение Указа 17 апреля, известный либеральный публицист П. Астров на страницах религиозно-философского сборника «Свободная совесть» писал, что данный Указ, устанавливая ряд действительных мер к устранению стеснений в области религии, делает несомненный шаг вперед с точки зрения осуществления христианских принципов в жизни. Вместе с тем, по его мнению, не все стеснения были устранены. Указ не коснулся иудеев и слабо коснулся других нехристиан. Главный же недостаток, на который указал П. Астров, состоял в возможности административных распоряжений: «административные распоряжения в их чрезмерном и исключительном развитии, ослабляя силу закона - как,

например, и в данном вопросе о веротерпимости, признаваемой и нашими основными законами, и указами монархов - являются характерной особенностью современной русской жизни» [1, с. 315].

Известный ученый, будущий глава Синода при Временном правительстве А.Карташев, так оценил значение «дарованных» вероисповедных свобод: «Свободы религии мы не имеем. Вместо нее нас хотят осчастливить «веротерпимостью». Вдумайтесь в значение этого слова. С точки зрения норм права и государственности нетерпимо все преступное. Лишь одно преступление, одну слабость...государство с давних времен нашло нужным отнести к категории «терпимости». В Указе 17 апреля речь идет об «укреплении начал веротерпимости», и этим совершенно точно квалифицируется дух новых «освободительных законов. В них нет признания религии, ее свободы, а есть одна «терпимость» [12, с. 401].

Скептической была и правая печать. «Врата адовы, - писал известный миссионер на страницах «Церковног вестника», - вскоре раскроются во всю ширь, раскол и дикие секты хлынут во двор церковный и погибель духовная будет громадная. Сектантские пропагандисты полны фанатизма, начитанны и искусны в слове; между тем опытных полемистов со стороны православия в редких случаях найдется десяток на епархию. Народ по своему невежеству будет тяготеть к темной проповеди самозванных учителей и пойдет за ними по младенческому недомыслию» [12, с. 520].

Таким образом, несмотря на свою важность, Указ 17 апреля не привел к общественному успокоению. Возможно он запоздал и был половинчатым, но, во всяком случае, общество ока-

залось слишком политизированным и поляризованным для позитивного восприятия законодательных инициатив правительства в религиозном вопросе.

«Масла в огонь» общественного недовольства подлили меры Министерства внутренних дел, направленные к ограничению действия Указа о веротерпимости. Массовые отпадения от православия, вызванные Указом 17 апреля, заставили правительство принимать экстренные меры. 18 августа 1905 года Министром внутренних дел Булыгиным было разослано предписание губернаторам о новых правилах перехода из православия в другое исповедание. Министром внутренних дел губернаторам предоставлялось право отменять действие Указа во вверенных им губерниях. Согласно правилам, введенным министром внутренних дел, лица, желающие перейти из православия в другое инославное исповедание, должны были обратиться с этим вопросом к местному губернатору. Губернатор «незамедлительно» должен уведомить о том православное епархиальное начальство и затем, не позднее, чем в течение месячного срока, препроводить его на усмотрение местного инославного духовного начальства [4, с. 112].

Выход булыгинского постановления весьма точно отражал идейную борьбу в правительственных сферах. Очевидно, что это был не тот случай, когда левая рука не ведала, что делала правая. Усилия автора Указа С.Ю. Витте намеренно дезавуировались его оппонентами в окружении царя.

Сам С.Ю. Витте в своих мемуарах с сожалением констатировал, что подготовленный им указ о веротерпимости «не мог послужить к успокоению общества, а напротив, иногда служил еще большему возбуждению общества, ибо

если не все, то часть общества скоро и легко разобралась в том, что дело уже желают свести на нет» [3, с. 337].

Вместе с тем, нельзя недооценивать значение начатой им вероисповедной реформы. Указ запустил активный законотворческий процесс, который, в итоге, привел к важным законодательным изменениям, преобразившим государственно-кофессиональные отношения в стране. В короткий период между 1905 и 1917 гг. Россия стремительно прошла путь от клерикального государства практически средневекового типа, к современному светскому государству с признанием свободы вероисповеданий, признания равенства конфессий, личной свободы, включая право находиться вне религии, или даже быть атеистом (свобода совести). И, что самое главное, на десятилетия была похоронена идея государственной религии и церкви, преследования инаковерующих и полицейской опеки религиозных убеждений гражданина.

Выводы

1. Рост государственной территории за счет присоединения новых земель в XVIII и XIX вв. привел к превращению России в многоконфессиональное государство в котором удельный вес господствующего исповедания – Православной церкви уже не был подавляющим, что заставило правящие круги принимать политические меры по усилению духовного влияния титульной конфессии.

2. Политика Российской империи в национально-религиозном вопросе исходила из давно преодоленного на тот момент, и устаревшего взгляда, что, чем более однородна страна в своем конфессиональном облике, чем меньше внутри нее находится неправославного элемента, тем она устойчивей с точки

зрения внутреннего спокойствия государства.

3. Следствием такого взгляда стала политика ограничения прав национально-религиозных меньшинств и их влияния на общество. Важной частью внутренней политики стала всемерная поддержка государством миссионерской деятельности Русской церкви («русификации»). Проявление общественной активности со стороны неправославных исповеданий рассматривалось как подрыв духовных оснований национальной государственности, что приводило к репрессиям со стороны государства.

4. Переход к репрессиям, насильственной «русификации» и ограничению прав иноверцев с использованием мер государственного принуждения, привел не только к полному провалу самого замысла укрепления внутриполитической устойчивости и духовного оздоровления общества, но и стимулировал антигосударственные националистические и сепаратистские настроения, переходящие в политические выступления.

5. Революция 1903-1906 гг. обнажила все эти проблемы во всей остроте. Требования равноправия и религиозной свободы становятся ее лозунгами. Под давлением революционных событий правительство пошло на реформы, уравнивающие в правах все исповедания. Борьба с иноверием потерпела крах, как и представления о том, что государство может навязывать многонациональному обществу единый универсальный рецепт «духовного оздоровления».

Список литературы

1. Астров П.И. На пути к свободе совести// Свободная совесть:Религ.-филос. Сборник. – СПб.: 1906.
2. Буданов М.А., Полунов А.Ю. Современная религиозная ситуация в России: вызовы и возможности.

– Государственное управление. Электронный вестник. (Электронный журнал), 2025. Том 108.

3. Витте С.Ю. Воспоминания. – М.: 1960. Т. 1.
4. Кудрина Т.А., Пинкевич В.К. Вероисповедные реформы в России в начале XX века – М.: РАГС, 2004.
5. Письма Победоносцева к Александру III. – М.: 1925. Т. 1.
6. Программные документы политических партий в России начала XX века. – М.: 1993.
7. Полунов А.Ю. Под властью обер-прокурора. – М.: 1996.
8. Полунов А.Ю., К.П.Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. – Москва РОССПЭН. 2010.
9. Рейснер М.А. Государство и верующая личность. – СПб.: 1905.
10. Смолич И.К.. История русской церкви 1700-1917. – М.: 1996. Ч.1.
11. Суворов Н.С. Учебник церковного права. – М: 1913.
12. Церковный Вестник. 1905. № 17.
13. Бирюков Н.Г., Сафонова А.И., Толмачева Е.И. Влияние научно-технического прогресса на эволюцию японского общества // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 4 (154). С. 54-63.

References

1. Astrov P.I. On the Path to Freedom of Conscience// Free Conscience: Religious-Philosophical Collection. St. Petersburg: 1906.
2. Budanov M.A., Polunov A.Yu. The Current Religious Situation in Russia: Challenges and Opportunities. Public Administration. Electronic Bulletin. (Electronic Journal), 2025. Vol. 108.
3. Witte S.Yu. Memories. Moscow: 1960. Vol. 1.
4. Kudrina T.A., Pinkevich V.K. Religious Reforms in Russia at the Beginning of the 20th Century. Moscow: RAGS, 2004.
5. Pobedonostsev's Letters to Alexander III. Moscow: 1925. Vol. 1.
6. Programme Documents of Political Parties in Russia at the Beginning of the 20th Century. Moscow: 1993.
7. Polunov A.Yu. Under the Authority of the Chief Prosecutor. Moscow: 1996.
8. Polunov A.Yu. K.P. Pobedonostsev in the Socio-Political and Spiritual Life of Russia. Moscow: ROSSPEN. 2010.
9. Reisner M.A. The State and the Believer. St. Petersburg: 1905.
10. Smolich, I.K. History of the Russian Church 1700-1917. Moscow: 1996. Part I.
11. Suvorov N. S. Textbook of Church Law. Moscow: 1913.
12. Church Bulletin. 1905. No. 17.
13. Biryukov N.G., Safonova A.I., Tolmacheva E.I. The influence of scientific and technical progress on the evolution of Japanese society // Etnosotsium and international culture. 2021. № 4 (154). P. 54-63.

Вознесенский И.С.

Организационный консультант.

Чапкин А.Н.

Бакалавр. Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова.

Социальное взаимодействие в поиске утраченного времени*

Аннотация. Статья посвящена осмыслению социального взаимодействия в контексте современных трансформаций, связанных с цифровизацией, экологическими вызовами и усложнением темпоральной структуры общества. Авторы обосновывают необходимость перехода от традиционных социально-экономических измерений к анализу «ткани» социального взаимодействия как многомерного феномена, включающего не только акциональные обмены, но и историческую память, экологическую ответственность и темпоральные ритмы. Особое внимание уделяется идее «поиска утраченного времени» как социальной практики. В этом ключе выделяются три основных измерения: экологическое, формирующее платформу новой солидарности; историко-реконструктивное, восстанавливающее разорванную преемственность; темпоральное, обнажающее плюрализм социальных скоростей и ритмов. Делается вывод, что социальное взаимодействие выступает не фоном, а самостоятельной сущностью социальной жизни, его непрерывный мониторинг становится условием сохранения целостности социума в эпоху турбулентности. Статья опирается на обширный корпус работ по социальной экологии, темпоральным исследованиям и исторической реконструкции.

Ключевые слова: социальное взаимодействие, социальное время, темпоральный плюрализм, темпомиры, экологическое просвещение, социальная экология, историческая реконструкция, социальная ткань, утраченное время, маркеры социальной стратификации.

Voznesensky I.S.

Organizational Consultant.

Chapkin A.N.

Bachelor's degree. Plekhanov Russian University of Economics.

Social interaction in search of lost time

Abstract. This article explores social interaction in the context of contemporary transformations associated with digitalization, environmental challenges, and the increasing complexity of the temporal structure of society. The authors substantiate the need to move from traditional socio-economic dimensions to an analysis of the “fabric” of social interaction as a multidimensional phenomenon that includes not only actional exchanges but also historical memory, environmental responsibility, and temporal rhythms. Particular attention is paid to the idea of “searching for lost time” as a social practice. In this vein, three main dimensions are distinguished: the ecological dimension, which forms a platform for new solidarity; the historical-reconstructive dimension, which restores broken continuity; and the temporal dimension, which reveals the pluralism of

* © Вознесенский И.С., Чапкин А.Н., 2026.

Социальное взаимодействие в поиске утраченного времени

social speeds and rhythms. It is concluded that social interaction is not a background phenomenon, but an independent entity of social life; its continuous monitoring becomes a condition for maintaining the integrity of society in an era of turbulence. The article draws on an extensive body of work on social ecology, temporal studies, and historical reconstruction.

Key words: social interaction, social time, temporal pluralism, tempoworlds, environmental education, social ecology, historical reconstruction, social fabric, lost time, markers of social stratification.

Чем сложнее социальная реальность, тем важнее найти более точные инструменты измерения ее состояния и нахождения предполагаемых зон трансформаций. Как правило, такие инструменты исследователи видят вне этой реальности, в политике, экономике, праве. Их можно назвать достаточно точными, а потому предоставляющими объективные данные. Ошибочно игнорировать те инструменты, которые имеются внутри самого исследуемого объекта. Учитывая его сложность, многомерность, и, главное, характеристики, связанные с новейшими цифровыми преобразованиями, наиболее эффективными становились инструменты, позволяющие измерить рисунок и плотность социального взаимодействия. Их можно представить не просто как обмен действиями между акторами, а как затейливую ткань, в которой переплетаются не только традиционные социальные параметры, но также историческая память, экологическая ответственность и темпоральные ритмы и многое другое.

Этот невероятный по своему охвату объем социального взаимодействия требует для того, чтобы глубоко погрузиться в контекст и понять смысл, который участники вкладывают в свои действия, использовать самые разнообразные качественные и количественные методы.

Среди группы качественных методов выделяется, прежде всего, наблюдение,

как целенаправленное и систематическое восприятие поведения людей в разных условиях. Ценность представляют социометрические методы, в частности разработанные психиатром, психологом и социологом, Джекобом Морено (1889 – 1974), использующиеся для изучения межличностных отношений внутри малых групп. В цифровой среде актуализируется анализ дискурса и социолингвистический подход, которые фокусируются на языке как на ключевом инструменте социального взаимодействия. Сюда же относится символический интеракционизм, как целый теоретический подход, изучающий социальное взаимодействие как процесс обмена символами и жестами. В центре его внимания находится то, как люди интерпретируют действия друг друга и конструируют общий смысл в процессе общения.

Количественные и экспериментальные методы анализа социального взаимодействия позволяют получать числовые данные, выявлять статистические закономерности и проверять причинно-следственные связи. Так, масштабные поведенческие эксперименты могут быть встроены в панельные опросы для изучения кооперации и групповой сплоченности. Анализ социальных сетей (Social Network Analysis, SNA) позволяет исследовать структуру отношений между людьми или группами. Социальная сеть представляется как граф из «узлов» (лю-

дей) и «ребер» (связей между ними). Опыт-выборка (Experience Sampling Method, ESM): Этот метод предполагает, что участники в случайные моменты времени фиксируют свои текущие переживания, мысли и социальный контекст. Он позволяет изучать социальную жизнь человека в ее естественном, повседневном течении. Благодаря социально-философскому подходу социальное взаимодействие рассматривается на разных уровнях абстракции – как на микроуровне (от индивида к обществу), так и на макроуровне (от общества к индивиду).

Изучение социального взаимодействия – это всегда мультидисциплинарная задача, на стыке социологии, психологии, лингвистики и других наук. Часто для получения наиболее полной картины исследователи комбинируют методы из разных групп, например, дополняют количественные данные опросов качественными данными наблюдений или глубинных интервью. Именно на таких комбинаторных основаниях выстроена монография Л.О. Терновой «Социальное взаимодействие: истоки, современность и будущие вызовы»¹. Книга представляет собой фундаментальный труд, который позволяет увидеть эту ткань в ее целостности и противоречивости. Однако, как всякое значимое исследование, она ставит перед читателем не меньше вопросов, чем дает ответов, особенно когда речь заходит о тех измерениях социального, которые касаются состояния социальной реальности в переломные, переходные периоды, когда, с одной стороны, обществу очень хочется взглядываться в будущее, где оно будет избавлено от болезней настоящего, но, с другой сто-

роны, оно начинает прозревать, что в его прошлом были сознательно или случайно проигнорированные альтернативы, позволившие бы социальной жизни пролегать по иной, возможно, более безопасной колее.

Именно из этого понимания проистекает интерес к исследованию социальных взаимодействий, в которых остались следы утраченного времени. Таких следов очень много, но главные из них оставлены в пространстве, сформированном лежат на стыке отношения к природе и времени. Если отношения к природе характеризуют пространственные взаимосвязи, то отношение ко времени дают возможность увидеть вертикаль, по шкале которой, словно, зарубки распределены знаковые для социума события. Каждая такая зарубка сделана по-своему, в соответствии с правилами того исторического периода. И эти правила диктуют особенности прочтения каждого горизонтального среза².

То, что мы сейчас называем экологией до появления этого термина «экология» в 1866 г., вообще, не выделялось в отдельную область знаний. Вопросы, которые сегодня относятся к экологии, были частью более широких философских и научных дисциплин: натурфилософии (философия природы), естественной истории, «экономии природы» (*Oeconomia naturae*), «ойкономии» (*Oikonomia*). Единого названия не было, а экологические идеи «растворялись» в этих более общих областях знания. Это говорило, что само пространство было очень зыбким, неплотным. Отсутствие внутренней структурированности этого пространства влияло и на непрочность социальных связей, их

1 Терновая Л.О. Социальное взаимодействие: истоки, современность и будущие вызовы. – М.: ИНФРА-М, 2026.

2 Терновая Л.О. Экосемантика геополитического пространства: Монография. – М.: Инфра-М, 2017.

концентрация в определенных фрагментах пространства, что в полной мере отвечает нашим представлениям о социальной стратификации.

В последние годы понятие «экология» стремительно вышло за пределы естественнонаучного дискурса. Социальная экология, понимаемая как изучение закономерностей взаимодействия в системе «человек – общество – природа» все настойчивее заявляет о себе в контексте социальных коммуникаций. Экологическая проблематика создает концептуальную рамку, в которой экологическое измерение социального взаимодействия проявляется с неожиданных сторон. В частности, вместо вертикальной мобильности начинает преобладать мобильность горизонтальная, образно говоря, вместо социальных лифтов работают социальные траволаторы³. У новых социальных страт, таких как когнитариат, салиариат, прекариат имеется не только совершенно отличная от прежних картина мира, мотивация и цели⁴. Также меняется качество социального конфликта и способы его разрешения⁵.

Более всего современные перемены заметны по экологическому просвещению, переставшему быть пассивной формой участия гражданского общества не только в экологической, но и шире – социальной повестке⁶. Оно

³ Терновая Л.О., Шастина А.Е. Маркеры социальной стратификации современной молодежи: когнитариат, салиариат, прекариат // Миссия конфессий. 2022. Т. 11. Ч. 2 (№ 59). С. 67-74.

⁴ Вражнова М.Н., Терновая Л.О. Основы социологии кадровой безопасности: Учебное пособие. – М.: ИНФРА-М, 2019.

⁵ Левичева В.Ф., Диманс С.Л. Неформальные взаимодействия в обществе: опыт концептуальной интерпретации // Наука. Культура. Общество. 2025. Том. 31. № 2. С. 7-21; Нигматуллина Т.А., Терновая Л.О. Политическая медиация: Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2024. Сер. 11 Университеты России.

⁶ Вознесенский И.С., Вражнова М.Н., Миронова Т.А., Терновая Л.О., Шастина А.Е. Социальная экология и кадровая безопасность: Учеб-

становится полноценной платформой социального взаимодействия – пространством, где пересекаются интересы государства, бизнеса, некоммерческих организаций и отдельных граждан. Цифровые платформы, объединяющие людей вокруг экологических инициатив создают новые формы солидарности, которые невозможно свести к традиционным институциональным формам коммуникации⁷. В этом смысле экологическая платформа социального взаимодействия выступает не просто инструментом решения природоохранных задач, но и лабораторией, в которой апробируются новые модели гражданского участия, коллективной ответственности и межсекторного партнерства.

Смысл экологии в контексте социального взаимодействия, таким образом, обретает глубину, выходящую за рамки охраны окружающей среды. Речь идет об экологии социальных отношений – о бережном отношении к тем связям, которые образуют человеческую общность, о понимании того, что социальная среда, подобно природной, требует осознанного, ответственного и просвещенного к себе отношения. Экологическое просвещение становится не просто передачей знаний о природе, но формированием особого типа социальной субъектности – способности видеть последствия своих действий в долгосрочной перспективе и действовать в интересах не только настоящего, но и будущих поколений.

Одним из наиболее значимых сюжетов, который пронизывает экологическое пространство, является идея

ное пособие / Под редакцией М.Н. Вражновой и Л.О. Терновой. М.: Международный издательский центр «Город XXI век», 2022.

⁷ Вознесенский И.С. Возможности «цифрового образования»: уроки пандемии COVID-19 // Альманах «Крым». 2021. № 25. С. 66-73.

исторической детерминированности социальных интеракций. Социальное взаимодействие не возникает на пустом месте – оно всегда укоренено в конкретном историческом контексте, несет на себе отпечаток прошлых практик, институциональных форм и культурных норм, формирует специфический тип темпорального интеллекта⁸.

Культурные нормы коммуникации во все времена формировались и трансформировались под влиянием социальных изменений. Особый интерес в этом контексте приобретает феномен исторической реконструкции как социальной практики. Историческая реконструкция – это не просто хобби или образовательный проект⁹. Это – мощное социальное движение, которое охватывает все слои населения и выполняет функцию своеобразного «моста» между прошлым и настоящим. Реконструкторы, восстанавливая вещи ушедших эпох и используя их по назначению, не просто оживляют историю, а создают новую форму социального взаимодействия, основанную на совместном переживании и осмыслении прошлого.

Актуализация истории через действия по ее реконструкции имеет глубокий социальный смысл. В эпоху, когда стремительные изменения разрывают ткань социальной памяти, историческая реконструкция становится способом восстановления утраченных связей, утверждения преемственности и поис-

ка идентичности. Она демонстрирует, что социальное взаимодействие всегда исторически детерминировано – но эта детерминация не есть фатальная предопределенность. Напротив, она открывает пространство для творческого переосмысления прошлого и его включения в актуальные социальные практики.

Социальное развитие по вертикальной оси вышеупомянутыми зарубками отделяет разные темпоральные миры один от другого¹⁰. Чем ближе к современности, тем отчетливее видно, как время становится социальным фактором. Социальное время не является универсальной и единой для всех величиной. Различные социальные группы, институты и даже культуры живут в разных «темпоральных мирах» – пространствах, где время течет с разной скоростью, где прошлое, настоящее и будущее выстраиваются в уникальные конфигурации.

Этот темпоральный плюрализм становится особенно заметным, когда одни и те же акторы вступают во взаимодействие, будучи носителями различных темпоральных культур. Для одних социальных групп время – это линейная последовательность событий, где прошлое окончательно ушло, а будущее открыто для проектирования¹¹. Для других – циклический процесс, в котором прошлое постоянно возвращается и требует переосмысления. Для третьих – дискретная последовательность «настоящих», каждое из которых требует немедленного реагирования.

Социальное взаимодействие всегда

8 Амбарова П.А. Темпоральные концепции как теоретико-методологическое основание межкультурных исследований // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2011. № 4 (95). С. 232-238.

9 Вознесенский И.С. По местам исторических средневековых боев // Форум политических и деловых коммуникаций. Альманах. Вып. 3. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2014. С. 119-124; Харахтеров Н.О. Историческая реконструкция как социальная практика // Философия и общество. 2025. № 2 (115). С. 22-38.

10 Вознесенский И.С., Терновая Л.О. Университетские темпомиры: особенности социального времени студента // Миссия конфессий. 2024. Том 13. Часть 4 (№77). С. 48-54.

11 Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Мир, прочерченный линиями: к онтологии разграничений и связей // Миссия Конфессий. 2025. Том 14. Часть 7 (№ 88). С. 80-88.

конкретно. Оно наполнено заботами различных социальных групп: работающих, женщин, молодежи, детей, представителей «третьего возраста», инвалидов, мигрантов. Каждая из этих групп обладает не только своими социальными характеристиками, но и своим темпоральным опытом, своей скоростью и ритмом социального времени. Взаимодействие между ними – это всегда диалог темпоральных миров, требующий особой чуткости и способности к темпоральной настройке.

Особую остроту эта проблема приобретает в контексте цифровизации и внедрения искусственного интеллекта. Цифровые платформы создают собственное темпоральное пространство – ускоренное, фрагментированное, где время сжимается до мгновения, а ожидание становится непереносимым¹². Сталкиваясь с этим цифровым темпом, традиционные социальные институты и группы оказываются перед необходимостью радикальной перестройки своих временных практик.

Социальное взаимодействие не является статичной структурой. Оно представляет собой непрерывно трансформирующийся процесс. Социальные связи изменяются под влиянием исторических, технологических, демографических и культурных факторов. Историческая реконструкция переопределяет наше отношение к прошлому и тем самым трансформирует настоящее. Экологические вызовы создают новые платформы для солидарности и одновременно порождают новые конфликты. Темпоральные миры сталкиваются и переплетаются, рождая новые формы социального времени.

В этих условиях непрерывное отслеживание социальных взаимодействий становится не просто академической задачей, но жизненной необходимостью. Без постоянного мониторинга того, как выстраиваются связи между людьми, группами и институтами, невозможно ни эффективное управление, ни устойчивое развитие, ни сохранение социальной ткани в ее целостности. Для этого важно иметь не только теоретическую рамку, но и эффективные практические инструменты – от анализа конкретных сфер социального взаимодействия (образование, здоровье, спорт, ЖКХ) до механизмов урегулирования конфликтов и адаптации уязвимых групп.

Чтобы их связать в единый комплекс, необходима своего рода навигационная карта для тех, кто стремится понять и направить социальные процессы в эпоху глубоких трансформаций. Она напоминает нам, что социальное взаимодействие – это не фон, на котором разворачиваются более важные события, а сама суть социальной жизни, требующая к себе постоянного, внимательного и ответственного отношения. Социальное взаимодействие предстает перед нами не как вспомогательный фон или производная от экономических и политических процессов, но как самостоятельная, сложно организованная и живая ткань бытия. Ее изучение требует отказа от упрощенных схем и выработки особой оптики, способной улавливать не только статистические закономерности, но и смысловые, исторические и темпоральные нюансы.

Название этой статьи, отсылающее к знаменитому циклу Марселя Пруста (1871 – 1922) *À la recherche du temps perdu*, выбрано не случайно. У Пруста поиск утраченного времени был глубоко интимным, психологическим проектом – возвращение прошлого через

12 Вознесенский И.С., Чапкин А.Н. Темпоральные трансформации образования: цифровой ускоритель и социальная цена времени в постковидную эпоху // Миссия конфессий. 2026. Том 15. Часть 4 (№ 93). С. 133-141.

непроизвольные воспоминания, вкус мадленки, игру света, чтобы обрести подлинную жизнь во времени. Если прустовский герой ищет утраченное время внутри себя, то современное общество ищет его вовне – в следах экологических практик, в ритуалах исторической реконструкции, в темпоральных ритмах разных социальных групп. «Поиск утраченного времени» – отнюдь не ностальгическое погружение в архаику, а насущная потребность современного общества, оказавшегося в зоне турбулентности. Этот поиск осуществляется по трем направлениям, каждое из которых высвечивает невидимые ранее грани социальности:

первое: экологическое измерение переводит проблему из плоскости выживания в плоскость ответственности, где социальное взаимодействие становится платформой для новой солидарности, выходящей за рамки узких групповых интересов;

второе: историческая реконструкция оказывается не просто данью моде или образовательным приемом, а действенным инструментом восстановления разорванной преемственности, позволяющим обществу заново «сшить» разорванные фрагменты прошлого и настоящего;

третье: темпоральный плюрализм открывает нам глаза на то, что социальные конфликты и непонимание часто коренятся не в разности ценностей, а в несовпадении скоростей и ритмов жизни различных групп, что делает задачу «темпоральной настройки» одной из главных в повестке управления¹³.

В эпоху, когда цифровизация и искусственный интеллект радикально сжимают время и размывают привычные границы, непрерывное отслеживание состояния социальной ткани становится не академическим излишеством, а условием выживания. Утраченное время не исчезает бесследно. Оно оставляет свои зарубки в нашей памяти, в экологических следах и в темпоральных ритмах. И задача социальной науки – не столько «вернуть» это время, сколько научиться его считывать, осмысливать и вплетать в настоящее, превращая хаос прошлого в ресурс для будущего. Социальное взаимодействие, таким образом, становится тем универсальным механизмом, который позволяет обществу, несмотря на все трансформации, сохранять свою целостность и способность к диалогу с самим собой. Пруст показал, что время обретается не через абстрактное знание, а через конкретное, телесное, чувственное переживание: запахи, звуки, тактильные ощущения... Точно так же социальное взаимодействие оказывается тем самым «механизмом непроизвольной памяти» для целых сообществ. Но есть и принципиальное различие. У Пруста утраченное время возвращается через искусство – через роман, который пишет сам герой. В социальной реальности таким «искусством» выступает само социальное взаимодействие, взятое во всей его многомерности. Оно становится инструментом не только познания, но и восстановления разорванных связей: между человеком и природой, между поколениями, между разными скоростями современной жизни. Именно через плотность и рисунок социальных контактов, через мониторинг и рефлекссию общество получает шанс не просто вспомнить, но и заново собрать свое прошлое, чтобы оно перестало быть

13 Вознесенский И.С. Темпоральная компонента организационной культуры // Этносоциум и межнациональная культура. 2020. № 1 (139). С. 20-28; Вознесенский И.С., Терновская Л.О. Время как ресурс власти: темпоральная компонента политического интеллекта // Миссия конфессий. 2026. Том 15. Часть 2 (№ 91). С. 133-141.

мертвым грузом и превратилось в живой ресурс будущего.

Список литературы

1. Амбарова П.А. Темпоральные концепции как теоретико-методологическое основание межкультурных исследований // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2011. № 4 (95). С. 232-238.
2. Вознесенский И.С. Возможности «цифрового образования»: уроки пандемии COVID-19 // Альманах «Крым». 2021. № 25. С. 66-73.
3. Вознесенский И.С. По местам исторических средневековых боев // Форум политических и деловых коммуникаций. Альманах. Вып. 3. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2014. С. 119-124.
4. Вознесенский И.С. Темпоральная компонента организационной культуры // Этносоциум и межнациональная культура. 2020. № 1(139). С. 20-28.
5. Вознесенский И.С., Вражнова М.Н., Миронова Т.А., Терновая Л.О., Шастина А.Е. Социальная экология и кадровая безопасность: Учебное пособие / Под редакцией М.Н. Вражновой и Л.О. Терновой. М.: Международный издательский центр «Город XXI век», 2022. 212 с.
6. Вознесенский И.С., Терновая Л.О. Время как ресурс власти: темпоральная компонента политического интеллекта // Миссия конфессий. 2026. Том 15. Часть 2 (№ 91). С. 133-141.
7. Вознесенский И.С., Терновая Л.О. Университетские темпомиры: особенности социального времени студента // Миссия конфессий. 2024. Том 13. Часть 4 (№ 77). С. 48-54.
8. Вознесенский И.С., Чапкин А.Н. Темпоральные трансформации образования: цифровой ускоритель и социальная цена времени в постковидную эпоху // Миссия конфессий. 2026. Том 15. Часть 4 (№ 93). С. 133-141.
9. Вражнова М.Н., Терновая Л.О. Основы социологии кадровой безопасности: Учебное пособие. – М.: ИНФРА-М, 2019. 261 с.
10. Левичева В.Ф., Диманс С.Л. Неформальные взаимодействия в обществе: опыт концептуальной интерпретации // Наука. Культура. Общество. 2025. Том 31. № 2. С. 7-21.
11. Нигматуллина Т.А., Терновая Л.О. Политическая медиация: Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2024. Сер. 11 Университеты России. 327 с.
12. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Мир, прочерченный линиями: к онтологии разграничений и связей // Миссия Конфессий. 2025. Том 14. Часть 7 (№ 88). С. 80-88.
13. Терновая Л.О. Социальное взаимодействие: истоки, современность и будущие вызовы. – М.: ИНФРА-М, 2026. 336 с.
14. Терновая Л.О. Экосемантика геополитического пространства: Монография. – М.: Инфра-М, 2017. 312 с.
15. Терновая Л.О., Шастина А.Е. Маркеры социальной стратификации современной молодежи: когнитариат, салариат, прекариат // Миссия конфессий. 2022. Т. 11. Ч. 2 (№ 59). С. 67-74.
16. Характеров Н.О. Историческая реконструкция как социальная практика // Философия и общество. 2025. № 2 (115). С. 22-38.

References

1. Ambarova P.A. "Temporal Concepts as a Theoretical and Methodological Foundation for Intercultural Research." Bulletin of the Ural State University. Series 1. Problems of Education, Science, and Culture. 2011. № 4 (95). P. 232-238.
2. Voznesensky I.S. "Digital Education Potential: Lessons from the COVID-19 Pandemic." Almanac "Crimea." 2021. № 25. P. 66-73.
3. Voznesensky I.S. "On the Sites of Historical Medieval Battles." Forum of Political and Business Communications. Almanac. Issue 3. Moscow: International Publishing Center "Ethnosocium," 2014. P. 119-124.
4. Voznesensky I.S. "The Temporal Component of Organizational Culture." Ethnosocium and Interethnic Culture. 2020. № 1 (139). P. 20-28.
5. Voznesensky I.S., Vrazhnova M.N., Mironova T.A., Ternovaya L.O., Shastina A.E. Social Ecology and Personnel Security: A Textbook / Edited by M.N. Vrazhnova and L.O. Ternovaya. Moscow: International Publishing Center "City of the XXI Century", 2022. 212 p.
6. Voznesensky I.S., Ternovaya L.O. Time as a Resource of Power: The Temporal Component of Political Intelligence // Mission of Confessions. 2026. Vol. 15. Part 2 (No. 91). P. 133-141.
7. Voznesensky I.S., Ternovaya L.O. University Tempoworlds: Features of Student Social Time // Mission of Confessions. 2024. Volume 13. Part 4 (No. 77). P. 48-54.
8. Voznesensky I.S., Chapkin A.N. Temporal Transformations of Education: The Digital Accelerator and the Social Price of Time in the Post-COVID Era // Mission of Confessions. 2026. Volume 15. Part 4 (No. 93). P. 133-141.
9. Vrazhnova M.N., Ternovaya L.O. Fundamentals of the Sociology of Personnel Security: A Tutorial. Moscow: INFRA-M, 2019. 261 p.
10. Levicheva V.F., Dimans S.L. Informal Interactions in Society: An Experience of Conceptual Interpretation // Science. Culture. Society. 2025. Volume 31. № 2. P. 7-21.
11. Nigmatullina T.A., Ternovaya L.O. Political Mediation: A Textbook. 2nd edition, corrected and expanded. Moscow: Yurait, 2024. Series 11. Universities of Russia. 327 p.
12. Ryabova E.L., Ternovaya, L.O. A World Drawn by Lines: Toward an Ontology of Demarcations and Connections // Mission of Confessions. 2025. Volume 14. Part 7 (No. 88). P. 80-88.
13. Ternovaya L.O. Social Interaction: Origins, Modernity, and Future Challenges. Moscow: INFRA-M, 2026. 336 p.
14. Ternovaya, L.O. Ecosemantics of Geopolitical Space: Monograph. Moscow: Infra-M, 2017. 312 p.
15. Ternovaya L.O., Shastina, A.E. Markers of Social Stratification of Contemporary Youth: Cognitariat, Salarial, Precariat // Mission of Confessions. 2022. Vol. 11. Part 2 (№ 59). P. 67-74.
16. Kharakterov N.O. Historical Reconstruction as a Social Practice // Philosophy and Society. 2025. № 2 (115). P. 22-38.

Долгов И.С.

Аспирант, 2 курс. Санкт-Петербургский Государственный Экономический Университет.

Теоретико-методологические границы понятия «предельная заработная плата» в социологии рынков*

Аннотация. Статья переосмысляет экономическую природу оплаты труда сквозь призму поведенческих стратегий наемных работников. На фоне деградации жестких тарифных сеток и доминирования контрактных соглашений авторами разворачивается концепт «предельной заработной платы». Данная категория трактуется как подвижная социальная переменная, обозначающая персональный критический минимум, за которым следует отказ от занятости. В работе разграничены понятия субъективно ожидаемого и предельно допустимого заработка, а также смоделированы деструктивные эффекты вынужденного найма, включая скрытый оппортунизм и неконтролируемую текучесть кадров. На основе многокритериального подхода обосновывается компенсаторный механизм связи денежных аппетитов соискателей с социальным качеством рабочей среды. Предложенные аналитические схемы позволяют кадровым службам превентивно диагностировать скрытые очаги напряжения в коллективах, а также гибко проектировать сбалансированные трудовые контракты в нетарифицируемом секторе экономики.

Ключевые слова: предельная заработная плата, социальная переменная, контрактный найм, социология труда, трудовой оппортунизм, трансакционные издержки.

Dolgov I.S.

Postgraduate Student, 2nd year. Saint Petersburg State University of Economics.

Theoretical and methodological boundaries of the concept of “maximum wage” in the sociology of markets

Abstract. The article reinterprets the economic nature of remuneration through the lens of the behavioral strategies of hired workers. Against the backdrop of the degradation of rigid wage scales and the dominance of contractual agreements, the authors develop the concept of “marginal wage.” This category is interpreted as a flexible social variable indicating a personal critical minimum, beyond which employment is abandoned. The paper distinguishes between the concepts of subjectively expected and maximum permissible earnings, and models the destructive effects of forced hiring, including hidden opportunism and uncontrolled staff turnover. Based on a multi-criteria approach, a compensatory mechanism is substantiated that links the monetary aspirations of job seekers with the social quality of the work environment. The analytical frameworks proposed by the authors enable HR departments to proactively diagnose hidden sources of tension in teams and to flexibly design balanced employment contracts in the non-tariff sector of the economy.

Key words: marginal wage, social variable, contractual employment, labor sociology, labor opportunism, transaction costs.

* © Долгов И.С., 2026.

Теоретико-методологические границы понятия «предельная заработная плата» в социологии рынков

Введение

Институциональный каркас трудовой сферы в постсоветской России ломался неравномерно [2, с. 38]. Наиболее радикальным сдвигом стал демонтаж командно-административных механизмов распределения материальных благ [10, с. 64]. Советская модель планового хозяйства полностью исключала из повестки дня руководителей предприятий самостоятельное регулирование фонда оплаты труда. Государство жестко фиксировало тарифные сетки, разряды и оклады. Для директора завода рабочая сила была константой с заранее известной ценой, а управленческие усилия концентрировались вокруг контроля ее квалификации.

Сам работник в этой системе координат занимал позицию пассивного созерцателя. Формально обладая свободой выбора, индивид не имел легальных инструментов для прямой торговли с нанимателем по поводу стоимости своего труда. Любое латентное недовольство уровнем доходов компенсировалось скрытыми практиками: абсентизмом, демонстративным снижением производительности или, в крайнем случае, переходом на другое госпредприятие ради ведомственного жилья и путевок.

Современный пореформенный рынок труда функционирует по иным законам. Либерализация трудового права и легитимация индивидуальных контрактов превратили стороны найма в автономных акторов. При этом их экономические интересы вошли в зону жесткого клинча. Работодатель прагматично режет издержки на персонал, пытаясь удержать рентабельность. Работник, напротив, стремится продать свои компетенции как можно дороже. Итогом становится латентное социальное трение, бьющее по стабильности бизне-

са. Экономическая социология сегодня остро нуждается в инструментах, способных зафиксировать реальные психологические границы материальных притязаний человека, не опираясь на его прямые декларации.

Теоретические истоки и ревизия подходов. Попытки нащупать нижнюю границу стоимости труда предпринимались задолго до институционального оформления социологии. Классическая политэкономия марксистского толка выводила заработную плату из стоимости физиологического выживания пролетария. К. Маркс прямо связывал объем вознаграждения с корзиной жизненных благ, необходимых для воспроизводства рабочей силы [3, с. 145]. Здесь притязания субъекта полагались объективными, диктуемыми биологией и культурно-историческим контекстом эпохи.

Маржиналистская революция (К. Менгер, Л. Вальрас, Е. Бём-Баверк) перевернула эту оптику, во главу угла поставив субъективную полезность ресурса. Согласно их логике, ценность труда определяет не прошлая стоимость его производства, а будущая предельная производительность последней вовлеченной в оборот штатной единицы. Позже А. Маршалл попытался примирить эти подходы через кривые спроса и предложения, однако признал: внутренние ожидания работников о «справедливом доходе» действуют на рынке как мощный негибкий ограничитель [4, с. 110].

Чисто социологический разворот этой проблемы наметил Ф. Тённис. Он указал, что цена рабочей силы упирается в субъективное представление продавца о необходимом минимуме для поддержания привычного качества жизни [5, с. 215]. Тённис зафиксировал принципиальный тезис: этот предел

подвижен. Он постоянно переформируется под давлением групповых норм, престижа и стандартов потребления.

В отечественной традиции этот вектор подхвачен школой В.А. Ядова, А.Г. Здравомыслова и В.В. Радаева. Исследователи доказали: крушение советской патерналистской этики породило тип рыночно-ориентированного работника, чьи материальные притязания стали главным мотивом при выборе траектории занятости.

Методология. Мы опираемся на системный анализ, где предельная заработная плата выступает как зависимая социальная переменная [2, с. 54]. Ее реальное цифровое выражение детерминировано пулом внешних и внутренних факторов. К внутренним (интернальным) факторам мы относим демографический статус индивида, объем его семейных обязательств и накопленный человеческий капитал. К внешним (экстернальным) – параметры конкретной вакансии и общую конъюнктуру локального рынка труда [7, с. 488].

Мультипарадигмальная рамка позволяет применять веберовскую понимающую социологию для дешифровки внутренних смыслов, которые работник вкладывает в понятие «достаточно-го заработка», сопрягая это с марксистским анализом конфликта интересов труда и капитала.

Разграничение понятий и социальные функции. В структуре материальных запросов личности необходимо провести жесткую демаркационную линию между двумя категориями, которые в прикладных исследованиях часто ошибочно смешивают:

– Ожидаемая заработная плата – ментальный конструкт, отражающий представление индивида об идеальном, справедливом вознаграждении. Механизм ее сборки эвристически описан

в теории справедливости С. Адамса [1, с. 150]. Работник соотносит свои энергозатраты и доходы с аналогичными показателями референтных групп. Ожидаемая зарплата – это ориентир на средний социальный стандарт. Примечательно, что ее недостижение редко толкает человека к радикальным действиям. Сотрудник может годами быть неудовлетворенным своей зарплатой, но при этом продолжать выполнять все свои обязанности в рамках должностных инструкций.

– Предельная заработная плата – это внутренний критический порог, ниже которого привлекательность рабочего места для индивида падает до нуля [2, с. 71]. Данная категория не соотносена с моралью и справедливостью, а наоборот прагматична. С помощью данной меры определяется желание или нежелание сотрудника находится на должности в конкретной компании.

В структуре рынков труда предельная заработная плата выполняет ключевую стабилизирующую функцию. Взаимодействие нанимателя и кандидата может развиваться по трем сценариям:

1. Прямой отказ – полное несоответствие запросов работодателя и кандидата. В таком случае потери несут обе стороны – компания теряет сотрудника и остается без экспертизы, наработанной годами, а соискатель остается без стабильного заработка, источника дохода.

2. Вынужденный компромисс – согласие на условия работодателя со стороны соискателя диктуются внешними условиями – кризис, безработица и т.д. В данном случае сотрудник воспринимает работу, как «временную», с целью переждать внешние ограничения для дальнейшего трудоустройства в более привлекательное по множеству параметров место. В данном случае сотрудник начинает «латентный саботаж» – ми-

нимизирует усилия, работает строго «по инструкции», избегает ответственности. При первой возможности он увольняется, а компания впадает во внутренний кадровый кризис, получая издержки по поиску и адаптации нового сотрудника. Данный процесс в зависимости от отрасли и должности может занимать месяцы, а иногда и годы.

3. Контрактный консенсус - предложенный доход полностью закрывает все субъективные ожидания сотрудника. В таком случае работник демонстрирует высокий уровень лояльности, приоритет – закрепиться на данном рабочем месте. В таком случае происходит стабилизация бизнес-процессов в компании.

Заключение. Если уйти от слепого следования монетаристским догмам, то уровень предельной заработной платы превращается в тонкий индикатор реального положения дел в коллективе. Для кадровых служб главный тупик здесь – скрытый характер данного показателя. Соискатель на собеседовании не раскрывает всех карт, умышленно задирая планку. Нанимателю приходится действовать в обход: замерять финансовые аппетиты соискателей через их реакцию на социальные, нематериальные блага рабочих мест.

Список литературы

1. Адамс С. Преодоление несправедливости // Поведение человека в организации / под ред. И.В. Андреевой. – СПб.: Центр упр. знаниями, 2001. С. 145-162.
2. Давыдов С.А. Предельная заработная плата как социальная переменная: дис. ... д-ра соц. наук: 22.00.03 / Давыдов Сергей Анатольевич; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2005. 219 с.
3. Маркс К. Капитал. Критика политической экономики. Т. 1. Кн. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1960. Т. 23. 907 с.
4. Маршалл А. Принципы экономической науки: в 3 т. / пер. с англ. Р. И. Столпера. – М.: Прогресс, 1993. Т. 2. 310 с.
5. Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / пер. с нем. Д.В. Складнева. – СПб.: Владимир Даль, 2002. 451 с.
6. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. – М.: Добросвет, 2003. 596 с.

7. Володкевич С.И. Современные условия и источники формирования цифровых навыков субъектов малого и среднего предпринимательства // Креативная экономика. 2020. Т. 14. № 4. С. 485-496.
8. Демидов Н.В. Трудовое право: учеб. пособие для вузов / ред.-сост. Н.В. Демидов. – М.: Издательство Юрайт, 2023. 203 с.
9. Антонов В.В. Трансформация моделей материальной мотивации в условиях нестабильности локальных рынков труда // Социология труда. 2024. № 2. С. 114-125.
10. Щербак С.С. Расширение дифференциации в трудовом законодательстве Российской Федерации в зависимости от объема предпринимательской деятельности работодателя // Право и экономика. 2017. № 10. С. 63-69.
11. Николаев А.А., Козлов Д.В. Факторы гибкости контрактной системы найма: экономико-социологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2025. Т. 18. № 1. С. 42-56.
12. Борисов А.Н. Влияние целей устойчивого развития тысячелетия ООН на развитие регионов России // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 4 (154). С. 64-80.

References

1. Adams S. Overcoming Injustice. Human Behavior in Organizations. Ed. by I.V. Andreeva. St. Petersburg: Knowledge Management Center, 2001. P. 145-162.
2. Davydov S.A. Marginal Wage as a Social Variable. Doctor of Social Sciences Dissertation: 22.00.03. St. Petersburg State University, Davydov, Sergei Anatolyevich. St. Petersburg, 2005. 219 p.
3. Marx K. Capital: Critique of Political Economy. Vol. 1, Book 1. Marx, K., Engels, F. Works. 2nd ed. Moscow: Politizdat, 1960. Vol. 23. 907 p.
4. Marshall A. Principles of Economic Science. In 3 volumes. Translated from English. R.I. Stolper. – Moscow: Progress, 1993. Vol. 2. 310 p.
5. Tönnies F. Community and Society. Basic Concepts of Pure Sociology / translated from German by D.V. Sklyadneva. – St. Petersburg: Vladimir Dal, 2002. 451 p.
6. Yadov V.A. Strategy of Sociological Research. Description, Explanation, and Understanding of Social Reality. – Moscow: Dobrosvet, 2003. 596 p.
7. Volodkevich S.I. Modern Conditions and Sources of Developing Digital Skills of Small and Medium-Sized Businesses // Creative Economy. 2020. Vol. 14. № 4. P. 485-496.
8. Demidov N.V. Labor Law: Textbook for Universities / ed. and compiled by N. V. Demidov. – M.: Yurait Publishing House, 2023. 203 p.
9. Antonov V.V. Transformation of Material Motivation Models in the Context of Instability of Local Labor Markets // Sociology of Labor. 2024. № 2. P. 114-125.
10. Shcherbak S.S. Expanding Differentiation in Labor Legislation of the Russian Federation Depending on the Volume of Entrepreneurial Activity of the Employer // Law and Economics. 2017. № 10. P. 63-69.
11. Nikolaev A.A., Kozlov D.V. Factors of Flexibility of the Contract Employment System: Economic and Sociological Analysis // Bulletin of St. Petersburg University. Sociology. 2025. Vol. 18. № 1. P. 42-56.
12. Borisov A.N. Impact of the UN millennium development goals on the development of Russian regions // Ethnosotium and international culture. 2021. № 4 (154). P. 64-80.

Земцова О.А.

Аспирант ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Ведущий специалист Центра ДПО сети «РЖД-Медицина». ORCID: 0009-0004-2109-279X

Синтез структурно-функционального и тезаурусного подходов в анализе молодежной политики корпорации: разработка модели и пилотная эмпирическая иллюстрация*

Аннотация. Статья посвящена разработке интегративной модели анализа корпоративной молодежной политики крупной промышленной организации. Актуальность исследования определяется необходимостью повышения эффективности работы с молодыми сотрудниками в условиях демографического сжатия, конкуренции за квалифицированные кадры и трансформации трудовых ценностей молодежи. Цель статьи заключается в обосновании модели, позволяющей соотнести институциональное устройство корпоративной молодежной политики с ценностно-смысловыми ориентациями ее адресатов. Методологическую основу исследования составляет синтез структурно-функционального и тезаурусного подходов. Эмпирической базой выступили материалы пилотного исследования молодых работников одного из подразделений ОАО «РЖД». Установлено, что результативность программ адаптации, наставничества, карьерного развития и молодежного участия зависит не только от наличия соответствующей инфраструктуры, но и от ее понятности, доступности и субъективной значимости для молодых работников. Предложена двухконтурная модель, включающая структурный контур, отражающий цели, нормы, ресурсы и механизмы реализации молодежной политики, и тезаурусный контур, фиксирующий ценности, ожидания, интерпретации и опыт молодежи. Научная новизна состоит в рассмотрении смысловой легитимности корпоративных практик как условия их эффективности. Практическая значимость модели заключается в возможности ее применения для диагностики разрывов между управленческими целями и ожиданиями молодых сотрудников, а также совершенствования механизмов обратной связи и форм молодежного участия.

Ключевые слова: молодежная политика, корпоративная среда, структурно-функциональный подход, тезаурусный подход, социальное управление, организационная интеграция, ценностные ориентации молодежи, кадровое воспроизводство, промышленный железнодорожный комплекс.

Zemtsova O.A.

Postgraduate student at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Leading Specialist at the Center for Continuing Professional Education of the Russian Railways Medicine network. ORCID: 0009-0004-2109-279X

Synthesis of structural-functional and thesaurus approaches in the analysis of corporate youth policy: model development and pilot empirical illustration

Abstract. The article proposes an integrative model of corporate youth policy that combines

* © Земцова О.А., 2026.

Синтез структурно-функционального и тезаурусного подходов в анализе молодежной политики корпорации: разработка модели и пилотная эмпирическая иллюстрация

structural-functional and thesaurus approaches. A pilot case study of young employees of JSC Russian Railways shows that adaptation, mentoring and career development mechanisms are effective only when formal institutions are aligned with the value expectations of young workers.

Key words: youth policy, corporate environment, structural-functional approach, thesaurus approach, social management, organizational integration, value orientations of youth, personnel reproduction, industrial railway complex.

Введение

Динамичные изменения социально-экономических условий и трансформация ценностных ориентиров молодого поколения создают новые вызовы для современных организаций. В этих условиях молодежная политика приобретает особую значимость как один из ключевых факторов внутрикорпоративного развития предприятия. Вместе с тем, именно она направлена на интеграцию, адаптацию, удержание и профессиональное становление молодых специалистов в корпоративной молодежной среде, в том числе на предприятиях промышленного железнодорожного комплекса, однако на практике зачастую показывает свою неэффективность и ограниченность. Возникает закономерный вопрос: как обеспечить гармоничное сочетание интересов корпорации и ожиданий молодого поколения сотрудников?

Исследовательский вопрос: Каковы возможности и механизмы синтеза структурно-функционального и тезаурусного подходов для повышения эффективности молодежной политики в условиях современных корпораций, и как они проявляются на примере крупного промышленного холдинга, в частности ОАО «РЖД»?

Цель исследования – теоретически обосновать и на основе пилотного эмпирического исследования проиллюстрировать продуктивность синтеза структурно-функционального и тезаурусного подходов как методологической

основы анализа и совершенствования молодежной политики в корпоративной среде на примере ОАО «РЖД».

Объект исследования: Процессы реализации молодежной политики в корпоративной среде.

Предмет исследования: Синтез структурно-функционального и тезаурусного подходов как методологическая основа анализа и совершенствования молодежной политики в ОАО «РЖД».

Исследовательская гипотеза состоит в том, что эффективность корпоративной молодежной политики определяется степенью согласованности формальных институтов организации и ценностных установок молодых сотрудников.

Научная новизна исследования связана с разработкой интегративной аналитической модели корпоративной молодежной политики, основанной на синтезе структурно-функционального и тезаурусного подходов. В рамках предложенной модели молодежная политика рассматривается как система взаимодействия институциональных механизмов управления и ценностно-смысловых ориентаций молодых сотрудников. Новизна состоит в том, что данная модель позволяет не только выявлять источники институциональных дисфункций, но и формировать векторы их преодоления через управляемое циклическое взаимодействие формальных структур и ценностно-смысловых тезаурусов молодежи, определяющих их профессиональное поведение и степень

интеграции в корпоративную среду.

Теоретические основы анализа молодежной политики в корпоративной среде

Для понимания организационных основ, на которых могут строиться эффективные модели молодежной политики, необходимо обратиться к теоретическим истокам. Основы структурно-функционального анализа организации были заложены Талкоттом Парсонсом [1]. В рамках данного подхода организация рассматривается как система взаимосвязанных функций и ролей, обеспечивающих институциональную стабильность и устойчивость социальной системы. В частности, его концептуальная модель AGIL описывает четыре функциональных императива, необходимых для устойчивости любой социальной системы [2. С. 110–128]. В последующем все большее внимание современных социологов привлекало к себе изучение применимости структурно-функционального анализа в прикладном использовании организации. Концепция дисфункций Р. Мертона [3] раскрывает механизмы, при которых формально рациональные институты могут утрачивать эффективность и воспроизводить ритуализированные практики. Институциональный анализ организаций У. Р. Скотта [4] дополняет эту логику, показывая, что устойчивость организационных структур определяется не только регулятивными механизмами, но и нормативными, и культурно-когнитивными основаниями. Молодежная политика, рассматриваемая с позиций структурно-функционального подхода, выступает как совокупность формализованных институтов и программ (адаптация, наставничество, карьерное резервирование, советы молодежи), призванных

обеспечить эффективную интеграцию молодых специалистов в организационную структуру. В рамках данной логики молодежь воспринимается как ресурс, который должен быть оптимально встроен в функциональную систему компании для обеспечения ее устойчивости и воспроизводства кадрового потенциала [5. С. 25–35]. Применительно к крупным инфраструктурным компаниям, таким как ОАО «РЖД», данная системная логика проявляется в реализации комплексных программ управления человеческим капиталом, включающих различные направления кадровой политики от обеспечения трудовыми ресурсами до цифровизации процессов управления персоналом.

Однако, как справедливо отмечают социологи, основным ограничением структурного функционализма и его применения в корпоративной среде становится его формализованный, институционализированный характер, игнорирование личностных потребностей молодежи. Именно жесткая ориентация на формальные институты и предписанные функции оставляет «за скобками» весь пласт неформальных отношений, личных мотивов, ценностных ориентаций и смыслов, которые молодые сотрудники вкладывают в свою профессиональную деятельность. Серьезным ограничением выступает потенциальный «отчужденный» характер интеграции, когда молодой специалист усваивает формальные правила игры, но при этом может испытывать состояние экзистенциальной пустоты и отчуждения, если его личные ориентации вступают в противоречие с навязываемыми корпоративными стандартами. Такой сотрудник интегрирован в структуру, но не в сообщество, что создает скрытые, но серьезные риски для организационного здоровья [6. С. 58–67].

Для преодоления этих ограничений необходим синтез с подходами, акцентирующими внимание на внутреннем мире человека, его смыслах и ценностях. Одним из таких подходов является тезаурусная социология Вал. А. и Вл. А. Луковых [7; 8]. Она позволяет рассматривать молодежь как социальную группу, обладающую специфическими ценностно-смысловыми системами, через которые молодые люди интерпретируют социальную реальность, институциональные нормы и собственные жизненные стратегии. В рамках данного подхода молодежь выступает не только объектом социального управления, но и активным субъектом интерпретации институциональных практик, формирующим собственные ценности тезаурусы [9].

Рассматривая понятие «тезаурус» в системе социального и организационного управления, непременно стоит отметить, что он представляет собой систему личных убеждений, ценностей и взглядов, которыми активно пользуется индивид для ориентировки в социальной и корпоративной среде, с целью построения собственной линии поведения. Структура тезауруса молодого сотрудника формируется несколькими взаимосвязанными уровнями, составляющими его внутреннюю систему координат [10]:

- Уровень базовых ценностей: фундаментальные жизненные приоритеты, такие как стремление к профессиональной и финансовой стабильности; потребность в самореализации через интересную работу; высокая значимость личной свободы и самостоятельности в принятии решений; запрос на психологическую и социальную защищенность в коллективе; ориентация на карьерный и личностный успех, измеряемый как положением, так и признанием.

- Уровень установок: внутренние «настройки», определяющие, как сотрудник по умолчанию воспринимает нововведения, оценивает политику компании и реагирует на рабочие ситуации. Эти заранее сформированные predispositions во многом предопределяют, станет ли он активным проводником изменений или пассивным наблюдателем, доверяет ли он решениям руководства и чувствует ли личную вовлеченность в корпоративные процессы.

- Идентичность: то, как сотрудник отвечает себе на вопросы «Кто я здесь?» и «Где моё место?». Сюда входит его профессиональная самооценка, чувство принадлежности к команде и ценностям компании, осознание общих черт со своим поколением. Другими словами, это внутренний компас, который помогает человеку понять, насколько он «свой» в профессии, в коллективе и среди сверстников.

- Уровень образов будущего: представления о желаемой профессиональной и жизненной траектории, сформированные под влиянием личного опыта, образовательных моделей и широких общественных тенденций, таких как цифровая трансформация, гибкий график и баланс между работой и личной жизнью.

Современные исследования молодежи указывают на усиление ориентации молодых работников на гибкость профессиональных траекторий, возможность смены сфер деятельности и поиск индивидуализированных форм самореализации [11; 12. С. 45–57; 13. С. 112–128]. Представители поколений миллениалов и поколения Z демонстрируют более высокие ожидания от профессиональной среды, включая требования к автономии, признанию и балансу между работой и личной жизнью [14]. В ре-

зультате традиционные иерархические модели корпоративного управления могут восприниматься молодыми сотрудниками как недостаточно гибкие и не полностью соответствующие их ценностным ориентирам.

Таким образом, исключительно структурно-функциональный анализ, акцентирующий внимание на формальных механизмах интеграции, без учёта ценностно-смысловой сферы нового поколения, может привести к созданию жёсткой, негибкой схемы, игнорирующей субъективные устремления. В то же время, подход, фокусирующийся исключительно на внутреннем мире, ценностях и практиках молодёжи (тезаурусный подход), без учёта реалий и ограничений корпоративной среды, может привести к идеализации спонтанных форм поведения и недооценке важности их системного вовлечения в организационные процессы. Наиболее продуктивным представляется синергетический подход, сочетающий принципы структурно-функционального и тезаурусного анализа. Он позволяет анализировать и выстраивать эффективные организационные механизмы работы с молодёжью с пониманием и учетом ценностных ориентаций новых сотрудников, которые, в свою очередь, способны оказывать преобразующее влияние на корпоративные практики.

Интегративная аналитическая модель молодежной политики: синтез структурно-функционального и тезаурусного подходов

Опираясь на выявленные ограничения каждого из подходов и их взаимодополняющий характер, мы предлагаем интегративную двухконтурную аналитическую модель молодежной политики, представленную на Рисунке 1.

Данная модель включает два взаи-

Рис. 1. Синтез структурно-функционального и тезаурусного подходов в молодежной политике.

мосвязанных контура:

Структурно-функциональный контур (Контур управления): Реализует принцип управления «сверху вниз», формируя организационный каркас молодежной политики через легитимные институты, каналы и регламенты. Его функция заключается в создании прозрачных «правил игры», задающих границы возможного и допустимого для молодых сотрудников. Ключевыми инструментами здесь выступают формализованные программы адаптации, наставничества, кадрового резерва, а также структурные единицы вроде Советов молодежи. Например, стандартизированная программа «Карьерный путь молодого специалиста» создает универсальный и предсказуемый алгоритм профессионального роста, выполняя функцию социального и профессионального лифта.

Тезаурусный контур (Контур осмыс-

ления): Обращен к внутреннему миру молодого сотрудника – его индивидуальной и групповой системе ценностей, поведенческих кодов и ориентиров. Его влияние осуществляется по принципу «снизу вверх» и обеспечивает внутреннюю легитимацию управленческих решений. Политика, не резонирующая с базовыми ценностями поколения (например, автономия, баланс работы и жизни, социальная значимость труда), будет воспринята как навязанная, что ведет к ритуализму исполнения или росту текучести. Напротив, инициатива, созвучная тезаурусу, получает внутреннее одобрение и энергетическую подпитку для реализации. Ключевым элементом модели является не статичное сосуществование контуров, а процесс их постоянного взаимовлияния и синтеза, обеспечиваемый прямыми и обратными связями.

- Прямая связь (структура → тезаурус) демонстрирует, как формальные институты целенаправленно трансформируют ценностно-смысловую сферу: например, внедрение системы грантов на внутрикорпоративные стартапы может культивировать в молодежной среде установку на проактивность и предпринимательство.

- Обратная связь (тезаурус → структура) составляет основу динамического развития системы, где ценностные запросы молодых сотрудников приводят к корректировке формальных регламентов. Инструментами фиксации таких сигналов служат не только регулярные опросы вовлеченности, но и, что особенно показательно, глубинные exit-интервью. Конкретный пример: массовые указания в анкетах увольняющихся молодых специалистов на выгорание из-за ригидного графика (сигнал от тезауруса, ценящего гибкость) могут инициировать пересмотр структурных

норм – внедрение гибкого графика или политики удаленной работы.

Таким образом, устойчивая и эффективная молодежная политика возникает в условиях постоянного циклического взаимодействия, где структурный контур создает предсказуемую среду возможностей, а тезаурусный обеспечивает ее смысловое принятие. Этот синтез позволяет организации достигать стратегических целей, одновременно способствуя личностной и профессиональной самореализации нового поколения, что в конечном итоге минимизирует ключевые риски институционального отчуждения и текучести кадров.

Переход от теоретического обоснования синтеза структурно-функционального и тезаурусного подходов к практике требует разработки конкретных организационных механизмов. Для российских корпораций, в особенности для предприятий промышленного железнодорожного комплекса с их устойчивыми иерархическими структурами, ключевым становится создание инструментов, позволяющих сохранить управляемость системы при одновременной интеграции ценностных ориентиров молодого поколения. На основе анализа практики ОАО «РЖД» и исследований ценностей поколения Z [11] можно выделить пять ключевых механизмов реализации такого синтеза.

Важным механизмом, интегрирующим структурные и ценностные подходы, является практическое преобразование формальных инициатив в гибкие проекты, которые одновременно решают стратегические задачи компании и откликаются на реальные интересы молодых сотрудников. Вместо «абстрактных советов молодежи», которые часто остаются лишь формальной функцией, сегодня формируются проектные офисы с конкретными ресурсами и полно-

мочиями. Это напрямую соотносится с трендом организационных инноваций в российских корпорациях, направленных на создание гибких, кросс-функциональных структур.

Например, в ПАО «Россети» ключевым звеном блока организационных инноваций становится «Система управления знаниями» – обширная информационная платформа, распространяющая действие на все компании Группы. Внедрение такой платформы создает технологическую основу для того, чтобы молодежные проектные команды трансформировались из совещательных органов в полноценные центры компетенций. Например, в Группе «Россети» подобные команды могут получать прямой доступ к этой единой системе знаний и отвечать за разработку конкретных цифровых сервисов для сотрудников, превращая стратегическую задачу по цифровизации сети в конкретные инициативы [15].

Параллельно, традиционное наставничество эволюционирует, обогащаясь форматом «реверс-менторства», где молодой специалист обучает опытного коллегу цифровым инструментам или новым подходам к анализу данных. Этот процесс напрямую поддерживается внедрением технологий, заявленных в инновационной программе ПАО «Россети» [15], таких как «применение искусственного интеллекта» и создание систем автоматизированного проектирования. Таким образом, формальные программы перестают быть просто «коробочными решениями» – они становятся живыми платформами, где структура (в виде цифровых платформ и инновационных программ) дает возможности, а внутренняя мотивация, знания и компетенции молодежи определяют конкретное содержание и результат, реализуя принцип ком-

плексного подхода, заложенный в корпоративной стратегии.

Ключевым механизмом интеграции структурного и ценностного подходов является их постоянное, управляемое взаимодействие, при котором структурные инструменты создают возможности, а тезаурусная система сотрудников определяет степень их легитимации и жизнеспособности. Материалы корпоративного анализа молодежной политики ОАО «РЖД» иллюстрируют последствия разрыва между этими контурами управления: 44,9% всех уволенных сотрудников составили молодые специалисты в возрасте до 35 лет, при этом общая доля молодежи в компании сократилась на 32,7% по сравнению с 2024 годом [16]. Эти цифры становятся отправной точкой для содержательного анализа причин такого дисбаланса.

Чтобы выявить глубинные причины этого структурного сбоя и понять механизм рассогласования, а также проиллюстрировать механизм интеграции структурного и тезаурусного подходов и выявления причин высокой текучести молодых кадров в ОАО «РЖД», было проведено пилотное эмпирическое исследование, выступающее в качестве кейс-стади одного из структурных подразделений компании. Исследование носит иллюстративный характер и направлено на выявление ценностных ориентиров молодых сотрудников и оценку ими корпоративных институтов молодежной политики.

Эмпирическую базу исследования составили ответы 23 молодых сотрудников (до 35 лет) одного из структурных подразделений ОАО «РЖД» в Москве. Проведенное исследование носило характер иллюстративного кейс-стади. Отбор респондентов носил целевой и удобный характер: в исследование были включены сотрудники,

находящиеся на ранних этапах профессиональной карьеры и согласившиеся принять участие в опросе. Такая выборка не претендует на репрезентативность для всей корпорации, однако позволяет получить качественную иллюстрацию механизмов взаимодействия формальных институтов компании и ценностных установок молодых работников.

Инструментарий исследования включал четыре тематических блока.

А) Социально-демографический блок фиксировал базовые характеристики респондентов. В него входили вопросы о поле и возрасте участников (например: «Укажите Ваш пол», «Укажите Ваш возраст»).

Б) Блок структурно-функциональной интеграции был направлен на оценку формальных институтов корпоративной молодежной политики – программ адаптации, наставничества и возможностей карьерного роста. В частности, респондентам предлагалось оценить эффективность программ адаптации и наставничества, а также степень удовлетворенности существующей системой карьерного продвижения (по шкале от 1 до 5). Кроме того, включался открытый вопрос о ключевых препятствиях интеграции и профессионального развития в компании.

В) Блок приоритетов молодежной политики выявлял ожидания молодых сотрудников от корпоративной среды. Респондентам предлагалось оценить значимость различных направлений работы с молодежью (например, развитие системы адаптации, вовлечение молодежи в инновационные проекты, развитие молодежных сообществ, повышение престижа рабочих профессий). Также был включен вопрос о том, насколько важно для респондентов соответствие работы их личным ценностям.

Г) Тезаурусный блок был направлен

на выявление ценностно-смысловых ориентиров молодых сотрудников. В него входили вопросы о представлениях респондентов об успешной карьере, степени согласования их жизненных целей с корпоративной культурой компании, а также оценка того, насколько руководство понимает потребности и ценности молодых работников.

Заключительная часть анкеты включала вопросы о возможных направлениях совершенствования молодежной политики компании, а также о готовности молодых сотрудников участвовать в программах обучения и освоения новых профессиональных направлений. Полученные данные анализировались с использованием комбинации простых количественных подсчетов ответов и качественной интерпретации открытых комментариев респондентов. Такой подход позволил выявить как зоны напряженности и институционального диссонанса, так и потенциальные точки роста для формирования адаптивной и устойчивой системы управления молодежным потенциалом.

Результаты исследования, проведенного в формате кейс-стади иллюстративного характера, указывают на наличие структурного диссонанса между формальными институтами молодежной политики и ожиданиями молодых сотрудников. Так, почти половина опрошенных (10 из 23) охарактеризовали программы адаптации и наставничества как формальные. При этом среди наиболее востребованных инструментов поддержки молодые сотрудники чаще всего называли помощь профессионального наставника, регулярную коммуникацию о карьерных возможностях и развитие неформальных профессиональных связей.

Выявленный структурный диссонанс требует не столько реформирова-

ния существующих институтов, сколько их прагматичной операционализации. В частности, если значительная часть респондентов воспринимает институт наставничества как формальный, а одновременно ожидает более активной поддержки со стороны опытных коллег, необходима системная перезагрузка этого механизма. Это предполагает внедрение конкурсного отбора и обучения наставников с фокусом на «мягкие» навыки, разработку четких показатели личной эффективности для пары «наставник – новичок» (например, успешное выполнение первого самостоятельного проекта) и материальное или карьерное стимулирование эффективных наставников.

Параллельно, для преодоления формального характера деятельности Советов молодежи, которые большинство опрошенных (15 из 23) оценивают в целом положительно, но при этом не всегда связывают с реальными карьерными возможностями, целесообразно наделить их не только совещательными, но и проектными полномочиями. Конкретным шагом может стать закрепление за Советами ответственности за организацию регулярных карьерных дней с участием HR-подразделений и руководителей ключевых департаментов, что напрямую отвечает на запрос молодых сотрудников на регулярную коммуникацию о карьерных возможностях.

Ценностный запрос молодых сотрудников, выявленный в исследовании (профессиональный рост, баланс работы и личной жизни, признание достижений), должен быть не просто учтен, а встроен в формальные HR-процессы. Доминирование ориентации на возможность профессионального роста требует создания прозрачной и технологичной карты компетенций и «профессий будущего» внутри компании, с

открытыми онлайн-курсами и четкими условиями перехода между позициями.

Ценность баланса работы и личной жизни должна трансформироваться из декларации в структурную норму через пилотирование проектов с гибким графиком для отдельных категорий должностей и внедрение правил «цифрового детокса» вне рабочего времени. Критически важно также институционализировать механизмы нематериальной мотивации. Помимо систематического выражения благодарности, целесообразно внедрение цифровой платформы для peer-to-peer признания заслуг коллег, где накопленные баллы могут обмениваться на образовательные курсы или дополнительные дни отпуска. Такая система формирует осязаемую связь между ценностью признания и конкретными жизненными благами. Следует отметить, что представленное исследование имеет ряд методологических ограничений. Небольшой объем выборки (23 респондента) и её целевой характер не позволяют рассматривать полученные результаты как статистически репрезентативные для всей корпоративной системы ОАО «РЖД». В связи с этим результаты исследования следует интерпретировать как пилотную эмпирическую иллюстрацию выявленных тенденций и механизмов взаимодействия институциональных инструментов молодежной политики и ценностных ориентаций молодых сотрудников.

Вместе с тем, исследование выявило и конструктивный потенциал для преодоления этого разрыва. Анализ тезаурусных ориентиров молодежи (запрос на профессиональный рост, баланс, признание) предоставил конкретные содержательные векторы для преобразования структур. На их основе были сформулированы практические меха-

низмы интеграции, такие как: трансформация совещательных Советов молодежи в проектные офисы с реальными полномочиями и бюджетами; институционализация реверс-менторства как канала передачи цифровых компетенций и инструмента признания; развитие цифровых хабов для персонализации карьерной навигации и информирования; проектирование гибких карьерных моделей, связывающих корпоративные задачи с индивидуальными траекториями развития.

В итоге, исследование подтверждает, что реализация молодежной политики в корпоративной среде, особенно в сложноорганизованных системах типа железнодорожного холдинга, требует именно синтеза структурно-функционального и тезаурусного подходов. Этот синтез представляет собой не формальное объединение методов, а формирование новой управленческой логики, основанной на цикличном взаимодействии. В этой логике формальные структуры (правила, программы, институты) постоянно адаптируются под ценностные запросы молодежи, получая обратную связь и легитимность. В свою очередь, личные смыслы и энергия молодых специалистов находят институционально оформленные каналы для реализации, способствуя достижению стратегических целей компании. Таким образом, предлагаемый синтез превращает молодежную политику из периферийного набора HR-мероприятий в стратегический контур управления, который напрямую влияет на кадровую устойчивость, инновационный потенциал и долгосрочную конкурентоспособность корпорации.

Платформа «Профессии будущего и реверс-менторство»: Формализованная программа, в рамках которой молодые специалисты, освоившие новые цифро-

вые компетенции (например, работу с BIM-моделями или предиктивной аналитикой), закрепляются в качестве менторов для опытных руководителей проектов. Это легитимизирует их экспертизу (ценность признания и роста), одновременно модернизируя знания всего коллектива (структурная задача развития).

Единый цифровой хаб информирования и развития: Создание обязательного к использованию корпоративного портала или чат-бота, агрегирующего всю информацию о карьерных вакансиях, внутренних грантах, образовательных программах и молодежных мероприятиях. Это снимает барьер «отсутствия полной информации» и делает продвижение по карьерной лестнице прозрачным и управляемым процессом.

Гибкая система досуговых грантов: Вместо унифицированных корпоративов – предоставление Советам молодежи бюджета на софинансирование инициативных проектов (спортивные секции, киноклубы, волонтерские акции), предложенных и выбранных самими сотрудниками. Это превращает досуг из навязанного мероприятия в инструмент формирования сообществ, напрямую поддерживая «неформальные связи» и повышая лояльность. Проведенный анализ показывает, что управление молодежным потенциалом в компании – это не выбор между жесткими правилами и учетом мнений. Каждый из традиционных подходов, применяемый изолированно, ведет к дисфункциям. Чисто структурный подход (правила, регламенты, программы), без учета запросов сотрудников, становится бюрократическим и теряет смысл. Сотрудники воспринимают его как формальность, что ведет к пассивности и текучести. Исключительно тезаурусный подход (фокус на ценностях и интересах молодежи), без встраива-

ния в систему компании, остается набором разрозненных инициатив. Он не дает устойчивого результата и не решает стратегических задач бизнеса. Таким образом, эффективная молодежная политика возникает не «сверху» или «снизу», а на стыке этих логик. Ее ядро составляет постоянный диалог между структурой компании и ценностями сотрудников.

Этот синтез создает динамическую систему, работающую по принципу «обратной связи»:

Структура задает рамки: Компания через программы адаптации, карьерные модели и Советы молодежи создает официальные «лифты» и «правила игры».

Тезаурус дает смысл и энергию: Молодые сотрудники через свои ценности (рост, баланс, признание) оценивают эти инструменты. То, что резонирует с их запросами, получает поддержку и активно используется. То, что воспринимается как несправедливое или бесполезное, игнорируется или саботируется.

Обратная связь меняет систему: Сигналы от сотрудников (например, через опросы, увольнения, низкую вовлеченность в программы) должны анализироваться и вести к корректировке формальных правил. Например, запрос на гибкий график может трансформироваться в новый корпоративный регламент.

Исследовательская часть работы выполнила функцию эмпирической проверки и конкретизации теоретической модели, демонстрируя, как именно структурно-функциональный и тезаурусный подходы реализуются (или не реализуются) в корпоративной среде.

Заключение

Полученные данные эмпирически подтвердили ключевую гипотезу: именно системный разрыв между формальными институтами и ценностно-смыс-

ловой сферой молодых сотрудников выступает основной причиной дисфункций молодежной политики, выражающихся в ритуализме программ, потере легитимности управленческих решений и, как следствие, в высокой текучести молодых кадров.

Вместе с тем, исследование выявило и конструктивный потенциал для преодоления этого разрыва. Анализ тезаурусных ориентиров молодежи (запрос на профессиональный рост, баланс, признание) предоставил конкретные содержательные векторы для преобразования структур. На их основе были сформулированы практические механизмы интеграции, такие как:

- трансформация совещательных Советов молодежи в проектные офисы с реальными полномочиями и бюджетами;
- институционализация реверс-менторства как канала передачи цифровых компетенций и инструмента признания;
- развитие цифровых хабов для персонализации карьерной навигации и информирования;
- проектирование гибких карьерных моделей, связывающих корпоративные задачи с индивидуальными траекториями развития.

В итоге, исследование подтверждает, что реализация молодежной политики в корпоративной среде, особенно в сложноорганизованных системах типа железнодорожного холдинга, требует именно синтеза структурно-функционального и тезаурусного подходов. Этот синтез представляет собой не формальное объединение методов, а формирование новой управленческой логики, основанной на цикличном взаимодействии. В этой логике формальные структуры (правила, программы, институты) постоянно адаптируются

под ценностные запросы молодежи, получая обратную связь и легитимность. В свою очередь, личные смыслы и энергия молодых специалистов находят институционально оформленные каналы для реализации, способствуя достижению стратегических целей компании. Таким образом, предлагаемый синтез превращает молодежную политику из периферийного набора HR-мероприятий в стратегический контур управления, который напрямую влияет на кадровую устойчивость, инновационный потенциал и долгосрочную конкурентоспособность корпорации.

Список литературы

1. Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический проект, 2002. 830 с.
2. Петрова С.И. AGIL-схема Т. Парсонса и ее применение в управлении человеческими ресурсами // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2019. № 3. С. 110-128.
3. Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ; Хранитель, 2006. 873 с.
4. Scott W.R. Institutions and Organizations: Ideas, Interests, and Identities. 4th ed. Thousand Oaks: Sage Publications, 2014.
5. Сидоров К.А. Молодежь на предприятии: институциональный аспект воспроизводства кадрового потенциала // Социология науки и технологий. 2021. Т. 12, № 1. С. 25-35.
6. Федоров Д.И. Социальная интеграция молодежи в корпоративной среде: проблемы и механизмы // Социология и право. 2022. № 1 (55). С. 58-67.
7. Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусы: субъектная организация гуманитарного знания. М.: Издательство Национального института бизнеса, 2008. 784 с.
8. Луков Вл. А. Тезаурусная социология. – М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2008. 120 с.
9. Луков Вал. А. Теории молодежи: междисциплинарный анализ. – М.: Канон+, 2012. 528 с.
10. Ковалева А.И., Луков Вал. А. Социология молодежи: теоретические вопросы. – М.: Социум, 1999. 351 с.
11. Twenge J.M. Generations: The Real Differences between Gen Z, Millennials, Gen X, Boomers, and Silents – and What They Mean for America's Future. New York: Atria Books, 2023.
12. Zubok Ю.А. Ценностные ориентации современной российской молодежи в условиях социально-экономических трансформаций // Социологические исследования. 2024. № 5. С. 45-57.
13. Никитина Л.В. Карьерные траектории и жизненные стратегии молодых специалистов: противоречия и точки соприкосновения // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2021. № 3. С. 112-128.
14. Arnett J. J. Emerging Adulthood: The Winding

Road from the Late Teens Through the Twenties. Oxford: Oxford University Press, 2015.

15. Совет директоров ПАО «Россети» утвердил актуализированную программу инновационного развития на 2024–2029 годы с перспективой до 2035 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт ПАО «Россети». 2025. 27 января. // URL: <https://www.rosseti.ru/press/news/9586/> (Дата обращения: 18.12.2025).

16. Молодёжка в деле [Электронный ресурс] // Корпоративный университет РЖД. 2024. // URL: <https://universitetrd.ru/magazines/vypusk-1-10-2024/molodyezhka-v-dele/> (Дата обращения: 05.03.2026).

References

1. Parsons T., On Social Systems. Moscow: Academic Project, 2002. 830 p.
2. Petrova S.I., T. Parsons' AGIL Framework and Its Application to Human Resource Management. Moscow University Bulletin. Series 18: Sociology and Political Science. 2019. № 3. P. 110-128.
3. Merton R.K., Social Theory and Social Structure. Moscow: AST; The Guardian, 2006. 873 p.
4. Scott W.R., Institutions and Organizations: Ideas, Interests, and Identities. 4th ed. Thousand Oaks: Sage Publications, 2014.
5. Sidorov K.A., Young People at the Enterprise: The Institutional Aspect of Reproduction of Human Resource Potential. Sociology of Science and Technology. 2021. Vol. 12, № 1. P. 25-35.
6. Fedorov D.I. Social Integration of Young People in the Corporate Environment: Problems and Mechanisms // Sociology and Law. 2022. № 1 (55). P. 58-67.
7. Lukov Val. A., Lukov Vl. A. Thesauri: Subjective Organization of Humanitarian Knowledge. Moscow: Publishing House of the National Institute of Business, 2008. 784 p.
8. Lukov Vl. A. Thesaurus Sociology. Moscow: Publishing House of Moscow University for the Humanities, 2008. 120 p.
9. Lukov Val. A. Theories of Youth: Interdisciplinary Analysis. Moscow: Canon+, 2012. 528 p.
10. Kovalева A.I., Lukov Val. A. Sociology of Youth: Theoretical Issues. – Moscow: Socium, 1999. 351 p.
11. Twenge J.M. Generations: The Real Differences between Gen Z, Millennials, Gen X, Boomers, and Silents – and What They Mean for America's Future. New York: Atria Books, 2023.
12. Zubok Yu.A. Value Orientations of Contemporary Russian Youth in the Context of Socioeconomic Transformations // Sociological Studies. 2024. № 5. P. 45-57.
13. Nikitina L.V. Career Trajectories and Life Strategies of Young Professionals: Contradictions and Points of Contact // Bulletin of Moscow University. Series 18: Sociology and Political Science. 2021. № 3. P. 112-128.
14. Arnett J.J. Emerging Adulthood: The Winding Road from the Late Teens Through the Twenties. Oxford: Oxford University Press, 2015.
15. The Board of Directors of PJSC Rosseti approved an updated innovative development program for 2024–2029 with an outlook through 2035 // Official website of PJSC Rosseti. 2025. January 27. // URL: <https://www.rosseti.ru/press/news/9586/> (December 18, 2025).
16. Young People in Action // Corporate University of Russian Railways. 2024. // URL: <https://universitetrd.ru/magazines/vypusk-1-10-2024/molodyezhka-v-dele/> (March 5, 2026).

Долгов И.С.

Аспирант, 2 курс. Санкт-Петербургский Государственный Экономический Университет.

Трансформация мотивационной структуры поколения Z на рынке труда: вызовы для социологии управления*

Аннотация. В статье исследуются процессы трансформации ценностно-мотивационного ядра молодых работников, принадлежащих к поколению Z (зумеров), в контексте задач и вызовов современной социологии управления. На основе междисциплинарного анализа и обобщения данных социологических мониторингов фиксируется глубинное смещение приоритетов от жестких прагматических стимулов (инструментальный тип) к гибким социальным благам, автономии и ценностно-ориентированной занятости. Автор обосновывает дефицит классических иерархических моделей управления в отношении «цифровых аборигенов». Очерчены ключевые управленческие инновации, включая внедрение горизонтальных коммуникаций, экосистемный HR-брендинг и геймифицированные форматы вовлечения, адекватные новой социальной реальности.

Ключевые слова: социология управления, поколение Z, трудовая мотивация, ценностные ориентации, рынок труда, вовлеченность персонала, управленческие практики.

Dolgov I.S.

Postgraduate Student, 2nd year Saint Petersburg State University of Economics.

Transformation of the motivational structure of generation Z in the labor market: challenges for management sociology

Abstract. The article examines the processes of transformation of the value-motivational core of young workers belonging to Generation Z (the “Zoomers”) in the context of the tasks and challenges of modern management sociology. Based on interdisciplinary analysis and the synthesis of data from sociological monitoring studies, a profound shift in priorities is identified – from rigid pragmatic incentives (the instrumental type) to flexible social benefits, autonomy, and value-oriented employment. The author substantiates the deficiency of classical hierarchical management models in relation to “digital natives”. The key management innovations are outlined, including the introduction of horizontal communication, ecosystem-based HR branding, and gamified engagement formats that are appropriate to the new social reality.

Key words: management sociology, Generation Z, work motivation, value orientations, labor market, employee engagement, management practices.

Введение

Современный этап развития российского общества характеризуется фундаментальными сдвигами в соци-

ально-трудовой сфере. Смена поколений, происходящая на фоне цифровизации экономики и геополитической турбулентности, ставит перед социоло-

* © Долгов И.С., 2026.

Трансформация мотивационной структуры поколения Z на рынке труда: вызовы для социологии управления

гией управления пласт новых теоретических и прикладных задач. Наиболее выраженным вызовом для управленческой науки и корпоративных практик сегодня выступает массовый выход на рынок труда представителей поколения Z (родившихся в период с 1995 по 2010 гг., по классической шкале теории поколений).

Актуальность темы обусловлена нарастающим разрывом между традиционными системами управления персоналом, сформированными в индустриальную и раннюю постиндустриальную эпохи, и ценностно-мотивационными паттернами «цифровых аборигенов». Традиционные стимулы, основанные на жестком контроле, долгосрочном планировании вертикальной карьеры и линейной зависимости лояльности от материального вознаграждения, демонстрируют снижение эффективности [4, с. 47]. Стремительный рост уровня текучести молодых кадров, феномен «тихого увольнения» (quiet quitting) и трансформации представлений о ценности труда вынуждают переосмыслить устоявшиеся методологические подходы к мотивационному менеджменту.

Цель настоящей статьи заключается в теоретико-социологическом анализе трансформации мотивационной структуры поколения Z и концептуализации вызовов, которые данный процесс манифестирует для систем социального управления.

Теоретико-методологические основания исследования. Теоретический фундамент исследования базируется на конвергенции классических социологических теорий мотивации и современных концепций социологии поколений. Исследование поколенческой дифференциации традиционно опирается на труды У. Штрауса и Н. Хоува, адаптиро-

ванные к российским реалиям в работах В.В. Радаева [2, с. 14]. Поколение Z рассматривается не просто как демографическая когорта, а как социальная общность, сформировавшаяся в условиях избыточности информационных потоков, повсеместного распространения интернет-технологий и преобладания сетевых форм коммуникации [3, с. 112].

В контексте социологии управления базовый интерес представляет типологическая модель трудовой мотивации В. И. Герчикова [5, с. 89]. Данная концепция позволяет дифференцировать работников по преобладающим внутренним драйверам (инструментальный, профессиональный, хозяйский, патриотический, избегающий типы). Традиционно для российской молодежи прошлых периодов (в частности, ранних миллениалов) был характерен выраженный инструментальный тип, где труд выступал преимущественно средством обеспечения материального благополучия [6, с. 592]. Однако эмпирические исследования последних лет фиксируют размывание этих границ и появление гибридных форм мотивации у представителей поколения Z.

Методологической рамкой работы выступает системный подход, позволяющий рассматривать мотивационную структуру личности как динамический элемент макросоциальной управленческой среды. Трансформация ценностей молодежи интерпретируется не как девиация или проявление «инфантилизма», а как закономерный адаптационный ответ на изменение характера труда в постиндустриальном обществе.

Структурные особенности мотивации поколения Z. Анализ эмпирической базы социологических центров и крупных рекрутинговых платформ

показывает, что структура трудовой мотивации поколения Z имеет ряд инвариантных признаков, отличающих её от предшествующих поколений X и Y [7, с. 81].

Выделим ключевые доминанты, определяющие отношение зумеров к труду:

1. Гибкость и суверенитет личного времени. В отличие от поколения X, ориентированного на стабильность и фиксированный рабочий день, и поколения Y, склонного к трудоголизму ради карьерных достижений, поколение Z центрировано на концепции work-life balance (баланс работы и личной жизни). По данным исследований, до 59% представителей молодежи называют возможность гибкого графика и удаленного (или гибридного) формата работы критически важным критерием выбора работодателя [9, с. 38]. Труд перестает быть ядром жизненной самореализации, смещаясь в категорию одного из ресурсов для поддержания комфортного стиля жизни.

2. Десакрализация материального

вознаграждения. Безусловно, фактор заработной платы остается базовым гигиеническим критерием. Однако для зумеров деньги больше не выполняют функцию долгосрочного мотиватора [1, с. 1148]. Они прагматичны, но готовы пожертвовать частью дохода ради психологического комфорта, отсутствия токсичной атмосферы в коллективе и этичности бизнеса.

3. Потребность в моментальной обратной связи и прозрачности. Сформированная социальными сетями привычка к быстрому дофаминовому подкреплению (лайки, мгновенные уведомления) переносится и на профессиональную сферу. Ежегодные или даже ежеквартальные аттестации (Performance Review) воспринимаются зумерами как архаичные и неэффективные. Молодому сотруднику необходим непрерывный трекинг его результатов в режиме реального времени [1].

4. Ценностное соответствие и ESG-повестка. Для поколения Z критически важно понимать «социальный выхлоп» своей деятельности [8, с. 205].

Таблица 1. Сравнительный анализ мотивационных профилей поколений X, Y и Z в сфере труда.

Параметр сравнения	Поколение X (1965–1980)	Поколение Y (1981–1995)	Поколение Z (1996–2010)
Основной драйвер	Стабильность, материальный достаток	Карьерный рост, самовыражение	Смыслы, автономия, комфорт
Отношение к графику	Фиксированный (9:00–18:00)	Ненормированный ради результата	Гибкий, гибридный, удаленный
Восприятие карьеры	Вертикальная (рост в должностях)	Экспертная и проектная	Горизонтальная, мультипотенциальность

Главный страх	Потеря работы, бедность	Отсутствие развития, рутинность	Выгорание, потеря свободы
Форма коммуникации	Иерархическая, субординация	Партнерская, командная	Горизонтальная, сетевая, цифровая

Они демонстрируют высокую чувствительность к экологическим, социальным и управленческим стандартам компании (ESG). Корпоративная социальная ответственность (КСО) становится не маркетинговым лозунгом, а реальным фильтром при найме.

Для наглядного сопоставления поколенческих сдвигов в трудовой сфере структурируем ключевые параметры в сравнительной таблице 1.

Вызовы для традиционной социологии управления. Выявленная трансформация мотивационного ядра ставит под сомнение классические постулаты менеджмента и формирует специфические вызовы для социологии управления.

Первый вызов – кризис легитимности традиционной организационной иерархии. Поколение Z не признает авторитет должности. Для них руководитель – это не сакральная фигура, наделенная административной властью, а ментор, фасилитатор и коллега, обладающий уникальной экспертизой [8, с. 210]. Попытки жесткого директивного управления вызывают у зумеров защитную реакцию в виде немедленного увольнения или резкого падения продуктивности. Социологии управления необходимо разработать модели децентрализованного, распределенного лидерства, способные координировать деятельность сотрудников без применения инструментов жесткого принуждения.

Второй вызов – разрыв долгосрочных обязательств (короткий горизонт планирования). Традиционные программы удержания персонала, рассчитанные на циклы в 3–5 лет (например, опционы, долгосрочные надбавки за стаж), теряют свою привлекательность. Жизненный цикл зумера в одной компании стремительно сокраща-

ется [10, с. 15]. Средний срок работы молодого специалиста на одном месте составляет от 1 до 1,5 лет. Для систем социального управления это означает необходимость перехода от стратегий «пожизненного найма» к стратегиям «управления потоком талантов», оптимизации процессов онбординга и ускоренного вывода сотрудника на пик производительности.

Третий вызов – индивидуализация управленческих воздействий в условиях массовых рынков. Мотивационная структура поколения Z крайне фрагментирована. Социологи отмечают феномен «партизанизации» интересов, когда внутри одной когорты сосуществуют полярные ценностные ориентации [2, с. 95]. Стандартизированные социальные пакеты и единые мотивационные схемы больше не работают. Возникает потребность в переходе к концепции кастомизированного управления, при которой каждый сотрудник может самостоятельно конструировать свой мотивационный профиль («кафе-терий блага»).

Направления модернизации управленческих практик. Для преодоления зафиксированных кризисных явлений и успешной интеграции поколения Z в контур современных организаций требуется концептуальная модернизация управленческого инструментария. Социология управления предлагает сместить фокус с внешнего стимулирования (контроль, наказания, премии) на создание развивающей внутриорганизационной среды [10, с. 18].

Геймификация управленческих и трудовых процессов. Внедрение игровых механик в рутинную деятельность является ответом на цифровой бэкграунд зумеров [6, с. 598]. Использование внутренних корпоративных валют, систем бейджей, рейтингов и интерак-

тивных симуляторов позволяет поддерживать вовлеченность молодых сотрудников на высоком уровне. Геймификация трансформирует рутинную трудовую функцию в увлекательный процесс («квест»), где цели прозрачны, а вознаграждение за их достижение следует незамедлительно.

Экосистемный подход к HR-брендингу. Организация должна восприниматься молодым работником не как место отчуждения труда, а как поддерживающая экосистема. Это предполагает расширение границ традиционного соцпакета за счет включения в него программ психологической поддержки, подписок на образовательные платформы, компенсации затрат на ментальное и физическое здоровье (wellness-программы) [4, с. 52]. Бренд работодателя должен транслировать ценности психологической безопасности и инклюзивности.

Переход к горизонтальным коммуникациям и культуре «Feedback Loop». Необходимо демонтировать многоуровневые бюрократические барьеры при обмене информацией. Внедрение корпоративных мессенджеров, проведение регулярных встреч в формате «без галстуков», использование систем пульс-опросов для мгновенного сбора мнения сотрудников позволяют зумерам чувствовать свою сопричастность к принятию стратегических решений. Горизонтальная коммуникация минимизирует социальную дистанцию внутри коллектива и снижает уровень организационного стресса [1, с. 1154].

Заключение. Подводя итог исследованию, можно констатировать, что трансформация мотивационной структуры поколения Z является не кратковременным конъюнктурным колебанием, а системным процессом, отражающим глобальный переход к но-

вому типу постиндустриальной социальной реальности. «Цифровые аборигены» приносят на рынок труда новые ценностные ориентиры, центрированные вокруг автономии, смысловой наполненности труда, психологического благополучия и гибкости.

Для социологии управления данный феномен выступает мощным катализатором модернизации. Дальнейшее развитие управленческой теории и практики связано с отказом от жестких иерархических, патерналистских моделей в пользу гибких, сетевых, экосистемных подходов. Успех современных организаций в долгосрочной перспективе будет определяться их способностью трансформировать внутреннюю культуру в соответствии со спецификой ценностей нового поколения работников, превращая вызовы демографического сдвига в стратегические конкурентные преимущества.

Список литературы

1. Литвинюк А.А. Особенности мотивации карьерного развития поколения Z и их влияние на HR-менеджмент / А.А. Литвинюк, В.В. Сологуб // Лидерство и менеджмент. 2025. Т. 12. № 9. С. 1145-1160.
2. Радаев В.В. Миллениалы: Как меняется российское общество / В.В. Радаев; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 224 с.
3. Твенге Дж. Поколение селфи: кто такие миллениалы и зумеры и чего они хотят / Дж. Твенге; пер. с англ. – Москва: Альпина Паблишер, 2023. 380 с.
4. Чуланова О.Л. Вызовы и угрозы для современных организаций в контексте управления персоналом поколения Z / О.Л. Чуланова // Вестник Евразийской науки. 2024. Т. 16. № 2. С. 45-58.
5. Герчиков В.И. Управление персоналом: менеджмент человеческих ресурсов / В.И. Герчиков. – Москва: ИНФРА-М, 2021. 412 с.
6. Шапиро С.А. Трансформация трудовой мотивации современной молодежи под влиянием цифровизации / С.А. Шапиро, Е.В. Вепрева // Экономика труда. 2025. Т. 12. № 4. С. 589-604.
7. Поколение Z на российском рынке труда: ценности, ожидания, управленческие решения / И.Б. Омельченко, Т.А. Жукова, К.В. Новикова [и др.] // Социологические исследования. 2026. № 3. С. 78-89.
8. Тихонов А.И. Особенности управления «цифровым» поколением Z в современных российских компаниях / А.И. Тихонов // Московский экономический журнал. 2024. № 11. С. 201-214.
9. Долженко Р.А. Новые формы трудовой за-

нятости молодежи: социологический анализ / П.А. Долженко // Социум и власть. 2025. № 1 (105). С. 34-46.

10. Митрофанова Е.А. Развитие систем стимулирования и мотивации труда персонала разных поколений / Е.А. Митрофанова, В.М. Свистунов // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2026. Т. 15. № 1. С. 12-21.

11. Пономаренко А.П. Устойчивое развитие как отличительная черта внешней политики Австрии на современном этапе // Альманах Казачество. 2021. № 47. С. 9-14.

References

1. Litvinyuk A.A. "Characteristics of Generation Z's Career Development Motivation and Their Impact on HR Management" / A.A. Litvinyuk, V.V. Sologub // Leadership and Management. 2025. Vol. 12. № 9. P. 1145-1160.

2. Radaev V.V. Millennials: How Russian Society is Changing / V.V. Radaev; National Research University Higher School of Economics. – Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2019. 224 p.

3. Twenge J. "The Selfie Generation: Who Are Millennials and Zoomers and What Do They Want" / J. Twenge; translated from English. – Moscow: Alpina Publisher, 2023. 380 p.

4. Chulanova O.L. Challenges and Threats for Modern Organizations in the Context of Generation Z Personnel Management / O.L. Chulanova // Bulletin of Eurasian Science. 2024. Vol. 16. № 2. P. 45-58.

5. Gerchikov V.I. Personnel Management: Human Resources Management / V.I. Gerchikov. – Moscow: INFRA-M, 2021. 412 p.

6. Shapiro S.A. Transformation of Work Motivation of Modern Youth under the Influence of Digitalization / S.A. Shapiro, E.V. Vepreva // Labor Economics. 2025. Vol. 12. № 4. P. 589-604.

7. Generation Z in the Russian Labor Market: Values, Expectations, Management Decisions / I.B. Omelchenko, T.A. Zhukova, K.V. Novikova [et al.] // Sociological Research. 2026. № 3. P. 78-89.

8. Tikhonov A.I. Features of Managing the "Digital" Generation Z in Modern Russian Companies / A.I. Tikhonov // Moscow Economic Journal. 2024. № 11. P. 201-214.

9. Dolzhenko R.A. New Forms of Youth Employment: A Sociological Analysis / R.A. Dolzhenko // Society and Power. 2025. № 1 (105). P. 34-46.

10. Mitrofanova E.A. Development of Incentive and Motivating Systems for Personnel of Different Generations / E.A. Mitrofanova, V.M. Svistunov // Personnel and Intellectual Resource Management in Russia. 2026. Vol. 15. № 1. P. 12-21.

11. Ponomarenko A.P. Sustainable development as a hallmark of Austrian foreign policy at the present stage // Almanac Cossacks. 2021. № 47. P. 9-14.

Ф И Л О С О Ф И Я

PHILOSOPHY

Плетнев Н.А.

Аспирант, тренер-преподаватель кафедры физического воспитания, Новосибирский государственный технический университет; тренер-преподаватель, ГАУ ДО НСО (Государственное автономное учреждение дополнительного образования Новосибирской области) «СШ по волейболу».

Вихман В.В.

Доктор философских наук, кандидат технических наук, кандидат педагогических наук, профессор кафедры философии, Новосибирский государственный технический университет.

Цифровые технологии и спортивное профессиональное образование: анализ возможностей*

Аннотация. Настоящая статья нацелена на осмысление возможностей применения цифровых технологий и решений в подготовке студентов-спортсменов, ведущие к существенной трансформации спортивного образования. Интеграция цифровых решений в образовательный процесс профессиональной подготовки студентов ориентирована на оптимизацию учебно-тренировочного процесса, повышение результативности достижений спортсменов. В настоящей работе авторы заостряют внимание на одной стороне цифровизации спортивного образования, а именно на применении программного обеспечения, функционал которого направлен на выявление и фиксацию ошибок, а также на специализированном техническом оснащении, цифровых площадках, позволяющих осуществлять мониторинг результатов, отслеживать динамику, приобретать билеты, атрибутику и многое другое.

Ключевые слова: цифровые технологии, тренировочный процесс, цифровая трансформация, спортивное образование.

Pletnev N.A.

Postgraduate student, coach-instructor in the Department of Physical Education, Novosibirsk State Technical University; coach-instructor, State Autonomous Institution of Additional Education of the Novosibirsk Region "Volleyball School."

Vikhman V.V.

Doctor of Philosophy, Candidate of Technical Sciences, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor in the Department of Philosophy, Novosibirsk State Technical University.

Digital technologies and professional sports education: analysis of possibilities

Abstract. This article aims to understand the potential of digital technologies and solutions in the training of student-athletes, leading to a significant transformation of sports education. The integration of digital solutions into the educational process of professional student training is aimed at optimizing the teaching and training process and increasing the effectiveness of athletes' achievements. In this paper, the authors focus on one aspect of the digitalization of sports education: the use of software designed to identify and record errors, as well as specialized technical

* © Плетнев Н.А., Вихман В.В., 2026.

Цифровые технологии и спортивное профессиональное образование: анализ возможностей

equipment and digital platforms that allow for results monitoring, tracking dynamics, purchasing tickets and merchandise, and much more.

Key words: digital technologies, training process, digital transformation, sports education.

Введение

Активное внедрение цифровых технологий в области физической культуры и спорта – основной признак современной социальной реальности. Данный факт побуждает научное сообщество внимательно изучить происходящие изменения в подготовке студентов-спортсменов. Эти инновации, в основном, касаются выбора инструментов, которые будут применяться студентами, профессиональными спортсменами и тренерами для повышения результатов и оптимизации тренировочного процесса, а также фанатами и любителями для более глубокого, удобного и доступного знакомства со спортом. Так же, одним из важных преимуществ цифровизации спортивного образования становится возможность перехода от унифицированных программ подготовки к индивидуальным траекториям развития спортсменов. Современные цифровые инструменты позволяют учитывать не только физические показатели, но и психологическое состояние, уровень восстановления организма и даже особенности биоритмов каждого атлета.

В число основных цифровых технологий, активно применяемых в современном спорте, входят аналитика больших данных, виртуальная и дополненная реальность (VR и AR), робототехника и сенсорные устройства, искусственный интеллект (ИИ) и передовые производственные технологии. Все перечисленные цифровые инновации демонстрируют высокую эффективность и широкое распространение в спор-

тивной индустрии. Их использование открывает новые горизонты для развития, совершенствования и упрощения достижения целей. Кроме того, цифровизация спорта делает его доступнее, позволяя людям, не связанным с профессиональным спортом, быть ближе к спортсменам и получать больше информации.

Постановка задач исследования

В связи с набирающей обороты имплементацией цифровых технологий во все сферы жизни, включая профессиональное образование, возникла предельная необходимость оценить потенциал цифровизации в сфере физической культуры и спорта. В соответствии с этим в работе были поставлены следующие задачи:

1. Определить наиболее применяемые в современном спорте цифровые технологии.
2. Проанализировать существующий научный контекст по теме интеграции цифровых технологий в сферу физической культуры и спорта.
3. Выделить наиболее значимые примеры практического применения цифровых технологий в спорте.

Методология исследования

Основным методом исследования стал авторский подход В.В. Вихман «формирования источниковой базы, а также её последующему анализу и синтезу источников» [1]. Учитывая обширность существующего теоретического материала (периодических изданий) по вопросам внедрения цифровых технологий в спорт, был выбран подход, основанный на анализе выборки. К ото-

бренным материалам предъявлялись требования достаточности для выявления основных тенденций и ключевых характеристик применения цифровых технологий. В рамках настоящего исследования был осуществлен обзор и анализ более пятидесяти научных работ отечественных и зарубежных авторов, опубликованных в ведущих международных базах данных за последние десять лет.

Результаты анализа

Цифровые технологии – это не просто «новый этап» в спорте, они фундаментально меняют его философию. Возникают вопросы: насколько одинакова применимость всех цифровых технологий в спорте? Каковы их возможности с точки зрения функциональных характеристик? Для ответа на эти вопросы, в работе был проведён анализ последних научных публикаций и материалов из ведущих международных баз данных с целью выявления основных глобальных тенденций внедрения цифровых технологий в спортивную индустрию.

Большие данные (Big Data) в спорте

Технология больших данных (Big Data) с одной стороны представляет собой «огромные массивы информации, обработка которых традиционными способами затруднительна» [2]. С другой стороны, она «даёт возможность оперативно анализировать большие объёмы разнообразных данных и принимать обоснованные и своевременные решения» [3]. Исследование зарубежных источников показало, что Big Data активно применяется в спорте и различных его аспектах, для оценки действий спортсменов и команд, прогнозирования результатов, выявления ошибок и ранжирования атлетов. Отмечаются исследования, где обсуждается использование Big Data: «для создания хранилищ данных в уч-

реждениях дополнительного образования» [6]; «для решения задач изучения существующих проблем, определения путей их решения и прогнозирования возможных будущих результатов» [8]. Технология активно используется для улучшения образовательного процесса и учебно-тренировочных занятий» [9]. Спортивные психологи применяют её для анализа и структурирования данных психологического и поведенческого мониторинга при планировании занятий. Кроме того, Big Data востребована в сферах продажи билетов, экипировки спортсменов и фанатской атрибутики.

Виртуальная и дополненная реальность (VR/AR)

В широком смысле, виртуальная реальность определяется как «комплекс аппаратных и программных систем, нацеленных на создание всеобъемлющей сенсорной иллюзии присутствия в другой среде» [14]. Данная технология нашла свое активное применение в индивидуальных видах спорта (например, теннис, гольф, биатлон). Интерес в рамках данного исследования представляют работы, посвященные как «дизайну образовательных VR-приложений, использованию головных (HDM) или настольных дисплеев» [40], так и «исследованию потенциала этой технологии, оценке качества и объема получаемой с её помощью информации» [21]. С одной стороны, VR/AR «обещает новые модели обучения и преподавания, соответствующие требованиям XXI века» [22], способствует внедрению «интегрированных моделей реализации образовательного процесса» [23] или «модели проектирования обучающих сред виртуальной реальности (VRLE)» [24], а также дает «объяснение причин нового роста AR и VR и их скорого фактического внедрения в образовании» [25].

С другой стороны, эта технология «может предоставить педагогам, тренерам и обучающимся доступ к специализированным материалам независимо от времени и места» [26], а также «улучшить пространственные навыки, способность решать проблемы и повысить мотивацию подопечных» [27], хотя при этом существует ряд ограничений и барьеров.

Робототехника и сенсорики

Важное место среди интегрированных в спорт цифровых технологий занимают робототехника и сенсорные системы. Данные новшества позволяют освободить человека от «монотонной и опасной работы, а также обеспечивают высокую точность измерений» [42]. Они охватили множество направлений, связанных с разработкой «автоматизированных технических систем и методов управления ими, созданием сенсорных систем, обработкой сенсорной информации и взаимодействием технических систем с человеком и между собой». Область их применения простирается от промышленного производства до сферы услуг. Что касается рассматриваемой нами спортивной индустрии, то в ней широко применяется разнообразное техническое оснащение и тренажерные комплексы, которые помогают минимизировать ошибки в ходе выполнения упражнений. Например, в волейболе применяется «пушка» – специальный аппарат, подающий мячи со скоростью от 10 до 140 км/ч. Эта система позволяет отработать приём и минимизировать ошибки при подаче, исключая при этом чрезмерную нагрузку на суставы подающих игроков. Также используются тренажеры для развития скорости реакции, измерения высоты прыжка, а также видеофиксация игровых моментов. Для силовых и кардио-тренировок в залах професси-

ональных команд все чаще внедряются smart-тренажеры – оборудованные экраном устройства, позволяющие настроить режим, отслеживать прогресс в реальном времени и получать персонализированные данные для улучшения тренировочного процесса.

С точки зрения судейства, появились видеопросмотры. Если в одних видах спорта после видеопросмотра игрового момента решения принимают судьи, то в некоторых это право уже передали искусственному интеллекту. Как пример: в волейболе и хоккее один из судей идет к монитору и смотрит игровой момент, после чего выносит вердикт, а в футболе, в так называемый «VAR», внедрили систему с использованием ИИ.

Искусственный интеллект (ИИ)

Искусственный интеллект определяется как «моделирование процессов человеческого интеллекта машинами, в частности компьютерными системами» [33]. Значительное количество исследований посвящено применению ИИ в образовании, в том числе разработке интеллектуальных обучающих систем для «более качественного выполнения заданий и самообучения учащихся» [34], а также анализу «наиболее распространенных тем в образовательном контексте, которые решались с помощью ИИ и методов машинного обучения» [35]. Считается, что ИИ в образовании «создает персонализированный опыт» [36], «обеспечивает степень гибкости и индивидуализации, недостижимую ранее» [37], а также позволяет «разработать индивидуальный учебный план, основанный на интересах и карьерных целях» [38]. Как уже говорилось ранее, VAR в футболе – яркий пример применения ИИ в спорте. Интеграция ИИ в систему VAR позволяет ей самостоятельно распознать нарушения правил и выводить

на экран уже готовое решение, хотя судьи имеют право внести свои коррективы. Более того, в футболе есть системы, работающие непосредственно в режиме реального времени. Например, система фиксации взятия ворот (Goal-Line Technology, GLC). На гаджет рефери (наручные часы) поступает сигнал в случае, если мяч пересек линию ворот. Данная система использует 14 камер (по 7 на каждую пару ворот) и компьютерное моделирование траектории мяча, скорость реакции системы менее 1 секунды.

Что же касается спортивного образования, технологии ИИ нашли свое применения в персонализации тренировочных программ (фитнес-приложения, онлайн-платформы, анализ физической активности), анализе результатов (анализ видеозаписей тренировочного процесса и соревновательной деятельности, прогнозирование результатов матчей, визуализация тактик), профилактике травматизма и мотивации спортсменов (предупреждение о неправильной технике выполнения того или иного упражнения, датчики движений, виртуальные наставники, система наград и поощрений за достижение тех или иных результатов).

Заключение

Многосторонний анализ наличных источников показал, что цифровизация сфер человеческой деятельности носит активный и порой стремительный характер. В связи с этим, взгляды в социуме разнятся. Одна часть склоняется к концепции технологического детерминизма, считая, что уровень развития цифровых технологий определяет развитие социума. В то время как другая считает неоспоримой концепцию социального конструктивизма, исходя из которой цифровизация - не автоном-

ное явление, а социально созданное и формирующееся через взаимодействие людей. Если рассматривать индустрию спорта и спортивного образования в призме цифровизации, то более реалистичной будет теория социального конструктивизма и социального конструирования технологий, так как именно действия человека формируют технологии, используемые в данной отрасли. Кроме того, цифровизация открывает новые возможности для интеграции теоретической и практической подготовки. Спортсмены могут не только выполнять упражнения, но и анализировать их с помощью видеоразбора, виртуальных моделей и данных с датчиков. Все вышесказанное указывает на то, что спортивная индустрия, как социально значимая отрасль, также оказалась вовлечена в вихрь цифровой трансформации. Основными движущими силами этого процесса выступают большие данные (Big Data), технологии виртуальной и дополненной реальности (VR/AR), робототехника, сенсорные системы и искусственный интеллект. Анализ современных отечественных и зарубежных публикаций позволяет сделать следующие выводы. Цифровые технологии активно внедряются в спортивно-образовательную деятельность неравномерно: часть из них уже широко используется в практике, в то время как другие пока проходят стадию тестирования или только рассматриваются как перспективные направления. Среди главных преимуществ применения цифровых технологий можно выделить работу с большими объемами данных, создание современных обучающих систем и инструментов, развитие пространственного восприятия спортсменов, а также возможность выстраивать индивидуальные программы подготовки.

Таким образом, цифровая трансформация открывает новые возможности для индивидуализации подготовки спортсменов, повышения качества учебно-тренировочного процесса и оптимизации многих организационных аспектов. Однако для полноценного эффекта требуется не только техника, но и готовность педагогических кадров работать с этими инструментами. Однако внедрение цифровых решений требует взвешенного подхода. Важно не допустить ситуации, когда технологии заменят живое общение между тренером и спортсменом. Оптимальным представляется сочетание традиционных методов подготовки с современными цифровыми инструментами, где первые сохраняют эмоциональную и мотивационную составляющую, а вторые обеспечивают точность, объективность и индивидуализацию.

Список литературы / References

1. Вихман В.В. Технология формирования источников базы исследования образования как социального феномена / В.В. Вихман // Социология. 2021. № 1. С. 213-219.
2. Bihl, Trevor & Young, William & Weckman, Gary. (2016). Defining, Understanding, and Addressing Big Data. *International Journal of Business Analytics*. 3. 10.4018/IJBAN.2016040101.
3. Doug Laney, (2001). '3D Data Management: Controlling Data Volume, Velocity and Variety', Gartner, file No. 949. 6 February 2001 // URL: <http://blogs.gartner.com/douglaney/files/2012/01/ad949-3D-Data-Management-ControllingData-Volume-Velocityand-Variety.pdf>
4. Sin K., & Muthu L. (2015). Application of big data in education data mining and learning analytics – A literature review. *ICTACT Journal on Soft Computing*, 5(4), 1035-1049. – DOI: <https://doi.org/10.21917/ijsc.2015.0145>
5. Al-Kabi Mohammed & Jirjees Jassim. (2019). Survey of Big Data applications: health, education, business & finance, and security & privacy. *Journal of Information Studies & Technology (JIS&T)*. 2018. 10.5339/jist.2018.12.
6. Danie, B. (2015). Big data and analytics in higher education: Opportunities and challenges. *British Journal of Educational Technology*, 46(5), 904–920. DOI: <https://doi.org/10.1111/bjet.12230>
7. Hwang Youngsik. (2019). Adoption of Big Data in Higher Education for Better Institutional Effectiveness. 2. 31-44. 10.20448/815.21.31.44.
8. Daniel Ben. (2017). Big Data in Higher Education: The Big Picture. 10.1007/978-3-319-06520-5_3.
9. Khan Shakir & Alqahtani, Salihah. (2020). Big Data Application and its Impact on Education. *International Journal of Emerging Technologies in Learning (ijET)*. 15. 36. 10.3991/ijet.v15i17.14459.
10. Ashaari Mohamed Azlan & Amran, Azlan & Singh, Karpal & Singh, Dara. (2020). Big Data Analytics Capability for Improved Performance of Higher Education Institutions in the Era of IR 4.0: A Proposed Conceptual Framework. 13. 2020.
11. Kalota F. (2015). 'Applications of Big Data in Education'. *World Academy of Science, Engineering and Technology, International Science Index 101, International Journal of Social, Education, Economics and Management Engineering*, 9(5), 1501-1506.
12. Cortés Ruiz, Jesús Alhelí & Rivas García, Rosa María. (2020). Big Data and Digital Tools Applied to the Teaching: Learning in Graduate Programs in Mexico.
13. Gibson David & Ifenthaler Dirk. (2017). Preparing the Next Generation of Education Researchers for Big Data in Higher Education.
14. Jaziar Radianti, Tim A. Majchrzak, Jennifer Fromm, Isabell Wohlgenannt. A systematic review of immersive virtual reality applications for higher education: Design elements, lessons learned, and research agenda. *Computers & Education*. Volume 147. 2020. 103778.
15. Kolb D.A. Experience as the source of learning and development Prentice Hall, Upper Saddle River. 1984.
16. D'elia F. & Di Tore Stefano & Sibilio M. (2012). A Constructivist Approach to Virtual Reality for Experiential Learning. *E-Learning and Digital Media*.
17. C.-H. Su, T.-W. Cheng. A sustainability innovation experiential learning model for virtual reality chemistry laboratory: An empirical study with plssem and ipma Sustainability, 2019, № 11. P. 1-24.
18. Jensen L., Konradsen F. A review of the use of virtual reality head-mounted displays in education and training *Education and Information Technologies*, 2018. № 23 (4). P. 1515-1529.
19. Merchant Z., Goetz E.T., Cifuentes L., Keeney-Kennicutt W., Davis T.J. Effectiveness of virtual reality-based instruction on students' learning outcomes in k-12 and higher education: A meta-analysis *Computers & Education*, 2014. № 70. P. 29-40.
20. Krokos E., Plaisant C., Varshney A. Virtual memory palaces: immersion aids recall *Virtual Reality*, 2019. № 23 (1). P. 1-15.
21. Elmqaddem Nouredine. (2019). Augmented Reality and Virtual Reality in Education. Myth or Reality?. *International Journal of Emerging Technologies in Learning (ijET)*. 14. 234. 10.3991/ijet.v14i03.9289.
22. Gudoniene Daina & Rutkauskienė Dr. Virtual and Augmented Reality in Education. *Baltic J. Modern Computing*, 2019, Vol. 7. № 2. P. 293-300.
23. Taçgin Zeynep & Dalgarno Barney. (2021). Building an Instructional Design Model for Immersive Virtual Reality Learning Environments. 10.4018/978-1-7998-5043-4.ch002.
24. Vuta Daniela. Augmented reality technologies in education- a literature review. *Bulletin of the Transilvania University of Brasov*. 2021. № 13 (62). P. 35. – DOI: 10.31926/but.es.2020.13.62.2.4.
25. Guntur Ikhsan & Setyaningrum, Wahyu & Retnawati, Heri & Marsigit, Marsigit. Assessing the Potential of Augmented Reality in Education. 2020. P. 93-97.
26. Osuna Julio & Gutiérrez Castillo, Juan Jesús & Llorente, Carmen & Valencia-Ortiz, Rubicelia. (2019). Difficulties in the Incorporation of Augmented Reality in University Education: Visions from the Experts. *Journal of New Approaches in Educational Research*. 8. 126. 10.7821/naer.2019.7.409.
27. Pachidis Theodore & Vrochidou Eleni & Kabur-

lasos, Vassilis & Kostova, Snezhana & Bonkovic Mirjana & Papić, Vladan. (2018). Social Robotics in Education: State-of-the-Art and Directions.

28. Konijn Elly & Smakman Matthijs & van den Berghe Rianne. (2020). Use of Robots in Education. 1-8. 10.1002/9781119011071.iemp0318.

29. Belpaeme Tony & Kennedy, James & Ramachandran Aditi & Scassellati Brian & Tanaka, Fumihide. (2018). Social robots for education: A review. Science Robotics. 3. eaat5954. 10.1126/scirobotics.aat5954.

30. Mishra Deepti & Parish Karen & Lugo Ric & Wang, Hao. (2021). A Framework for Using Humanoid Robots in the School Learning Environment. Electronics. 10. 756. 10.3390/electronics10060756.

31. Vasya Likova-Arsenova (2020). Artificial Intelligence in Education. Pedagogical Forum. 8. 49-56. 10.15547/PF.2020.022.

32. Flogie Andrej & Abersek Boris. (2021). Artificial Intelligence in Education. 10.5772/intechopen.96498.

33. Braiki Balqis & Harous S. & Zaki Nazar & Alnajjar, Fady. (2020). Artificial intelligence in education and assessment methods. Bulletin of Electrical Engineering and Informatics. 9. 10.11591/eei.v9i5.1984.

34. Panigrahi Ashok & Joshi Vijay. (2020). Use of artificial intelligence in education. SSRN Electronic Journal. 55. 64-67. 10.2139/ssrn.3666702.

35. Sadiku Matthew & Ashaolu Tolulope услт Joshua & Ajayi- Majebi Abayomi & Musa Sarhan. (2021). Artificial Intelligence in Education. International Journal Of Scientific Advances. 2. 10.51542/ijscia.v2i1.2.

36. Yu DanDan & Ding MuRong & Li WenJing & Wang Limin & Liang Bin. (2019). Designing an Artificial Intelligence Platform to Assist Undergraduate in Art and Design to Develop a Personal Learning Plans. 10.1007/978-3-030-23538-3_41.

37. Nakamoto S. Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System. 2008. Available online: <https://bitcoin.org/bitcoin.pdf> (06.07.2021)

38. Alammery Ali & Alhazmi Samah & Almasri Marwah & Gilani Saira. (2019). Blockchain-Based Applications in Education: A Systematic Review. Applied Sciences. 9. 2400. 10.3390/app9122400.

39. Vikhman V.V., Romm M.V. "Digital twins" in Education: Prospects and Reality. Higher Education in Russia. 2021. Vol. 30. № 2. P. 22-32.

40. Вихман В.В. Концепция трансдисциплинарного исследования образования: дис. ... д-ра филос. наук / В.В. Вихман. – Новосибирск, 2023. 318 с.

41. Вихман В.В. Технологические тенденции Индустрии 4.0 в образовании: навигатор возможностей. Профессиональное образование в современном мире. 2022. Т. 12. № 1. С. 29-36.

42. Цифровая трансформация и безработица: пути совмещения технологического прогресса и обеспечения занятости населения (А.Б. Вешкурова, Я.К. Терга-нов, журнал «Экономика труда», N 5, май 2023 г.)

Опенков М.Ю.

Доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, г. Архангельск. ORCID: 0000-0003-1500-0401

Тетенков Н.Б.

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, г. Архангельск. ORCID: 0000-0002-4159-7419

Алиенистика: искусственный интеллект и внеземной разум*

Аннотация. Авторы статьи обращаются к одной из фундаментальных проблем: проблеме соотношения искусственного разума и внеземного разума. В статье утверждается эквивалентность искусственного интеллекта и внеземного разума для познания сознания человека. Внеземной разум является для человека чем-то патологическим, что выходит за рамки человеческой логики, чем-то принципиально новым. Посредством внеземного разума становится возможным познать человеческие сильные и слабые места. Подобную функцию по отношению к человеческому разуму выполняет и искусственный разум. Авторы приходят к выводу, что проблема искусственного интеллекта эквивалентна проблеме иного разума и возможного контакта с внеземными цивилизациями. Традиционный подход к этим проблемам несет одинаковые ошибки: предполагается, что сильный искусственный интеллект будет подобен человеческому, едва ли не станет копией человека, а в космосе мы встретимся обязательно с гуманоидами. Традиционный подход основывается на антропоцентризме и вытекающем из антропоцентризма тезисе об универсальности человеческого сознания. Авторы статьи полагают, что данный тезис ошибочен, так как человеческое сознание не является единственным, а всего лишь одной из возможных форм сознания во Вселенной. Разработка многочисленных вариантов искусственного интеллекта также ошибочность тезиса об универсальности человеческого сознания.

Внеземной разум и искусственный разум необходимы для самопознания человека. Неантропоморфные интеллекты мыслят иначе, чем человек, и способны помочь в решении сложных задач, таких как квантовая гравитация, тёмная энергия и т.д., где требуется другой тип интеллекта.

Ключевые слова: алиенистика, ксенология, Чужой, искусственный интеллект, негуманоидные типы сознания, Кант, Юк Хуэй.

Openkov M.Yu.

Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Sociology, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk. ORCID: 0000-0003-1500-0401

Tetenkov N.B.

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Sociology, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk. ORCID: 0000-0002-4159-7419

Alienistics: artificial intelligence and extraterrestrial intelligence

* © Опенков М.Ю., Тетенков Н.Б., 2026.

Алиенистика: искусственный интеллект и внеземной разум

Abstract. The authors of the article address one of the fundamental problems: the problem of the relationship between artificial intelligence and extraterrestrial intelligence. The article asserts the equivalence of artificial intelligence and extraterrestrial intelligence for cognition of human consciousness. Extraterrestrial intelligence is something pathological for humans that goes beyond human logic, something fundamentally new. Through extraterrestrial intelligence, it becomes possible to know human strengths and weaknesses. Artificial intelligence performs a similar function in relation to the human mind. The authors conclude that the problem of artificial intelligence is equivalent to the problem of another mind and possible contact with extraterrestrial civilizations. The traditional approach to these problems carries the same mistakes: it is assumed that a strong artificial intelligence will be similar to a human, almost become a copy of a human, and in space we will definitely encounter humanoids. The traditional approach is based on anthropocentrism and the thesis of the universality of human consciousness that follows from anthropocentrism. The authors of the article believe that this thesis is erroneous, since human consciousness is not the only one, but only one of the possible forms of consciousness in the universe. The development of numerous variants of artificial intelligence is also the fallacy of the thesis about the universality of human consciousness. Extraterrestrial intelligence and artificial intelligence are necessary for human self-knowledge. Non-anthropomorphic intelligences think differently from humans and are able to help solve complex problems such as quantum gravity, dark energy, etc., where a different type of intelligence is required.

Key words: alienistics, xenology, Alien, artificial intelligence, non-humanoid types of consciousness, Kant, Yuk Khuey.

Алиенистика, к которой обращаются авторы статьи, исследует иные типы сознания помимо человеческого - негуманоидные типы сознания. Чужое вне пределов человеческого понимания, так как не соответствует его стандартам. Чужое воспринимается человеком на уровне тела, обоняния, звука, но не смысла. Диалог с Чужим содержит в себе неустранимую асимметрию, так как эта асимметрия акцентирована на Чужом, кто находится за границами человеческого понимания, является чем-то новым. Посредством Чужого человек способен осознать свою слабость и свою силу.

Б. Ванденфельс отмечает: «Место чужого оказывается, кроме того, местом особого рода. Его невозможно нанести на карту местности, по которой мы передвигались бы свободно, так как оно достигается только в преодолении преграды, то есть в полном смысле – никогда» [1, с. 126].

Л. Сликама утверждает: «Далекие

иные разумы, равные нашему, может быть, до сих пор существуют в необъятной Вселенной – кто знает. Ведь они точно существовали на нашей планете, кажется, что очень давно, но на самом деле совсем недавно. Отчего-то спустя тысячелетия эти разумы постепенно исчезли загадочным образом, и это стало поворотной точкой в истории Земли, когда сознание, не принадлежащее человеку, такому, каким мы его себе представляем, в последний раз существовало, встречалось и общалось с нами. И вот теперь потеря возможности соприкоснуться с иным сознанием одновременно заставляет нас надеяться на новые встречи и бояться вновь столкнуться с чуждым разумом, особенно возрожденным искусственно» [2, с. 9].

В философии эта проблема известна как «проблема других сознаний». Человек не способен напрямую проверить внутренний опыт другого существа так же, как воспринимает собственный,

именно поэтому исследователи пытаются искать так называемые «маркеры» сознания - признаки, которые могли бы свидетельствовать о наличии субъективного опыта у животных, предполагаемых инопланетян и искусственного интеллекта. Сравнивая людей и нечеловеческие системы, ученые надеются выявить сходства, указывающие на возможное наличие сознания.

Подобные методы имеют серьезные ограничения. Они основаны преимущественно на поиске признаков, напоминающих человеческое сознание. Если же сознание может существовать в формах, радикально отличающихся от человеческого опыта, исследователи рискуют просто не распознать его.

Если инопланетяне существуют, то субъективный опыт и квалиа нечеловеческих существ нам вряд ли будет известны. Томас Нагель был прав, мы никогда не узнаем, что значит быть летучей мышью. Нагель проводит следующую аналогию: «Марсианский ученый, лишенный зрительного восприятия, может понять раду, молнию и облака как физические явления, но никогда не сможет понять, как воспринимает эти явления человек, какое место они занимают в его феноменологическом мире...» [3, с. 355].

Считая категории и логику независимыми от содержания мышления и непреложными для человечества, Кант не исключал возможности, что другие разумные существа будут иметь другую структуру мышления, то есть другой состав априорного. Исходя из деятельностного истолкования природы логики, априорные формы мышления, фиксирующие в своем содержании универсальные онтологические условия бытия и познания, связаны не с разумностью человека как определенного биологического вида, но с разумностью

вообще, если она имеет своим фундаментом деятельность и расширение возможностей деятельности в качестве своей цели.

Можно сказать, что Кант создает философию класса эквивалентности гуманоидных существ. Неважно, сколько пальцев у существа на руках, чем он покрыт (акциденции, не влияющие на сущность). Поскольку оно деятельное существо, оно подпадает на определенном этапе интеллектуального развития под философию, подобную кантовской.

Кроме того, основной пафос философии Канта состоит в том, что наблюдателя нельзя осмыслить. Все предметы представляются действительными только относительно воспринимающего их сознания. Даже чтобы представить Вселенную без наблюдателя, нужен наблюдатель. Вселенная должна предполагать будущего наблюдателя, иначе она, строго говоря, не существует. Таким образом, в рассуждениях И. Канта содержится антропный принцип [4].

Предмет исследования алиенистики - инопланетные формы разума, но её предмет связан и с другой проблемой: проблемой искусственного разума. Мы полагаем, что эти проблемы эквивалентны и важны для самопознания человека. Невозможно понять традицию, из неё самой, для этого необходимо сравнить её с другой традицией, так и человеческое сознание, чтобы понять его особенности, необходимо сравнить с иными типами сознания или патологией. Неатропоморфный разум и искусственный интеллект мыслят иначе.

Необходимо создать интеллект, который сможет сделать человеческий разум более сложным, задача, которую человек сам решить не может, так как

требуется способность мыслить иначе. Эволюция привела к тому, что человек стал единственным разумным существом на Земле. Подобная позиция человека на планете привело его к ложному утверждению об единственности человеческой формы сознания, в то время как на самом деле это лишь одна из возможных форм сознания во Вселенной. Традиционно утверждается универсализм человеческого разума на том основании, что он может решать разнообразные проблемы. Создание различных типов искусственного интеллекта опровергает тезис о универсальности человеческого сознания. Философ Юк Хуэй считает: «Мы живем внутри зарождающейся гигантской кибернетической системы, и в этом заключается наше современное условие философствования» [5, с. 46].

Важное свойство интеллекта – способность решать неординарные, новые задачи. М. Минский выделяет две особенности интеллекта: экономность и уникальность простых идей.

1. Первая особенность указывает на то, что интеллект создаёт системы символов, чтобы представить объекты, сформировать и усвоить процедуры, позволяющие решить задачи.

2. Вторая особенность акцентирует внимание на способности интеллекта выделять простые идеи: арифметику, логику и т.д., - среди других идей, использующихся для этих же целей.

Познавательные возможности разума обусловлены средствами, которые у него имеются: понятие «вещь» появляется, когда используется пространство и субстанции внутри пространства, понятие «цель» - «время». Другой интеллект применяет эти понятия, так как невозможно их заместить чем-то иным [6].

Возможно, человечество не един-

ственное, кто во Вселенной применяет ИИ. Жизнь зарождалась в космосе огромное количество раз за время существования Вселенной, и в ходе своей эволюции внеземные цивилизации могли прийти к ИИ естественным путём. Формула Фрэнка Дональда Дрейка, профессора астрономии и астрофизики, $N = R \cdot f_p \cdot n_e \cdot f_i \cdot f_c \cdot L / T_q$ утверждает, что только в Млечном Пути может быть примерно 12 500 разумных инопланетных цивилизаций. Если среди этих цивилизаций некоторые достигли уровня создания технологий, то они могли также изобрести форму ИИ и использовать уже миллионы лет. Эксперты утверждают, что уровень ИИ мог превзойти земной ИИ во много раз. Жизнь во Вселенной может быть не только биологической, но и основанной на ИИ [7].

К.Э. Циолковский, сформулировавший парадокс раньше Ферми, ввел понятие добровольного запрета на контакт со стороны более развитых цивилизаций. В своем эссе «Планеты заселены живыми существами» (1933) Циолковский писал: «Нам еще возражают: если бы они были, то какими-нибудь знаками могли бы нам дать понятие о своем бытии.

Мой ответ: наши средства очень слабы, чтобы воспринять эти знаки. Наши небесные соседи понимают, что при известной степени развития знаний люди и сами с несомненностью докажут себе населенность иных планет. Кроме того, низшим земным животным нет смысла давать знать об этой населенности планет, но и большинству человечества – также, ввиду низкой степени его развития. Не принесло ли бы даже это знание вред? Не возникнут ли вследствие этого погромы и варфоломеевские ночи?» [8].

Розыск внеземных цивилизаций станет задачей науки, когда станет воз-

можным разработать модель Вселенной, составляющей которой будет разумный субъект, что позволит ответить на вопрос: какие физические объекты необходимо искать?

Задав вопрос: «Где они?», Э. Ферми изменил подход к проблеме поиска внеземного разума. М. Харт и И.С. Шкловский дали радикальный ответ: их нет. Другой ответ: «Кто не молчал, того уже нет».

Есть ещё одно объяснение молчания Вселенной: чтобы цивилизации смогли обнаружить друг друга, необходимо совпадение их технического уровня. Вероятность такого совпадения ничтожна. Возможно, мы просто мало искали и не знаем, где искать. Перспективным представляется изучение Плеяд, в которых одинаково время образования звёзд, относительно небольшие космические размеры, что позволяет производить информационный обмен. Мощь информационных сигналов может быть огромной, что такой сигнал способен достичь Земли. С этой точки зрения интерес представляют шаровые скопления с миллионами звёзд, но есть два фактора, уменьшающие вероятность нахождения в этих скоплениях внеземных цивилизаций: малое содержание тяжёлых элементов в звёздах и высокая плотность центра скоплений делают неустойчивыми орбиты планет. Большой интерес представляют для поиска похожих на нашу цивилизаций рассеянные скопления с возрастом до 10 млрд. лет, но эти предположения могут оказаться ошибочными.

Возможно, разум, технический уровень соответствуют начальным стадиям развития похожих на земную цивилизаций, и по мере развития для них становится неактуальным поиск «братьев по разуму». Соответственно, нет смысла пытаться искать их, нет

стимула посылать и искать сигналы других цивилизаций. В результате Вселенная «молчит».

Более того, чем более развиты цивилизации, чем более они экологичны, тем менее они заметны в космическом пространстве. Такая точка зрения приходит в противоречие с концепцией космического чуда, столь популярной в 60-ые годы 20 века. Ведь предполагалось, что цивилизации на определенном уровне развития приступит к космотехнологической деятельности, заметной далеко во Вселенной. Любая цивилизация не вечна, но стремиться продлить своё существование. Нам известна только наша цивилизация, поэтому обратимся к описанию самих себя, к психологии.

С одной стороны, человек рассматривается внешне, объективно, что позволяет исследовать поведение человека, его мозг, чтобы установить связь между поведением и мозгом, чтобы установить связь между поведением и мозгом. Мозг в этом случае интерпретируется как информационно-коммуникационная платформа, которую голографическая модель.

С другой стороны, не менее важен внутренний аспект исследования человека: его чувства, самооценка: психология обращается не только к моделям мозга, но и к внутренней составляющей жизни человека. В XX веке пытались объединить внешний и внутренний подходы к человеку, но эти попытки не были успешными. Н. Бор оказался прав, когда утверждал, что внешний и внутренний подходы к сознанию дополняют друг друга, а синтез подходов невозможен. На основе идеи Н. Бора В.А. Лефевр создал модель субъекта, которая делает выбор одной из двух противоположных альтернатив. Эту модель интерпретируют как систему

образов самой себя.

Внешнему наблюдателю не дан внутренний мир субъекта, но для субъекта он существует, поэтому самопрезентация субъекта и характеристика его внешним наблюдателем дополняют друг друга, причём самопрезентация и характеристика описывают позитивное и негативное состояния субъекта.

Подобием функционирования субъекта в модели является проецирование состояния, в котором он находится, на экран. Подобная проекция проявляться как внешняя самопрезентация. Последующий анализ модели выявил её связь с действием нейронных сетей и законами термодинамики. Способность нейронов связываться с другими нейронами, передавая им их своё состояние, выражается дифференциальным уравнением, которое описывает рефлексию. Таким образом выявилась связь между динамикой нейронной сети и рефлексией человека.

Для написания дифференциального уравнения необходимо достичь предельного перехода, который возможен только при наличии огромного числа нейронов. Оно описывает также многократную рефлексию, абстрактные тепловые машины, Цепочка которых аналогична образам себя, а их действие – субъективным переживаниям. Модель рефлексии оказывается связанной с формальной сетью нейронов и термодинамикой.

Математическая структура модели соответствует системам, которые обладают, как человек, субъективным миром и способностью отражать этот мир. Можно предположить, что подобные системы используют эту математическую модель как инвариант, когда создают свои внешние самоописания. Математические соотношения становятся частью самоописания цепочки

тепловых машин: действие этих машин описывается согласно модели как последовательности геометрических прогрессий, имеющих один знаменатель, где одна прогрессия – это нечетные числа последовательности, вторая прогрессия – чётные.

В связи со своей концепцией В.А. Лефевр выстроил модель космического субъекта, который внезапно становится из неживого живым, из живого – разумным, минуя долгую и мучительную дарвиновскую эволюцию. Можно назвать это эмерджентным скачком, в принципе эта концепция применима и к искусственному интеллекту.

Внимание учёных обращено сегодня к моделям черных дыр – объектам, из которых вовне ничто не выходит. В галактиках существуют чёрные дыры с массой, превышающей в десятки раз массы Солнца, возникающие вследствие гравитационного коллапса из массивных звёзд.

В 1963 году Р. Керри создал модель коллапса, которая описывает свойства пространства-времени, находящихся над горизонтом чёрной дыры. Использование модели можно расширить и за горизонт чёрной дыры, которая не наблюдается наблюдателем, а значит лишена статуса реальности. В этом аспекте внутренняя область чёрной дыры сродни внутреннему, субъективному миру человека.

Пока нет эксперимента, способного отличить живое существо от бездушно-го автомата. Если предположить, что в результате коллапса может возникнуть разумное существо, то становится возможным существование небиологического разумного существа, причём оно может появиться мгновенно.

Возникает вопрос: есть ли более глубокие параллели между моделями субъекта и чёрной дыры? Нахождение такой

параллели способствовало бы включить разумное существо в физическую картину мира. Можно предположить: так как у чёрной дыры есть внутренняя «полость», то возможно превратить её в «личность», осознающую себя и хранящую информацию цивилизации. Такая «личность», обладая всей информацией цивилизации, может стать наследницей биологических цивилизаций, способной к дальнейшему развитию.

В.А. Лефевр справедливо отмечал: «...Необходимо всегда помнить о возможности существования невообразимо чуждых нам носителей сознания... Можно надеяться их обнаружить, если подтвердится гипотеза о существовании инвариантных структур сознания. Если мы будем смотреть открытыми глазами на чудеса, открываемые нашими телескопами. Вероятность удачи на этом пути существенно выше, чем при попытках найти разум, подобный земному, в ближнем космосе. Необходимая предпосылка успеха - всемерное развитие наблюдательных возможностей всеволновой астрономии» [9, с. 478].

В научно-фантастическом романе британского астрофизика Ф. Хойла «Черное Облако» рассказывается о посещении Солнечной системы облаком, состоящем из наночастиц или, говоря современным языком, из наномеханизмов. В связи с этим у земных ученых встает вопрос: «Является ли Облако одушевленным и разумным?». Один из героев романа замечает:

«...разница между одушевленным и неодушевленным в большей степени существует для удобства терминологии, в целом неодушевленная материя имеет более простую структуру и относительно простые свойства. С другой стороны, живая, или одушевленная, материя обладает достаточно сложной структурой и способностью к весь-

ма неординарному поведению. Когда я сказал, что Облако живое, я имел в виду, что материя внутри него может быть организована весьма затейливым образом, поэтому ее поведение, а следовательно, и поведение всего Облака намного сложнее, чем мы предполагали прежде» [10, с. 218].

В связи с этим возникает проблема существования жизни и разума на иной элементной основе, чем на Земле, что также отражает фундаментальную научную проблему: что значит, что тело одушевлено? В.А. Лефевр ставит мысленный эксперимент об одушевленности, вернее, о пробуждении к сознанию. Пусть будет построен робот, ничем не отличающийся от человека, которого пошлют в экспедицию, в которой робот должен погибнуть. Робот публично заявляет, что сама мысль, что он скоро умрет, доставляет ему непереносимые страдания.

Создатели заявляют, что восстание робота – технический сбой, робот, подобно телевизору, – неодушевленный предмет. Робот возражает: или он лишён сознания, то и у людей его тоже нет, так как он способен объяснить поведение людей в рамках физических понятий. Соответственно, он должен обладать теми же правами, что и они.

Смысл мысленного эксперимента В.А. Лефевра состоит в том, что присутствие или отсутствие сознания у объекта не могут быть диагностированы операциональным путем. Еще раз подчеркнем, что одушевленность Лефевр понимает, как присутствие сознания в объекте независимо от его элементной базы. Необходим тест, который принципиально будет отличаться от теста Тьюринга, в котором машина сравнивается человеком по ответам на одни и те же вопросы. Если эксперт не может

отличить ответы машины от ответов человека, считается, что машина обладает разумом, но этот тест не позволяет определить, есть ли у машины субъективность. Строя естественно-научную картину самих себя, мы упускаем самое главное: наш субъективный внутренний мир.

В.А. Лефевр предлагает ввести понятие эйдос-навигатора. Если физическое тело оснащено идеальным навигатором, то этот навигатор детерминирует поведение тела в очках неустойчивости. Эта детерминация заключается в следующем:

1) навигатор генерирует распределение вероятностей;

2) переводит тело в новое состояние в соответствии с этим распределением.

Как математик, В.А. Лефевр следует онтологии Платона: он допускает реальность двух типов: навигаторы и материальные тела, но его выводы не подразумевают ничего идеалистического: «...одушевленным или живым является любое тело, имеющее, по крайней мере, одну точку (точку бифуркации), в которой его поведение физически не детерминировано» [11, с. 15]. Назовем этот тезис тестом Лефевра. Этим тестом решается вопрос о том, что Черное Облако Хойла является живым и разумным.

В науке появятся целые классы проблем настолько глубоких, что для их решения потребуются сотни самых разных видов разума. Чтобы работать с другими разумами, потребуются новые навыки и новые горизонты самопознания. Когда мы встретимся с этими искусственными пришельцами, то получим те же преимущества и столкнемся с теми же сложностями, какие могли бы ожидать от встречи с инопланетным разумом. Для работы с иными интеллектами потребуются новые навыки и новые горизонты самопознания.

Кевин Келли предлагает сокращение ИИ (AI) понимать не только как Artificial Intelligence (искусственный интеллект), но и как Alien Intelligence (иной интеллект). Наша работа - сделать так, чтобы умные машины мыслили иначе, чтобы появились иные интеллекты, в этом смысле их можно назвать искусственными пришельцами [12, с. 262-264].

Таким образом, если внеземной разум существует, то он необязательно будет гуманоидным, а значит мыслит иначе, чем человеческий разум. Сам человек может представлять собой промежуточный этап в движении к искусственному интеллекту, искусственный интеллект необязательно должен быть антропоморфным. Внеземной разум и искусственный интеллект, позволяющие иначе взглянуть на Вселенную, могут помочь человеку в познании мира.

Список литературы

1. Вальденфельс Б. Мотив Чужого. – Мн.: Профили. 1999. 175 с.
2. Слимак Л. Голый неандерталец. Происхождение, обычаи, интеллект древних родственников человека. – М.: Эксмо, 2024. 224 с.
3. Нагель Т. Каково быть летучей мышью? // Хоштадтер Д., Деннет Д. Глаз разума. Самара Издательский дом «Бахрах-М», 2003. С. 350-360.
4. Михайлов К.А. Теоретическая философия Иммануила Канта и современная логика: Опыт нового прочтения «Критики чистого разума». – М.: ЛЕНАНД. 2018. 352 с.
5. Хуэй Ю. Рекурсивность и контингентность – М.: V-A-C Press. 2020. 400 с.
6. Минский М. Общение с внеземным разумом // Реальность и прогнозы искусственного интеллекта. – М.: Мир. 1987. С. 231-245.
7. Планеты заселены живыми существами (Циолковский) // URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/> (Дата обращения: 10.06.2026)
8. Alien Civilizations May Have Already Formed a New Kind of AI-Based Consciousness, Scientists Say // URL: <https://www.popularmechanics.com/> (Дата обращения: 10.03.2019)
9. Лефевр В.А., Ефремов Ю.Н. Космический разум и черные дыры: от гипотезы к научной фантастике // Лефевр В.А. Рефлексия. – М.: «Когито-центр», 2003. 496 с.
10. Хойл Ф. Черное Облако – М.: Изд-во АСТ, 2024. 320 с.
11. Лефевр В.А. Что такое одушевленность? – М.: Когито-Центр, 2017. 123 с.

12. Келли К. Назовем их искусственными пришельцами // Что мы думаем о машинах, которые думают: Ведущие мировые ученые об искусственном интеллекте. – М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 548 с.
13. Аджиева З.И., Чомаева З.М., Батдыева А.М. Административно - правовые механизмы информационной безопасности несовершеннолетних в Российской Федерации и субъектах РФ // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 9 (207). С. 50-61.

References

1. Waldenfels B. The Alien Motif. Minsk: Propylaea. 1999. 175 p.
2. Slimak L. The Naked Neanderthal: Origin, Customs, and Intelligence of Humans' Ancient Relatives. Moscow: Eksmo, 2024. 224 p.
3. Nagel T. What Is It Like to Be a Bat? // D. Hoshdatter, D. Dennett. The Mind's Eye. Samara: Bakhrakh-M Publishing House, 2003. P. 350-360.
4. Mikhailov K.A. Theoretical Philosophy of Immanuel Kant and Modern Logic: A New Reading of the Critique of Pure Reason. Moscow: LENAND. 2018. 352 p.
5. Hui Yu. Recursivity and Contingency. Moscow: V-A-C Press. 2020. 400 p.
6. Minsky M. "Communication with Extraterrestrial Intelligence" // "Reality and Forecasts of Artificial Intelligence." Moscow: Mir, 1987. P. 231-245.
7. "Planets Are Inhabited by Living Creatures" (Tsiolkovsky) // URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/> (June 10, 2026)
8. Alien Civilizations May Have Already Formed a New Kind of AI-Based Consciousness, Scientists Say // URL: <https://www.popularmechanics.com/> (March 10, 2019)
9. Lefevre V.A., Efremov Yu.N. "Cosmic Intelligence and Black Holes: From Hypothesis to Science Fiction." Moscow: Cogito Center, 2003. 496 p.
10. Hoyle F., Black Cloud. Moscow: AST Publishing House, 2024. 320 p.
11. Lefebvre V.A. What is Animacy? Moscow: Cogito Center, 2017. 123 p.
12. Kelly K., Let's Call Them Artificial Aliens. What We Think About Machines That Think: Leading World Scientists on Artificial Intelligence. Moscow: Alpina Non-Fiction, 2017. 548 p.
13. Adzhieva Z.I., Chomaeva Z.M., Batdyeva A.M. Administrative and legal mechanisms of information security for minors in the Russian Federation and its subjects // Etnosotsium and international culture. 2025. № 9 (207). P. 50-61.

Чиркова Е.А.

Преподаватель кафедры восточных языков и культур. Пятигорский государственный университет.

Генезис представлений о традиции в социально-философской мысли*

Аннотация. В эпоху стремительных социальных трансформаций, когда глобализация и модернизация размывают устоявшиеся ценностные ориентиры, обращение к феномену традиции приобретает не только теоретическое, но и острое практическое значение для общества. Статья посвящена проблеме генезиса представлений о традиции в социально-философской мысли. Рассматривается трансформация представлений о традиции, прослеживается переход от ее понимания как основы социального порядка и преемственности к радикальному пересмотру этого понятия в эпоху модерна и постмодерна. В работе выделяются основные этапы генезиса: от мифологизированного и иерархического восприятия традиции, выполняющей функцию сохранения культурной идентичности, к ее демифологизации и секуляризации в Новое время. В отличие от герменевтической традиции, стремящейся к сохранению и единству с прошлым, генеалогический подход рассматривает разрыв с традицией как условие освобождения мышления. Обосновывается вывод о том, что в современную эпоху происходит переосмысление традиции в контексте постмодернистских концепций, что ведет к формированию пост-традиционного состояния социальности, характеризующегося антииерархичностью и открытостью новым формам мифологизации.

Ключевые слова: генезис, традиция, социально-философская мысль, представления, социальная философия.

Chirkova E.A.

Lecturer of Oriental languages and cultures sub-faculty of the Pyatigorsk State University.

The genesis of concepts of tradition in social and philosophical thought

Abstract. In an era of rapid social transformation, when globalization and modernization are eroding established value orientations, addressing the phenomenon of tradition acquires not only theoretical but also acute practical significance for society. This article examines the genesis of concepts of tradition in social and philosophical thought. It examines the transformation of ideas about tradition, tracing the transition from its understanding as the foundation of social order and continuity to its radical revision in the modern and postmodern eras. The paper identifies the main stages of this genesis: from a mythologized and hierarchical perception of tradition, fulfilling the function of preserving cultural identity, to its demythologization and secularization in modern times. Unlike the hermeneutic tradition, which strives for preservation and unity with the past, the genealogical approach considers a break with tradition as a condition for the liberation of thought. The article substantiates the conclusion that in the modern era, tradition is being reconsidered in the context of postmodern concepts, leading to the emergence of a post-traditional state of sociality characterized by anti-hierarchy and openness to new forms of mythologization.

Key words: genesis, tradition, socio-philosophical thought, concepts, social philosophy.

* © Чиркова Е.А., 2026.

Генезис представлений о традиции в социально-философской мысли

Введение

В современном обществе традиционные духовно-нравственные ценности вновь оказываются в центре социально-политических дискуссий. Востребованность традиции в условиях, казалось бы, ее неизбежного устаревания требует глубокого философского осмысления. Традиция, с одной стороны, является хранилищем накопленного социального опыта и духовно-нравственных ориентиров, обеспечивая преемственность поколений; с другой – выступает нормативно-регулирующим механизмом, ограничивающим поле воздействия инновационных процессов на парадигмальные основания социума.

Как указывает О.С. Друзина, «определение понятия «традиция», его содержание, широта и смысловые границы, задачи и функции до сих пор являются дискуссионными. Разнообразие подходов к его определению обусловлено спецификой данного понятия, особенностями исследующих понятие «традиция» дисциплин, а также конкретным историческим периодом его изучения» [2].

В эпохи исторических перемен, когда рушатся привычные устои и размываются социальные связи, опора на традиции выступает главным механизмом сохранения общественной стабильности.

Обсуждение и результаты

Являясь одной из основных категорий социально-философской мысли, понятие «традиция» имеет сложную и неоднозначную историю интерпретации. Пройдя путь от мистифицированной трансляции опыта в социумах до оформления в значимую герменевтическую конструкцию в прошлом столетии, данное понятие претерпевало трансформации параллельно с измене-

ниями взглядов на исторический процесс, культурный контекст и общественное устройство.

Понятие «традиция» принадлежит к числу фундаментальных категорий социально-философского дискурса. Но, несмотря на повсеместное употребление этого термина в научной литературе и публицистике, его содержание остается многозначным и дискуссионным. За многовековой историей философской рефлексии о традиции стоят принципиально различные интерпретации ее сущности, онтологического статуса и роли в общественном развитии [1].

Истоки философского осмысления традиции восходят к древневосточной и античной мысли. В Древнем Китае, в особенности в конфуцианстве, традиция понималась как этическая и социальная норма, обеспечивающая гармонию между индивидом и обществом. Философская мысль здесь напрямую обращалась к проблеме соотношения традиционного уклада и социальных новаций, причем приоритет неизменно отдавался традиции [9]. В Древней Индии поддержание традиций было связано с кастовой организацией общества, где варновые отношения, закреплённые в «Законах Ману», осмыслялись как сакральный порядок, требующий неукоснительного соблюдения [3].

Если в древнекитайской философии проблема соотношения традиционного уклада жизни и социальных новаций становится одной из центральных (полемика конфуцианства и легизма), то в древнегреческой традиция осмысляется преимущественно через призму права и обычая. Древнегреческая мысль, ориентированная на полисное устройство и право, выдвигала на первый план категорию логоса – разумного закона, а не обычая.

В противовес восточной парадигме,

в античной мысли доминировал универсализм. Платон усматривал в обычаях фундаментальную онтологическую опору для позитивного права, утверждая, что именно они скрепляют любое государство и требуют своего выражения в писаных нормах. Аристотель же, хоть и не оперировал понятием «традиция», трактовал обычай как элемент, поглощаемый законом – безличным разумом, упорядочивающим социум. Если Платон рассматривал традицию в качестве фундаментальной основы законодательства, то Аристотель отдавал приоритет самому закону. Существенный сдвиг в этом вопросе произошел в средневековый период, когда Августин Блаженный сформулировал понимание традиции как инструмента передачи коллективного опыта от прошлого к будущему [6].

В средневековую эпоху, характеризующуюся теоцентризмом, осмысление традиции обрело сакральное измерение. Опираясь на линейную концепцию истории, предложенную Августином Блаженным, традиция трактуется как божественно предопределенный проводник коллективного опыта, связующий минувшее с будущим. В этот период она формулируется в форму Священного Предания, содержание которого находится под строгим контролем церковных иерархов.

Эпохи Возрождения и Реформации стали временем коренного пересмотра отношения к традиции. Ренессанс провозгласил отказ от средневековой схоластики и обратился к античному наследию, породил новую традицию – возрождённую классику. Философская мысль раннего Нового времени всё чаще обращалась к изучению обычаев через призму конкретных эмпирических данных, истории и этнографических наблюдений, смещая акцент с

отвлечённой метафизики на реальную практику [4].

Эпоха Просвещения утвердила взгляд на традицию как на реакционный фактор, сдерживающий общественный прогресс. Мыслители, подобные Вольтеру и Ж.Ж. Руссо, критиковали традиционное начало и рациональное мышление, усматривая в первом источник предрассудков и социального неравенства. Данный подход, воспринимавший традицию в качестве главного препятствия на пути освобождения личности, оказался поразительно устойчивым и сохранялся вплоть до Новейшего времени. Тем не менее, уже И.Г. Гердер стал трактовать традицию как механизм культурной трансформации, благодаря которому происходит социальное становление человека, указал на её двойственную, амбивалентную природу в процессе исторического развития [5].

XIX век стал периодом интенсивного теоретического осмысления традиции в рамках социологии, этнографии и философии. Дж. Вико, разрабатывая циклическую концепцию истории, связал её с переосмыслением традиций и опытом прошлого. В. Дильтей связывает традицию с «объективным духом» – миром культурных форм, который подлежит пониманию и интерпретации. Э. Гуссерль вводит понятие «жизненный мир» как горизонта всех исторических предпосылок, выступающих в форме традиций. Х.-Г. Гадамер, развивая герменевтическую традицию, утверждает, что традиция не является омертвевшим грузом прошлого, а выступает условием понимания и диалога. Для М. Хайдеггера подлинная традиция «освобождает нас в настоящем», становясь путеводителем в дело мысли [9].

Переломным моментом в осмыслении традиции стала публикация

работы Х.-Г. Гадамера «Истина и метод» (1960 г.), которая закрепила за традицией статус одной из фундаментальных социально-философских категорий. В герменевтике Гадамера традиция перестает восприниматься как нечто архаичное, противостоящее разуму. Напротив, он утверждает, что «безусловной противоположенности между традицией и разумом не существует», а сама традиция является «точной пересечением свободы и истории». По Гадамеру, мы всегда уже находимся внутри традиции, которая составляет горизонт нашего понимания. Она не является пассивным грузом прошлого, а представляет собой активный акт разума, обеспечивающий сохранение и обновление смыслов. Эта позиция преодолела классическую оппозицию «традиция–новация», показав, что даже в эпохи радикальных перемен сохраняется гораздо больше старого, чем принято считать [7].

В XX веке формируется интегральный традиционализм, представленный прежде всего Рене Геноном. Генон строит свою социальную философию на учении о примордиальной Традиции – едином метафизическом знании, от которого человечество постепенно удаляется, погружаясь в «Темный век» (Кали-югу).

В теории феноменологии и экзистенциализма ретроспективное постижение бытия опосредовано двумя ключевыми концептами: «жизненным миром» Э. Гуссерля, задающим исторический базис, и языком, который М. Хайдеггер определяет как «дом бытия». При этом Гуссерль рассматривал традицию не как внешний фон, а как фундаментальный смыслообразующий горизонт сознания и его историческую первооснову. Хайдеггер же настаивал, что подлинное отношение к традиции

– это активное возвращение к первоначалам, позволяющее обрести свободу в актуальной реальности [10].

Одновременно в англо-американской философии формируется альтернативный взгляд на традицию. Э. Шилз, а вслед за ним М. Бевир, понимают традицию не как фиксированную сущность или детерминирующую структуру, а как «совокупность пониманий, которые индивид приобретает в процессе социализации». Основное отличие этого подхода в том, что согласно ему, индивиды не пассивно воспроизводят традицию, но способны изменять и трансформировать ее в процессе передачи. Традиция, таким образом, выступает не как непреодолимая сила, а как начальная точка, подверженная постоянной реинтерпретации.

Важной вехой в осмыслении проблемы становится различие Т. Адорно между «традицией» и «традиционализмом». Последний, по мысли Адорно, есть упрощенная и овеществленная форма традиции, созданная «тождественным разумом» современности и потому утрачивающая критический потенциал, присущий подлинной традиции.

В современной социальной философии, с одной стороны, традиция понимается как объективная реальность – наследие прошлого, сохраняющее свою качественную определенность. С другой – подчеркивается ее интерпретативный характер: граница между «традиционным» и «инновативным» условна и зависит от позиции наблюдателя.

Современная социальная философия пересматривает статус традиции и вместо объективного культурного наследия трактует ее как субъективную языковую реальность. В постиндустриальную эпоху традиция теряет целост-

ность, что приводит к её ритуализации, провоцирует постмодернистскую деконструкцию и ведет к деперсонализации субъекта.

Выводы

Уже в греческой и китайской мысли сформировался широкий диапазон подходов: от платоновской и конфуцианской традиции, в основе которой государственность до аристотелевского приоритета рационального закона и даосского скептицизма, усматривавшего в ритуале источник общественных противоречий. В средние века трактовка традиции приобрела теоцентрическое значение, разделившись на божественный и народный истоки, что фиксировало противоречивость социокультурной динамики.

Новое время ознаменовалось расцветом капитализма и индивидуалистического рационализма, стало трактовать традицию в негативном аспекте, превратив ее в авторитарный предубеждение, подлежащий искоренению. Классическая социальная философия закрепила за традицией статус антипода современности в рамках бинарной оппозиции.

В эпоху модернизации традиция обретает двойственную природу. Она служит, во-первых, стабилизирующим и охраняющим механизмом культуры, очерчивая межкультурные границы и сдерживая разрушительные новации. Во-вторых, она предстает как индикатор социокультурной динамики, выявляя ценностно-смысловую преемственность между сегодняшним днем и историческим прошлым.

XX век ознаменовался глубоким кризисом традиции. Рациональное мышление изменило основы живого, непосредственного опыта преемственности, который прежде держался на ав-

торитете минувших эпох и доиндустриальном укладе.

Следование традициям сегодня иногда имеет негативный аспект, вырождаясь в реакционный консерватизм, тогда как их тотальное отвержение грозит утратой исторической преемственности и стиранием коллективной памяти. На этом фоне оформляется так называемая «традиционная культура».

В отличие от живой традиции как естественного механизма трансляции опыта, данный феномен наполняется конкретным содержанием по запросам различных социальных групп. Он становится эффективным инструментом идеологического воздействия, легитимации существующего миропорядка и одновременно выполняет функцию защиты для индивида.

Следовательно, генезис представлений о традиции демонстрирует переход от сакральной данности к пластичному социальному конструкту, который сегодня одновременно служит инструментом политического влияния и критической рефлексии.

Список литературы

1. Антипов М.А. Социальная философия. Учебно-методическое пособие. Пенза: Пензенская духовная семинария, 2022. 90 с.
2. Друзина О.С. Философский смысл категорий «традиция» и «русские традиционные ценности» // Вестник ПГПУ. 2022. №2. С. 124-135.
3. Золотарев С.П., Смагина Г.В. К вопросу об историческом сознании и традиции: социально-философский аспект // KANT. 2023. №2(47). С. 142-149
4. Мамедова Н.М. Традиция и культурная идентичность // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2016. № 1 (17). С. 10-15.
5. Мамедова Н.М. Традиции в социокультурной ретроспективе // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2014. № 203. С. 56-61.
6. Сергеева А.О., Лях В.И. Ценностный подход к проблеме исследования концепта «традиция» в дискурсе региональной культуры // Культура и цивилизация. 2022. Том 12. № 4А. С. 244-251.
7. Теплых Н.В. Специфика идеи традиционализма «русского мира» в социальной философии России // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2022. № 1 (16). С. 60-67.
8. Трегулова Н.П. Становление дефиниции

«традиция» // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2021. Вып. 2. С. 79-85.

9. Хупения Н.Р. Концепт традиции в контексте интеллектуального опыта интегрального традиционализма // Философия и культура. 2019. № 1. С. 20-26.

10. Хупения Н.Р. Смысловое многообразие понятия традиции // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016. № 2. С. 12-27.

11. Вознесенский И.С. Ускользающее восприятие духа времени: от мифа к реальности // Власть истории и История власти. 2020. Том 6. Часть 5. № 23. С. 763-773.

References

1. Antipov M.A. Social Philosophy. A Textbook-Methodological Manual. Penza: Penza Theological Seminary, 2022. 90 p.

2. Druzina O.S. The Philosophical Meaning of the Categories "Tradition" and "Russian Traditional Values" // Bulletin of Penza State Pedagogical Univ. 2022. № 2. P. 124-135.

3. Zolotarev S.P., Smagina G.V. On Historical Consciousness and Tradition: A Social and Philosophical Aspect // KANT. 2023. № 2 (47). P. 142-149.

4. Mamedova N.M. Tradition and Cultural Identity // Bulletin of Moscow State Pedagogical Univ. Series "Philosophical Sciences". 2016. № 1 (17). P. 10-15.

5. Mamedova N.M. Traditions in Sociocultural Retrospective // Scientific Bulletin of the Moscow State Technical University of Civil Aviation. 2014. № 203. P. 56-61.

6. Sergeeva A.O., Lyakh V.I. A Value Approach to the Problem of Studying the Concept of "Tradition" in the Discourse of Regional Culture // Culture and Civilization. 2022. Vol. 12. № 4A. P. 244-251.

7. Teplykh N.V. Specifics of the Idea of traditionism of the "Russian World" in the Social Philosophy of Russia // Humanitarian and Political-Legal Studies. 2022. № 1 (16). P. 60-67.

8. Tregulova N.P. Formation of the Definition of "Tradition" // Bulletin of the Buryat State University. Philosophy. 2021. Issue. 2. P. 79-85.

9. Khupenia, N.R. The Concept of Tradition in the Context of the Intellectual Experience of Integral Traditionism // Philosophy and Culture. 2019. № 1. P. 20-26.

10. Khupenia N.R. The Semantic Diversity of the Concept of Tradition // Context and Reflection: Philosophy of the World and Man. 2016. № 2. P. 12-27.

11. Voznesenckiy I.S. Elusive perception of the spirit of the times: from myth to reality // The Power Of History – The History Of Power. 2020. Volume 6. Issue 5. № 23. P. 763-773.

ИСТОРИЯ

HISTORY

Гаврилюк Н.П.

Кандидат исторических наук. Директор музея «Бузеон» ООО «Полотняно-Заводская бумажная мануфактура».

Дедиу Е.И.

Старший преподаватель кафедры истории Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского.

Материальность синей бумаги: источники, терминология и интерпретация художественного выбора*

Аннотация. В статье синяя бумага ручного производства рассматривается как самостоятельный объект историко-художественного и технологического исследования. Изложение выстроено по нескольким тематическим линиям: трудности терминологического порядка при описании синей бумаги; технологические варианты её получения; круг доступных источников – начиная с ранних трактатов и заканчивая современными инструментальными методиками анализа; и, наконец, отдельный историко-художественный сюжет – обращение венецианских художников к синей бумаге около 1500 года. Автор исходит из положения, что художественные материалы и техники несут смысл ничуть не менее значимый, чем иконография или стиль, и в силу этого заслуживают столь же тщательного, методологически выверенного рассмотрения. Соединяя визуальный анализ, инструментальные данные, опыт практического воспроизведения старинных технологий и внимательное изучение самого предмета, авторы оспаривают упрощённое экономическое толкование выбора синей бумаги и выдвигают более многослойную трактовку, где учтены доступность материала, технические качества проклеенной поверхности и эстетические запросы новой масляной живописи.

Ключевые слова: синяя бумага, история бумаги, венецианский рисунок, материальность, реставрация, кватроченто, Джованни Беллини, тряпичное сырьё, красители.

Gavrilyuk N.P.

Candidate of Historical Sciences. Director of the «Buzeon» museum LLC «Polotnyany Zavod Paper Manufacture».

Dediu E.I.

Senior Lecturer, Department of History Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky.

The materiality of blue paper: sources, terminology, and interpretation of artistic choice

Abstract. This article examines hand-made blue paper as an independent object of historical, artistic, and technological research. The exposition is structured along several thematic lines: the terminological difficulties encountered in describing blue paper; the technological options for its production; the range of available sources – from early treatises to modern instrumental methods of analysis; and, finally, a separate historical and artistic episode – the turn of Venetian

* © Гаврилюк Н.П., Дедиу Е.И., 2026.

Материальность синей бумаги: источники, терминология и интерпретация художественного выбора

draughtsmen to blue paper around 1500. The author proceeds from the premise that artistic materials and techniques carry meaning no less significant than iconography or style, and therefore deserve equally careful and methodologically rigorous consideration. Combining visual analysis, instrumental data, the experience of practical reconstruction of historical technologies, and close examination of the objects themselves, the author challenges the simplistic economic interpretation of the choice of blue paper and proposes a more layered reading that takes into account the availability of the material, the technical qualities of the sized surface, and the aesthetic demands of the new oil painting.

Key words: blue paper, history of paper, Venetian drawing, materiality, restoration, quattrocento, Giovanni Bellini, rag raw material, dyes.

Рассмотрение синей бумаги в качестве материального артефакта разумно начать с вопроса об её месте в истории развития бумажного производства, её определении: за одним и тем же словосочетанием «синяя бумага» кроется целый ряд материалов, различающихся по технологии изготовления, потребления и степени сохранности.

Стандарты качества, размера и веса для поставок бумаги в отдельные итальянские регионы были закреплены Уставами Коммуны Болоньи 1389 года. Ценность этого памятника двоякая: он важен и как свидетельство экономико-правового регулирования ремесла, и как древнейший письменный документ, где упоминается синяя бумага. Именно здесь зафиксировано самое раннее известное упоминание такой бумаги – по общепринятому мнению, её производили из окрашенного тряпья.

Для историка технологии болонский устав ценен в первую очередь тем, что даёт возможность сопоставить сорта бумаги по их рыночной цене и через это восстановить ту иерархию продуктов, какой она виделась современникам. Устав указывает, что высококачественная «королевская», то есть стандартная белая бумага, оценивалась в «5 болонских лир и 10 сольдо за стопу». Следующей по цене шла «королевская синяя», стоившая «4 болонских

лиры за стопу». Отсюда следует, что на тот момент синяя бумага обходилась дешевле. Однако было бы ошибкой заключать, что относительная дешевизна отдельного сорта синей бумаги в конце XIV столетия распространяется на всё разнообразие синих бумаг иных эпох и территорий; здесь требуется методологическая осмотрительность, ведь именно такого рода необоснованные обобщения породили немало прочно укоренившихся историографических заблуждений.

Синяя бумага, полученная другим путём, впервые упоминается в художественном руководстве около 1400 года – в трактате «Il libro dell'arte» Ченнино Ченнини (ок. 1360 г. – ок. 1420 г.) [5]. Ценность этого сочинения в том, что оно передаёт не рыночный, а ремесленный, мастерской взгляд – показывает, как синева поверхности возникала непосредственно под рукой самого художника. Ченнини говорит о багдадском индиго – «препарате», или покрытии, которое наносили тонким слоем либо более плотным грунтом перед началом рисования. Стало быть, уже на рубеже XIV и XV веков синеву листа можно было получить двумя принципиально различными способами: либо непосредственно при изготовлении листа, либо позднее, когда художник готовил его к работе.

Если систематизировать технологические приёмы, обнаруживается несколько самостоятельных путей получения синего листа. Синюю бумагу изготавливали, вводя синий пигмент или краситель в массу при отбивке либо в чан перед формованием. Другой вариант – окунание уже сформованного листа в чан с синим красителем. Вблизи такой лист кажется окрашенным довольно ровно, однако при разном происхождении волокон краситель мог впитаться неоднородно. Ту неравномерность впитывания, которую сторонний наблюдатель принял бы за дефект, исследователь оценивает как весьма ценный диагностический признак: она указывает на разнородность исходного сырья и косвенно проясняет технологию подготовки массы.

Отдельный вопрос – практика подсинивания, которую необходимо строго отделять от изготовления собственно синей бумаги. Лист «подсинивают», чтобы погасить желтоватый оттенок, появляющийся из-за перебраживания белого тряпья перед отбивкой. В этом случае синий вводят вовсе не ради видимой синевы листа, а ровно наоборот – чтобы визуально сделать его белым, компенсировав нежелательный жёлтый тон. Для «подсинивания» массы применяли смальту, художественный пигмент или волокна синей ткани; и хотя по материалам и технике это близко к «*papier chiné*», назначение и функция здесь иные. Различие носит принципиальный характер: совпадение материала не влечёт совпадения намерения, а именно на уровне намерения и проходит рубеж между двумя технологическими практиками. Мастеру-бумажнику требовалось внести ровно такую дозу «подсинивания», чтобы выровнять поглощение света и получить лист, выглядящий белым, но не отдаю-

щим в голубизну [6, pp. 89 – 90; 93 – 94]. Широкое распространение в бумажном производстве этот приём получил лишь в XVIII веке – обстоятельство, которое само по себе делает хронологически недопустимым его отождествление с ранними синими бумагами.

С учётом **вышеобозначенного** важно определить предмет исследования. Ни подготовленные бумаги, ни крашение, ни подсинивание не будут затрагиваться. Внимание сосредоточено на разновидностях бумаги, полученной с применением синего тряпья. К массе из природно окрашенных волокон льняного или конопляного тряпья добавляли столько волокон синего тряпья – как правило, шерстяного, – чтобы лист вышел синим. Своеобразие этого материала и его характерный вид задаёт именно смешение волокон разного происхождения, а не сплошное окрашивание. Точного английского обозначения для такой бумаги не выработано. И само отсутствие закрепившегося термина показательное: оно говорит о слабой изученности предметной области и о том долгом невнимании, которым была окружена материальная сторона основы [2, p.22]. По этой причине отдельные исследователи используют, для обозначения такого типа синей бумаги, французское словосочетание – *papier chiné*.

Морфологическая характеристика этого материала требует особой аккуратности. Синяя бумага *papier chiné* имеет крапчатый, испещрённый вид, где доминируют белые и синие тряпичные волокна. Нередко встречаются отдельные тёмные и красные волокна, растительные фрагменты, а также чересчур длинные волокна и волокнистые сгустки. Эти вкрапления не стоит принимать за случайный «шум»: они складываются в своеобразный материальный архив,

где запечатлён состав использованного тряпья и специфика его обработки. Причина в том, что тряпьё разного текстильного происхождения распадается в ходе приготовления массы с неодинаковой скоростью. Вне сомнения, в массу из синего и белого тряпья для *parier chiné* временами добавляли и дополнительный краситель – чтобы усилить насыщенность и уравнивать итоговый цвет листа. Таким образом, внутри самого класса *parier chiné* складывалась градация – от бумаги, обязанной своей окраской исключительно волокнам, до бумаги, дополнительно подкрашенной ради однородности.

Смена красителей во времени наметает хронологические опоры для датировки и атрибуции. В ранних бумагах волокна синего тряпья окрашивали вайдой, а к XVII веку – индиго; лишь эти синие текстильные красители были тогда в ходу и выдерживали как износ ткани, так и последующее превращение её в бумагу. Устойчивость красителя оказывалась здесь решающим условием: ему предстояло уцелеть не только при носке ткани, но и при её переработке в бумажную массу, что заметно сужало перечень пригодных веществ. С 1660-х годов бумажники стали применять привезённый из Америки краситель из кампешового дерева. Синтетические синие – берлинская лазурь, а также синтетические ультрамарин и индиго – входят в обиход в XIX веке. Каждый новый краситель раздвигал доступную палитру синих и вместе с тем усложнял общую картину. Смеси разнообразных синих – в виде волокон, пигментов и/или красителей – судя по всему, встречались всё чаще. Эта тяга к смешению приводит к тому, что более поздние синие бумаги обычно труднее поддаются аналитической идентификации, ведь в них могут одновременно

присутствовать несколько красящих веществ разного происхождения.

Восстановление истории синей бумаги упирается в серьёзную источниковедческую трудность: массив доступных свидетельств неоднороден, отрывочен и вплоть до последнего времени был проработан слабо. Узнать о синей *parier chiné* можно разными путями, и у каждого из них свои познавательные возможности и свои пределы, которые следует оценивать без иллюзий.

К первой группе источников относятся письменные тексты. Здесь можно обратиться к ранним текстам Нового времени, где описывается работа художников. Но, откровенно говоря, они дают немного. Краткость и скупость этих упоминаний по-своему красноречива: для современников употребление синей бумаги было настолько привычным, что не нуждалось в пояснениях, – и вот эта самая привычность обернулась для позднейшего исследователя информационной пустотой. Так, рукописный вариант трактата Эдварда Норгейта «*Miniatura or The Art of Limning*» 1628 года ограничивается ремаркой о том, что обыкновенно работают на синей бумаге [8, р. 4]. Фрагменты Норгейта затем переходили в большинство английских руководств по рисованию XVII столетия [1, р. 26]. Этот повтор существен с методологической точки зрения: перед нами не самостоятельные свидетельства, а единая текстовая традиция, и обилие упоминаний не прибавляет им общей доказательной силы. Что до рисунков, то анонимное печатное пособие «*The Excellency of Pen and Pencil*» 1668 года в разделе 7 рекомендует запастись также тонкой синей бумагой, причём одни её сорта светлее, а другие темнее [8, р. 4]. Последнее наблюдение особенно значимо: оно прямо указывает на существование града-

ций синей бумаги по тону – и косвенно по качеству – уже в сознании практикующих художников XVII века.

Вторую группу образуют исследования Новейшего времени. К середине XX века появились обзоры исторической западной синей бумаги. Эти труды ознаменовали существенный поворот: синяя бумага впервые была осмыслена как самостоятельный объект, а не как нейтральная подложка для рисунка. Так, реставратор Ирен Брюкле проследила историю синей бумаги от её появления вплоть до XIX века – её применение, красители и их приготовление, производство, разрушение, оценку и уход за ней. Комплексность такого подхода, где сходятся технологический, исторический и консервационный ракурсы, служит методологическим ориентиром для последующих изысканий. Синяя бумага и сегодня остаётся благородным материалом как для реставраторов, так и для историков. Влияние подобных работ, к сожалению, ограничено: они обычно более специальные по тематике и нередко выходят в узкопрофильных изданиях. Проблема, стало быть, не только содержательная, но и коммуникативная: ценные сведения рассредоточены по труднодоступным профессиональным публикациям и не попадают в общий оборот истории искусства.

Третью группу – самую надёжную в доказательном отношении – составляют результаты инструментального анализа. Естественно-научная идентификация синих красителей в бумаге проводилась нечасто. Эта редкость инструментальной проверки – одно из наиболее ощутимых препятствий на пути к достоверному описанию материала. Так, альбомы с образцами кружев и вышивки конца XIX века, связанные с промышленным дизайнером Вик-

тором Потреле (1811 – 1889 гг.), были смонтированы на синей бумаге для демонстрации [9]. Анализ методом FTIR определил краситель как берлинскую лазурь, вероятно, в сочетании с неустановленным органическим красителем. Характерно, что даже в этом относительно позднем и хорошо задокументированном случае идентификация осталась неполной, – что подтверждает высказанную выше мысль о сложности анализа смешанных красящих систем. Такие аналитические сведения имеют неоценимое значение для обоснования реставрационных решений и для регистрации исторических изменений в окрашивании бумаги. Именно инструментальные данные снабжают интерпретацию необходимой фактической опорой, переводя рассуждение из плоскости догадок в плоскость проверяемого знания.

Четвёртая группа – это библиографические и коллекционные ресурсы. К библиографическим работам Паоло Саче относится каталог всех книг XVI века, отпечатанных на синей бумаге. Подобные собрания сулят новые ресурсы для будущих исследований [10]. Сведение воедино корпуса печатных памятников на синей бумаге формирует статистическую базу, без которой немислимы обобщения о распространённости материала, его географии и функциях.

Наконец, пятую, качественно новую группу источников составляют результаты практического воспроизведения старинных технологий по производству бумаги, в том числе синей, реализуемых на базе бумажной мельницы Moulin du Verger, Руутоуен, под Ангулемом. Практика обостряет нашу восприимчивость к тому тонко развитому сенсорному и жестовому – невербализованному – знанию, которым владеет

мастер-бумажник и красильщик. Это «молчаливое» знание по самой своей природе не поддаётся исчерпывающему словесному выражению, а потому и не отражено в письменных источниках; путь к нему лежит исключительно через телесный, ремесленный опыт. Вдобавок такая практика приучает нас различать типы синей бумаги, их хронологический диапазон и природу красителя. Этот опыт и приобретаемые навыки важны потому, что при скудости библиографических и аналитических ресурсов главным источником для изучения синей бумаги приходится считать сам артефакт. Данное положение имеет принципиальное методологическое значение: когда письменных и аналитических данных недостаёт, именно сам предмет, прочитанный подготовленным взглядом, оказывается основным и наиболее достоверным свидетелем собственной истории.

Из этого следует интегративный характер требуемой методологии. Сегодня описывать синюю бумагу приходится, соединяя визуальный и инструментальный анализ, практический опыт и пристальное наблюдение. Лишь совокупность этих четырёх подходов – наблюдения, инструментального исследования, ремесленной практики и историко-контекстного анализа – способна возместить ограниченность каждого из них по отдельности. И всё же описания синей бумаги в научной литературе и музейных каталогах пока далеки от совершенства. В лучшем случае бумагу попросту называют «синей».

Мириться с таким положением дел нельзя. Оно печально уже тем, что столь неполная характеристика едва ли подталкивает к углублённому наблюдению или к осмысленному толкованию материального выбора художников. Она попросту закрывает самую возмож-

ность обсуждать, почему художник или печатник остановился на синей бумаге. Иными словами, обеднённое описание не просто упускает деталь – оно перекрывает целое исследовательское русло, лишая нас права поставить вопрос о мотивах материального выбора. Между тем материалы и техники художников суть носители смысла столь же фундаментального, как иконография и стиль. Внимание к физическим компонентам и организующим структурам способно обогатить историческое истолкование артефактов. Признавая за материальностью роль полноценного носителя значения, мы переводим основу из разряда технической подробности в разряд предмета герменевтики.

Вопрос, который мы стремимся прояснить в исследовании, звучит так: почему – в определённое время и в определённом месте – выбор пал именно на синюю бумагу? Формулировка с упором на конкретность времени и места отнюдь не случайна: она удерживает от универсальных объяснений и обязывает учитывать локальный контекст.

Соображения времени и объёма побуждают ограничиться обращением венецианских художников к синей бумаге в Венеции около 1500 года. Отправная точка здесь удачна, поскольку значительная часть сохранившихся ранних образцов синей бумаги происходит именно из этого региона. Скопление уцелевшего материала в Венеции даёт исследователю сравнительно репрезентативную выборку, что для истории бумаги, страдающей от разрозненности источников, – редкая удача.

Прежде всего к вопросу о первенстве следует подойти критически. Тезис о том, что венецианские художники позднего кватроченто первыми стали пользоваться синей *papier chiné*, был поставлен под сомнение. Рисунок 1410

- 1420-х годов, приписываемый работавшему в Болонье художнику Джованни да Модене, возможно, представляет собой древнейший из дошедших образцов синей *paper chiné* [7]. Это уточнение важно не столько ради восстановления хронологического приоритета, сколько как предостережение: погоня за «первым» примером легко вытесняет более содержательный вопрос - о функции материала и его распространённости.

Ключевая фигура венецианского контекста - Джованни Беллини. Этот венецианский мастер (ок. 1433/6 - 1516 гг.) оставил обширное наследие живописных произведений. С освоением пластичной масляной техники художники получили возможность выстраивать и переделывать композиции прямо на панели или холсте. Данное технологическое обстоятельство напрямую сказалось на судьбе рисунков: способность править композицию в самом живописном слое уменьшала нужду в сохранении подготовительных штудий. Ни один рисунок не может быть с уверенностью приписан Джованни, и документальных подтверждений не сохранилось. Между тем в мастерской семьи Беллини подготовительные рисунки играли важную роль. Отсутствие достоверных автографов при доказанной значимости рисунка для практики мастерской - характерный пробел, восполнять который приходится, обращаясь к кругу художников, испытавших воздействие Беллини.

Именно этот круг обнаруживает устойчивую материальную практику. Художники, находившиеся под влиянием мастерской Беллини, как правило, рисовали чёрным мелом или тёмными чернилами с белыми высветлениями по синей бумаге. Такой приём - искусственный, но экономный - служил под-

готовке монохромных этюдов, которые предстояло перевести в цветовую гамму картин в пору перехода от яичной темперы к масляной живописи. Постоянство этой связки - чёрный мел, белые высветления, синяя основа - свидетельствует о том, что здесь не случайный набор материалов, а сложившаяся техническая система, отвечавшая конкретным живописным задачам.

Наглядный пример даёт творчество Витторе Карпаччо. Этот венецианский художник, по-видимому, был учеником или помощником Джованни. Бумажная основа его рисунка тонкая и слегка текстурированная, с равномерно распределёнными белыми, синими и немногочисленными более тёмными волокнами и крапинками; в боковом и проходящем свете различимы мелкие непробитые стустки, линии вержеров и понтюзо. Такое подробное описание фактуры - не самоцель, а образец того пристального наблюдения, которого требует полноценная характеристика материала. Часть синих бумаг, к которым обращался Карпаччо, снабжена водяными знаками. Это может говорить о более высоком качестве бумаги - либо об использовании повторно применявшейся формы. Присутствие водяного знака особенно примечательно, так как прямо противоречит расхожему мнению о синей бумаге как о неизменно низкосортном продукте.

На этом мы переходим к критическому разбору господствующего объяснения. Обращение венецианских художников к синей бумаге чаще всего толкуют экономически: считается, что синяя бумага стоила дешевле, что её выбор диктовался дороговизной белой бумаги и что художники экономили, отводя более дешёвые материалы под эфемерные подготовительные стадии картины. Внешне это истолкование

выглядит стройным, однако при ближайшем рассмотрении его фактическая основа оказывается зыбкой. Эти допущения, судя по всему, опираются на данные болонского устава 1389 года и на анахроничное перенесение практики использования дешёвой синей упаковочной бумаги на более ранние эпохи. Обе опоры такого рассуждения методологически ненадёжны: единичное ценовое свидетельство конца XIV века неправомерно распространяют на иное время и иной регион, а представление об упаковочной бумаге проецируют в прошлое вопреки хронологии – то есть в основе распространённого объяснения лежит двойной анахронизм.

Обращение к самим артефактам открывает картину более сложную. Присмотримся к некоторым синим бумагам, послужившим основой для рисунков. Чима да Конелья – активный художник с крупной, хорошо налаженной венецианской мастерской, – вероятно, учился у Джованни Беллини. Его подготовительный рисунок к алтарному образу выполнен на синей *paper chiné*, изготовленной из недостаточно проработанной массы: в ней есть растительные остатки и скрученные нити. И тем не менее именно эту синюю бумагу выбрал Чима – один из самых успешных мастеров ренессансной Венеции. Такое сочетание – обеспеченный, преуспевающий художник и сравнительно грубая по составу бумага – прямо противоречит гипотезе, будто единственным мотивом выбора была вынужденная экономия. Для главных участков изображения – лиц и фигур – он обходился стороной комки и непереваренные волокна. Наблюдение это исключительно важно: художник не просто терпел изъяны основы, но сознательно ими распоряжался, размещая изображение по листу сообразно его материальной

неоднородности. Нам, приученным к более гладкой поверхности, бумага Чимы может показаться низкосортной из-за неровного цвета, смешанного волоконного состава и прочих дефектов. Однако для него она была вполне функциональной. Здесь обнаруживает себя опасность анахронического суждения: мерки качества, выработанные позднейшей культурой машинной бумаги, непригодны для оценки материала, который отвечал совершенно иным ожиданиям и задачам.

К тому же выводу подводит и другой пример. Бартоломео Монтанья происходил из Виченцы – города под контролем Венеции. Не исключено, что какое-то время он работал в мастерской Беллини. Выбранная им здесь синяя бумага сформована тщательнее, чем у Чимы, но и в ней присутствуют комки и растительные частицы. Сравнение бумаг Чимы и Монтаньи показывает, что даже в пределах одного класса *paper chiné* и одного региона качество формирования колебалось весьма заметно, – и это вновь опровергает представление о синей бумаге как о единообразно низкосортном материале.

Наряду с критикой экономического объяснения мы предлагаем дополнительную объясняющую гипотезу. Полагаем, что обращение к синей бумаге в это время было отчасти обусловлено и дефицитом бумаги белой. Такая гипотеза переносит акцент с фактора цены на фактор доступности, что представляется исторически более оправданным. На протяжении позднего XV века бумага превратилась в основной массовый носитель для печатных книг, бюрократической документации и эфемерид, а также для рисунков и однолистных гравюр. По мере распространения книгопечатания подвижным шрифтом спрос на белую бумагу на-

растал, и нагрузка на бумажные мануфактуры увеличивалась. Логика здесь прозрачна: типографии предъявляли массовый спрос именно на белую бумагу, и при ограниченных производственных мощностях этот спрос вполне мог перенаправлять качественную белую бумагу от художников к печатникам. Рубеж XV и XVI веков был для Венецианской республики порой конфликтов и нестабильности. Не породило ли стечение этих обстоятельств перебои в снабжении и распределении на рынке бумаги? Вопросительная форма здесь не риторический приём, а признание пределов доказуемого: гипотеза о дефиците правдоподобна, но при нынешнем состоянии источников не поддаётся окончательной проверке.

Именно эта источниковедческая ситуация и оправдывает избранный метод. Письменных записей, документирующих ранний этап истории бумаги, сохранилось мало, – а значит, нам приходится исследовать сами объекты и выводить заключения из контекстуальных данных. Тем самым опора на артефакт как на главный источник предстаёт не методологическим предпочтением, а необходимостью, продиктованной самим состоянием документальной базы.

Отдельного опровержения заслуживает и тезис о заведомо низком качестве синей бумаги. Венецианским печатникам нужны были регулярные поставки бумаги надлежащего, высокого качества. Дошедшие до нас ранние бумаги – например, собрание, составленное Аурелио Зонги, – свидетельствуют, что уже к XIV веку бумажники в совершенстве владели всем процессом. Наличие столь высокого технического мастерства ещё в XIV веке подрывает презумпцию, будто синяя бумага была продуктом пониженной квалифи-

кации. С чего вообще принято считать, будто изготовление синей *papier chiné* требовало меньших навыков, а сам продукт непременно был дешёвым? В действительности мы вовсе не знаем, насколько распространены были запасы синего тряпья, годного для бумажного дела, и как воспринимали и обрабатывали его региональные бумажники. Такое честное признание неопределённости методологически ценно: оно избавляет исследование от непроверенных допущений и возвращает вопросу его открытость [Цит. по 4, р. 80].

Существование качественной градации синих бумаг подтверждается прямыми документальными и материальными свидетельствами. Подобно белым, синие бумаги, по-видимому, рано начали выпускаться в разном диапазоне качества. Нотариально заверенная опись миланской писчебумажной лавки 1595 года фиксирует наличие там синей бумаги (*cilestra*) различного размера, веса и типа. Ценность этого документа в том, что он отражает не умозрительную возможность, а реальную торговую номенклатуру, где синяя бумага выступает дифференцированным товаром. Возможно, действительно самые плохие бумаги были тускло-коричневыми и серыми. Наверняка мы этого не знаем. Двукратное признание собственного неведения – не слабость аргументации, а, напротив, способ очертить границы достоверного знания и удержаться от поспешных обобщений.

Наиболее убедительно расхожие представления опровергает анализ проклейки. Из убеждения, что ранняя синяя бумага, применявшаяся в Венеции, была плохо обработана и дешева, вырастает распространённое предположение, будто она вследствие этого была непроклеенной и расходной. Мягкость непроклеенной поверхности будто бы

подходила для работы с хрупким углём и мелом – материалами, которым отдавали предпочтение венецианцы. Это рассуждение выстраивает целую цепочку допущений – от дешевизны к отсутствию проклейки и далее к расходному характеру, – однако вся цепочка распадается при столкновении с конкретными артефактами. Ведь многие рисунки – например, этюд Тициана (ок. 1487 – 1576 гг.) для «Мученичества святого Себастьяна» полиптиха Аверольди (ректо) и «Этюды ступней, части ноги и стилизованной головы в профиль» (версо), работа около 1520 года – исполнены чернилами по синей *papier chiné*. Выразительные контурные линии, многократно проработанные и переработанные чернилами, на непроклеенной бумаге неминуемо расплылись бы и «утонули». Технический довод здесь неопровержим: сама возможность работы пером и чернилами по этой бумаге доказывает наличие проклейки, ведь непроклеенная поверхность физически не удержала бы чёткую линию. Очевидно, что данная синяя бумага была проклеена; желатиновая проклейка повышала и качество, и стоимость листа. Следовательно, по меньшей мере часть синих бумаг, которыми пользовались венецианские мастера, была не расходным, а полноценным, технологически совершенным и сравнительно дорогим материалом [Цит. по 4, р. 81].

От опровержения ложных объяснений исследование переходит к позитивной интерпретации, укоренённой в художественных запросах эпохи. Выбор синей бумаги для подготовительных рисунков художниками из окружения Беллини, вероятно, связан с новыми требованиями современной живописи. Беллини принадлежал к первому поколению венецианских мастеров, отказавшихся от золотых фонов. Отказ от золо-

того фона был не просто сменой моды, а глубоким переосмыслением самого понимания живописного пространства. Способ изображения пространства, светоносности и цвета менялся радикально. Натуралистическое пространство Беллини раскрывалось как «продолжение реального мира». Оно отделялось от обрамляющей рамы – и вводило главные фигуры в присутствие зрителя для благоговейного созерцания. В этой новой пространственной концепции решающая роль принадлежала убедительной передаче света и атмосферы, а стало быть – задачам, для которых нейтральный средний тон основы оказывался особенно уместным.

Непосредственным контекстом этих перемен служит технологический сдвиг в самой живописи. В течение 1470-х годов, а быть может и раньше, Беллини начал переходить от традиционной итальянской яичной темперы к масляной среде, вдохновлённой фламандской живописью. Пигменты он продолжал использовать прежние, но растирал их на масле; их качества – насыщенность, яркость, чёткость, прозрачность, светоносность – изменились. Смена связующего преобразила самый характер живописной поверхности, раскрыв прежде недоступные возможности тональных переходов. Формы стали моделироваться мягче – отчасти оттого, что масло давало большую свободу тональных градаций и смешения. Именно эта возросшая роль мягкой тональной моделировки в живописи предъявляла новые требования и к подготовительному рисунку [Цит. по 4, р. 83].

Здесь и проступает внутренняя логика связи между масляной живописью и синей основой рисунка. В подготовительных рисунках венецианские художники схватывали рассеяние естествен-

ного света в пространстве; игра света лепила пластическую форму, смягчая при этом контуры. Подготовительному рисунку предстояло решать те же тональные задачи, что и будущей картине, и синяя основа оказывалась для этого оптимальным средством. К средним тональным диапазонам современных картин синяя бумага подходила ближе, чем белая. В этом и состоит ключевой эстетический аргумент: средний тон синей основы позволял художнику одновременно работать на затемнение (чёрным мелом) и на высветление (белым мелом), моделируя форму от среднего тона в обе стороны – приём, невыполнимый на белом листе. Мягкий чёрный мел, белые высветления и синяя бумага рисунков – например, тициановских – действуют сообща, усиливая ощущение пространства и света, скользящего по фигурам и очерчивающего их. Пёстрая синева смешанного тряпичного состава *papier chiné* полна внутреннего разнообразия. Здесь материальная неоднородность бумаги, которую позднейший вкус склонен воспринимать как изъян, переосмысливается как эстетическое достоинство: живая, вибрирующая поверхность синевы помогала передать трепещущую световоздушную среду. Такие рисунки действительно и экономно готовили конкретные фигуры и открытые, залитые светом пространства венецианских ренессансных картин.

Совокупность этих наблюдений позволяет сформулировать итоговый тезис. Вне всякого сомнения, на выбор синей *papier chiné* венецианскими художниками около 1500 года влияли и доступность, и технические, и эстетические соображения – что ставит под вопрос безраздельное господство экономических факторов. Простое экономическое объяснение уступает тем самым место многофакторной модели, в

которой цена оказывается лишь одним из соображений – наряду с наличием материала, его техническими свойствами и его пригодностью для решения новых художественных задач [Цит. по 4, р. 83].

Проведённое исследование даёт основание пересмотреть саму исследовательскую установку в отношении синей бумаги. Сколь ни драгоценны Уставы Болоньи, нам стоит отступить от поиска истоков и обратиться к разнообразию вариантов, которыми располагали практикующие художники в данный момент и в рамках данной культуры. Перенос фокуса с генетического вопроса о происхождении на функциональный вопрос о выборе представляет собой принципиальный методологический сдвиг. Такой подход скорее откроет возможности, нежели сведёт объект к его реконструированному происхождению, и, вероятно, поставит новые вопросы о его функции и восприятии. Освобождая объект от жёсткой привязки к гипотетическому истоку, мы возвращаем ему полноту исторической жизни – с изменчивыми функциями, значениями и способами восприятия.

Отсюда вытекает и более общее понимание материальности художественного произведения. Материалы, употреблённые для рисунков, воплощают как инстинктивные, так и осознанные ценности; они отражают и создание рисунка в конкретном социальном и культурном контексте, и его дальнейшее восприятие во времени; эти значения не застыли, а динамичны, и их изучение обогащает исследование самих рисунков. Признание того, что материальные значения носят динамический, а не статический характер, превращает изучение основы в самостоятельную исследовательскую программу, столь

же плодотворную, как анализ стиля или иконографии. Работы на синей бумаге любого периода заслуживают пристального наблюдения. Поверхность бумаги, оставленные на ней отметины и взаимодействие между ними суть знаки, зовущие к истолкованию. В этом и заключён конечный тезис исследования: материальность синей бумаги – не безмолвный носитель изображения, а полноправный соучастник порождения смысла, и задача исследователя в том, чтобы, отведя этой материальности подобающее ей место, научиться прочитывать её знаки во всей их исторической и художественной полноте.

10. Sachet Paolo Exploiting antiquarian sale catalogues: a blueprint for the study of sixteenth-century books on blue paper' in: *La Bibliofilia*, CXXII, 2020. P. 465-480.

Список литературы / References

1. Bermingham Ann, *Learning to Draw: Studies in the Cultural History of a Polite and Useful Art*, New Haven & London: Yale University Press, 2000. 336 p.
2. Brückle Irene *The Historical Manufacture of Blue-Coloured Paper* // *The Paper Conservator*. 1993. Vol. 17. № 1. P. 20-31.
3. Burns Thea *Blue Paper: The Overlooked History of a Drawing, Printing and Writing Material 1400 – 1600*. London: Archetype Books. 2025. 168 p.
4. Burns Thea making space for the materiality of blue paper // Claude Laroque (dir.), Valérie Lee, Maryse Pierard, *Actes des journées d'étude Les filigranes, une marque à explorer* (organisée le 20 octobre 2018) et *Histoire du papier et de la papeterie – Actualités de la recherche* (organisée le 11 octobre 2019), Paris, site de l'HICSA, mis en ligne octobre 2020. 289 p., P. 70-84.
5. Cennino Cennini *Il libro dell'arte, o Trattato della pittura* / Di Cennino Cennini; Di nuovo pubbl., con molte corr. e coll'aggiunta di piu capitoli tratti dai codici fiorentini, per cura di Gaetano e Carlo Milanesi. – Firenze: Le Monnier, 1859. XXIX. 207 p.
6. Delamare François *Bleus en poudres. De l'art à l'Industrie, 5000 ans d'innovations*. Paris: Presses de l'École des mines de Paris. 2007. 422 p.
7. Giovanni da Modena (documented 1409 – 1455), *Corteo a cavallo con una principessa, due cavaliere e pagi*, Dresden, Kupferstich-Kabinett (C 150), illustrated in Lorenza Melli, *I Disegni Italiani del Quattrocento nel Kupferstich-Kabinett di Dresda*. Florence: Centro Di, 2006. P. 30-31.
8. Jeffares Neil 'Treatises & other historical texts related to pastels and pastellists, *Dictionary of Pastellists before 1800*, London: Unicorn Press, 2006. 758 p.
9. Messenger Marie and Rouchon Véronique *Damaged Blue Papers: Optimising Consolidation while Preserving Original Colour*. // *Journal of Paper Conservation*, IADA, 2013, 14 (2). HAL Archives ouvertes hal-01439838. Marie Messenger, D.C. Cayol, Thierry Aubry, P. Dal Pra and Véronique Rouchon, *L'album de Victor Poterlet: échantillons de broderies, de dentelles et de canivets collés sur un papier bleu, Support/Tracé*, 2012. № 12. P. 63-71.

Гаврилюк Н.П.

Кандидат исторических наук. Директор музея «Бузеон» ООО «Полотняно-Заводская бумажная мануфактура».

Дедиу Е.И.

Старший преподаватель кафедры истории Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского.

Региональная специфика писчебумажного производства Калужской губернии на рубеже XIX – XX веков: техническое оснащение, штрафная политика и социальные стандарты в сравнительной перспективе*

Аннотация. В статье на основе широкого круга архивных источников, прежде всего материалов фабричной инспекции Государственного архива Калужской области, а также опубликованных статистических данных и законодательных актов Российской империи, рассматривается региональная специфика писчебумажного производства Калужской губернии на рубеже XIX – XX веков. Авторы анализируют техническое оснащение предприятий, организацию труда, систему штрафования, социальную инфраструктуру и уровень заработной платы на фабриках В. Говарда и Д.Д. Гончарова в сопоставлении с общероссийскими и окружными показателями. Выявлены устойчивые отличия калужских предприятий: исключительная концентрация производства, пионерный характер внедрения машинных технологий, опережение общероссийского законодательства в области продолжительности рабочего дня (восьмичасовая смена уже в 1890-х годах) и возрастного ценза (приём с 15 лет против 10 лет по общероссийской норме), развитие социальной инфраструктуры (больницы, училища, библиотеки, бани, народный дом), а также кардинальное отличие штрафной политики – взыскания на калужских фабриках в десятки раз ниже общероссийских показателей (1,8 копейки на 100 рублей заработка против 70 копеек по Московской губернии и 20 копеек в среднем по стране). На этом основании делается вывод, что писчебумажное производство Калужского края представляло собой особый феномен российской индустриализации, в котором сочетались техническое лидерство, передовая социальная политика и система трудовых отношений, ориентированная на квалифицированного работника. Авторы также обосновывают нерепрезентативность общероссийских усреднённых данных и необходимость изучения каждого производства в его конкретности для адекватного понимания региональной промышленной динамики. Результаты исследования могут быть использованы в разработке проблематики региональной и отраслевой истории труда, а также в музейно-краеведческой и туристической деятельности Калужской области.

Ключевые слова: Калужская губерния, писчебумажная промышленность, фабричное законодательство, история труда, социальная инфраструктура, штрафная политика, Троицко-Кондровские фабрики В. Говарда, Полотняно-Заводская бумажная мануфактура, российская индустриализация, конец XIX – начало XX века.

Gavrilyuk N.P.

Candidate of Historical Sciences. Director of the «Buzeon» museum LLC «Polotnyany Zavod Paper Manufacture».

* © Гаврилюк Н.П., Дедиу Е.И., 2026.

Региональная специфика писчебумажного производства Калужской губернии на рубеже XIX – XX веков: техническое оснащение, штрафная политика и социальные стандарты в сравнительной перспективе

Dediu E.I.*Senior Lecturer, Department of History Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky.***Regional specifics of paper production in Kaluga governorate at the turn of the 19th – 20th centuries: technical equipment, penalty policy and social standards in comparative perspective**

Abstract. Based on a wide range of archival sources, primarily the materials of the factory inspectorate from the State Archive of Kaluga Oblast, as well as published statistical data and legislative acts of the Russian Empire, this article examines the regional specificity of paper production in Kaluga Governorate at the turn of the 19th – 20th centuries. The authors analyse the technical equipment of the enterprises, labour organisation, the system of fines, social infrastructure, and wage levels at the factories of W. Howard and D.D. Goncharov, comparing them with all-Russian and district indicators. Stable distinguishing features of the Kaluga enterprises are identified: exceptional concentration of production, pioneering character in the introduction of machine technologies, precedence over all-Russian legislation in terms of working hours (an eight-hour shift already in the 1890s) and the age threshold for hiring (admission from the age of 15, as against the all-Russian norm of 10 years), the development of social infrastructure (hospitals, schools, libraries, baths, a people's house), as well as a radical difference in fining policy – penalties at the Kaluga factories were tens of times lower than all-Russian indicators (1.8 kopecks per 100 roubles of earnings, as against 70 kopecks in Moscow Governorate and 20 kopecks on average nationwide). On this basis, it is concluded that paper production in the Kaluga region represented a distinctive phenomenon of Russian industrialisation, combining technological leadership, advanced social policy, and a system of labour relations oriented towards skilled workers. The authors also substantiate the non-representativeness of averaged all-Russian data and the necessity of studying each enterprise in its specificity for an adequate understanding of regional industrial dynamics. The results of the research can be used in the development of problems in regional and sectoral labour history, as well as in museum, local history and tourism activities in Kaluga Oblast.

Key words: Kaluga province, paper industry, factory legislation, labor history, social infrastructure, fine policy, Troitsko-Kondrovsky factories of V. Howard, Polotnyano-Zavodskaya paper mill, Russian industrialization, late 19th – early 20th centuries.

Изучение региональной специфики промышленного развития представляет собой одно из наиболее актуальных направлений современной исторической науки. На протяжении последних десятилетий исследовательский интерес всё более смещается от обобщённых картин общероссийского масштаба к детальному анализу отдельных предприятий, отраслей и локальных производственных центров. Такой подход позволяет не только уточнить и скорректировать устоявшиеся представления о состоянии индустрии Российской империи, но и выявить

те особенности, которые оставались скрытыми при рассмотрении статистических данных, усреднённых по стране в целом [35, С. 32 – 33].

Особое место в истории отечественной промышленности занимает писчебумажное производство Калужской губернии. Долгое время калужские фабрики находились в числе лидеров этой отрасли, а традиция изготовления бумаги, зародившаяся здесь ещё в петровскую эпоху, не прервалась и в наши дни. Не случайно именно в Калужской области создан и функционирует крупнейший в России музей истории бумаги

- музейный центр «Бузеон» в Полотняном Заводе, деятельность которого невозможна без углублённого научного изучения истории местных бумажных предприятий. Данная работа посвящена выявлению тех черт, которые отличали производство бумаги в Калужском крае от аналогичных предприятий в других регионах Российской империи на рубеже XIX - XX вв.

Прежде чем говорить о специфике калужских предприятий, необходимо очертить тот общероссийский фон, на котором эта специфика проявлялась. Российская промышленность в её мануфактурном облике зародилась в XVII в., а при Петре I создание производств приобрело характер государственной необходимости. Важнейшие отрасли - металлургия, деревообработка, полотняное дело - сложились в первые десятилетия XVIII в. Вслед за полотняными мануфактурами, как правило в непосредственной транспортной близости от них, возникали и бумагоделательные заведения [43, С. 161].

Начало отечественной бумажной промышленности связано с несколькими крупными производствами: в 1704 г. фабрика была основана на реке Яузе, в 1716 г. - в Дудергофе, в 1720 г. - за Галерным двором в Петербурге, и в том же году - в Полотняном Заводе. Уже в 1727 г. ярославская фабрика Саввы Яковлева изготовила продукции на 46 676 рублей, а несколько ранее, после 1720 г., на фабрике Короткова был установлен первый в России ролл для проката бумажной массы [43, С. 233].

Динамику отрасли удобно проследить по данным о годовом объёме выпуска: в 1761 г. - 107 тыс. рублей, в 1800 г. - 470 тыс. рублей, в 1850 г. при 159 фабриках - 3 225 тыс. рублей, а в 1879 г. уже при 126 фабриках - 9 568 тыс. рублей [43, С. 234]. Обращает на себя

внимание характерная закономерность: при сокращении числа фабрик объём производства многократно вырос. Это свидетельствует о переходе от количественного роста к качественному - процессе, связанном с отменой крепостного права, укрупнением предприятий и внедрением с середины XIX в. импортных машин и мощных паровых котлов. Технически отсталые производства, не сумевшие перейти на новые технологии, закрывались.

Дальнейшее развитие отрасли шло в русле общей индустриализации, характерной для периода 1880 - 1914 гг. [41]. Показательно, что рост суммарной стоимости произведённой в стране бумаги был стремительным: 1892 г. - 25 862 тыс. рублей, 1893 г. - 27 529 тыс., 1896 г. - 45 386 тыс., 1897 г. - 45 490 тыс., 1900 г. - 55 441 тыс. рублей, то есть более чем двукратное увеличение за восемь лет [49, С. 134].

Общее состояние российской промышленности этого периода нельзя охарактеризовать однозначно. Ряд исследователей указывает на сложность оценки темпов индустриального развития; Ю.П. Бокарев, в частности, приходит к выводу, что существующие индексы «существенно искажают динамику физического объёма промышленного производства Российской империи» [26]. Данные губернских статистических комитетов подвергались критике уже современниками, отмечавшими путаницу в категориях товаров и производств.

Существенным моментом, важным для понимания дальнейшего сравнения, было само определение понятия «фабрика». В официальной статистике учитывалась только продукция предприятий, обладавших определёнными признаками. Фабрикой считалось производство, на котором действовал хотя бы один двигатель. С 1890 г. действова-

ли «Правила относительно устройства, установки и содержания паровых котлов» [48]. А.Н. Быков вводил различие между типами котлов: открытый котёл, сообщающийся с атмосферой через прямую широкую трубу высотой не более семнадцати с половиной футов, законам о надзоре не подчинялся [27, С. 214]. Вторым критерием считалось наличие не менее пятнадцати рабочих, хотя обоснования этого числа не приводилось [26].

Следуя этим критериям, государственная статистика зафиксировала в 1900 г. в Российской империи 7 целлюлозных и 142 писчебумажные фабрики с 25 412 рабочими и 383 двигателями. Средняя структура расходов таких фабрик, по данным Союза писчебумажных фабрикантов, складывалась следующим образом: закупка сырья – 49 %, топлива – 13 %, заработная плата – 13 %, содержание администрации – 3,8 %, содержание зданий – 4,8 %, что в сумме давало около 84 % основных расходов [49, С. 140]. Крупные фабрики стабильно приносили прибыль: средние дивиденды по отрасли достигали 10 % [40]. Забегая вперёд, отметим, что дивиденды говардовских фабрик в начале XX в. составляли от 5 до 6 % [54, С. 25] – показатель ниже среднего, что само по себе является одной из региональных особенностей, заслуживающих объяснения.

Важной общероссийской проблемой оставалась высокая доля импорта: около 30 % бумаги, а также значительная часть сырья и практически все машины ввозились из-за границы [44, С. 285 – 300]. Отсутствие отечественного машиностроения для бумажной отрасли и нерешённость экологических вопросов, прежде всего спуска сточных вод, характеризовали положение большинства предприятий. При производ-

стве одной тонны бумаги расходовалось около 360 тонн воды [51, С. 439], что делало водные ресурсы критическим фактором размещения фабрик.

Отдельного рассмотрения заслуживает законодательная среда, в которой функционировали все без исключения предприятия империи. Ряд исследователей характеризует российское фабрично-заводское законодательство XIX – XX вв. как «лоббистское», состоящее из множества противоречивых и несвязанных постановлений [33, С. 20 – 38; 57, С. 6].

Начало этому корпусу законов положил акт от 1 июня 1882 г. «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах» [46, Т. 2. № 931], запретивший приём на работу детей младше 12 лет и ограничивший рабочий день малолетних восемью часами. Ключевым шагом стали «Правила о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих» от 3 июня 1886 г. [46, Т. 4. № 3769], впервые установившие письменную форму договора найма, право на получение заработной платы деньгами и обязанность вывешивать правила внутреннего распорядка. Именно этот закон ввёл институт штрафных капиталов – особых фондов, формировавшихся из взысканий с рабочих и расходующихся исключительно на их нужды с разрешения инспекции [27, С. 175 – 178].

Показательным для дальнейшего сравнения является общероссийский уровень штрафования: с 1901 по 1904 гг. взыскания составляли в среднем 20 коп. на каждые 100 рублей заработка при двух случаях на рабочего в год [27, С. 188]. Как будет показано ниже, эти данные коренным образом расходятся с ситуацией на калужских писчебумажных фабриках.

Закон от 2 июня 1897 г. сократил рабочее время до 11,5 часов в будни [46, Т. 17. № 14231], а «Правила о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев» от 2 июня 1903 г. установили ответственность предприятий за увечья. Именно переписка по этому закону составляет более половины всех материалов фабричной инспекции, связанных с калужскими бумажными фабриками. Таким образом, все предприятия империи действовали в единой правовой среде – и тем нагляднее выступают те отступления и опережения, которыми отличались калужские фабрики.

Первое, что отличает калужское бумажное производство от большинства регионов империи, – исключительная древность и непрерывность традиции. Появление бумаги как материала для письма на Руси относится к XIV в., а в Московском царстве её впервые изготовили при Иване IV [22, С. 37]. Развитие же местного производства связано с петровскими преобразованиями: одна из четырёх созданных Петром I полотняных мануфактур была открыта в тридцати километрах от Калуги, а с 1720 г. неизбежным спутником полотняного дела стало изготовление бумаги [25, С. 7]. В 1785 г. Я.А. Козловский построил Троицкую бумажную фабрику [55, С. 15].

Динамика числа предприятий в губернии заслуживает особого внимания, поскольку она в миниатюре повторяет – но с большей резкостью – общероссийскую тенденцию концентрации. В 1832 г. в Калужской губернии насчитывалось 33 фабрики различного размера, имевших оборудование для производства бумаги. На начало 1840-х гг. в регионе действовала тридцать одна фабрика с общим числом рабочих 4 270 человек и объёмом производства 433 857 ру-

блей серебром [42, С. 180 – 181]. Однако к 1907 г. в губернии осталось всего семь предприятий, связанных с изготовлением бумаги, и лишь три из них выпускали писчую бумагу [60]. Иными словами, концентрация производства здесь достигла почти предельной степени: из десятков мелких мануфактур выкристаллизовались несколько производственных гигантов.

Поворотным моментом стал приезд в 1840 г. на фабрику Аристархова на реке Луже английского специалиста Вильяма Говарда [38, С. 21]. В 1849 г. он арендовал Троицкую фабрику, а в 1853 г. приобрёл Кондровскую. С освоением Говардом новой самочерпки европейского производства фактически начинается история машинного производства бумаги в России [42, С. 184]. Здесь проявляется вторая отличительная черта калужского производства: именно оно, а не столичные предприятия, стало пионером механизированного бумажного дела в стране.

К началу XX в. бумажное производство Калужской губернии составляло около шестой части общероссийского объёма, а фабрики Говарда являлись крупнейшими в России. Об их известности свидетельствуют оценки современников. Э. Эггер в «Истории книги» отмечал, что самые известные писчебумажные фабрики в России – это фабрики Говарда в Калужской губернии и Варгунина под Петербургом; Троицко-Кондровская фабрика имела четыре самочерпальные машины и вырабатывала всевозможные сорта бумаги – до 1 200 пудов в сутки при годовом обороте до 2 000 000 рублей. А.А. Бахтияров приводит схожие сведения, добавляя, что на фабрике трудилось около 2 000 человек, большинство из которых имело квартиры от фабрики [24, С. 14 – 15].

Динамику роста производства Тро-

ицко-Кондровских фабрик наглядно демонстрируют данные, собранные Н.П. Аврамовым и извлечённые из материалов Государственного архива Калужской области. В 1883 г. на фабриках было выработано 293 550 пудов бумаги при годовом производстве 1 529 000 рублей, а спустя десятилетие, в 1893 г., выработка выросла до 332 836 пудов, а годовое производство – до 1 757 000 рублей. Дальнейший скачок оказался куда более стремительным: в 1903 г., когда на предприятиях трудилось от 1 740 до 1 822 человек, годовое производство достигло 2 864 492 рублей. В 1905 г. при сократившейся до 1 615 человек численности рабочих оно составило уже 2 909 499 рублей, а в 1906 г. при 1 701 работнике – 3 297 646 рублей [20, С. 226 – 239; 1; 6; 10].

Эти цифры выявляют парадокс, отличающий калужское производство от общей картины кризисных лет. В самые тяжёлые для российской экономики годы, включая период русско-японской войны, сопровождавшийся призывом нижних чинов и сокращением численности рабочих, объём производства не только не падал, но исключительно быстро рос. Более того, если за десятилетие с 1883 по 1893 гг. годовое производство увеличилось примерно на 15 % (со 1 529 000 до 1 757 000 рублей), то всего за три года – с 1903 по 1906 гг. – оно выросло почти на полмиллиона рублей. Иными словами, темпы роста в начале XX в. заметно опережали динамику конца XIX столетия. Этот рост обеспечивался последовательным развитием материальной базы, социальной инфраструктурой и внутренней мотивацией рабочих, гордившихся статусом создателей лучших образцов бумаги в России – победителей многочисленных промышленных выставок.

Техническое оснащение калужских

фабрик представляло собой третью, едва ли не важнейшую отличительную черту. Подробное описание фабрик в сёлах Кондрово и Троицкое оставил в 1903 г. Н.П. Аврамов. В 1890-х гг. старые машины были значительно улучшены, приобретены отделочные аппараты новейших типов, сооружено особое здание с целлюлозным заводом и мастерскими для выработки растительного пергамента, устроены собственные вспомогательные заводы – лесопильный, кирпичный и для выжиги извести [20, С. 235].

Перечень оборудования, работавшего в 1903 г., впечатляет: 2 тряпкорезки, 3 волк-машины, 11 тряпковарных котлов, 2 моечные машины, 33 чугунных роля, 14 отбельных ящиков, 40 сжег, 6 бегунов для древесной массы, 40 чугунных массовых ролей, 5 самочерпок, 8 каландров на 10 валах, 10 бумагорезательных и 7 стопорезательных машин [20, С. 226 – 239]. Принципиально важно наблюдение: таким объёмом оборудования могли похвастаться лишь единичные фабрики в Российской империи, и те находились в северо-западном районе страны. Для Центральной России наличие подобной технической базы было уникальным и превращало говардовские предприятия в важнейшего поставщика бумаги.

Уникальным для внутренней губернии был и характер снабжения сырьём, ориентированный на международные связи. Древесина для целлюлозы поставлялась из Финляндии, а тряпье, помимо традиционных закупок на окрестных ярмарках, крупными партиями ввозилось из Европы через Рижскую и Вержболовскую таможни; единовременные закупки достигали 30 тыс. пудов [12]. Таким образом, калужские фабрики были встроены в общеевропейские хозяйственные связи в боль-

шей степени, чем большинство провинциальных производств.

Аврамов характеризовал фабричные посёлки как «подобие небольших, но благоустроенных городков»: корпуса возводились из кирпича в один-два этажа, двигательная сила была преимущественно паровой, отчасти электрической и водяной, вместо газа применялось электрическое освещение, а топливом служили дрова, нефтяные остатки и торф, разрабатываемый на арендуемых участках средствами самих фабрик [20, С. 237]. Показательно развитие торфодобычи: если в 1888 г. отдельной группы рабочих, разрабатывающих болота, ещё не существовало, то в 1911 г. они уже отражены в табельной книге, а при Бучковском, Киселёвском и Улановском болотах числилось более восьми человек, за которыми наблюдал служащий с окладом 270 рублей в месяц [19]. Аналогичная практика существовала и на фабрике Гончаровых, выделявшей в 1916 г. на торфяные болота 78 рублей в месяц [14].

Сопоставление паровых котлов двух калужских предприятий подтверждает их стремление к техническому паритету. В мае 1912 г. Полотняно-Заводская фабрика в лице заведующего В.И. Яблонского просила разрешения на установку котла системы Бабкок и Вилькокс с поверхностью нагрева 166 кв. м, испарением 2 450 кг/ч и рабочим давлением 12 атмосфер [5; 7]. Годом ранее Компания Троицко-Кондровских фабрик приобрела котёл системы Бюттнера с поверхностью нагрева 200 кв. м, испарением 3 000 кг/ч и давлением 7 атмосфер [6]. Наличие сопоставимого оборудования открывало возможность многократно нарастить производство и в Полотняном Заводе.

Широта ассортимента калужских фабрик также отличала их от уз-

коспециализированных производств. Помимо писчей бумаги различной плотности здесь изготавливали бумагу почтовую, сорочечную, картонную, книжную, конвертную, альбомную, товарную, слоновую, александрийскую, литографную, телеграфную, оберточную и бумагу для патронов [15]. Последняя поставлялась на Тульский оружейный завод, что свидетельствует о вовлечённости предприятия в оборонное снабжение. Готовая продукция формировалась в кипы по десять стоп, а стопа по аналогии с фабриками Варгуниных составлялась из 480 листов [24, С. 14 – 15].

География сбыта имела общероссийский размах: склады фабрик Говарда располагались в Астрахани, Екатеринбурге, Киеве, а поставки шли в Министерство финансов Российской империи, в местные органы власти, в частности в Калужское губернское правление. Признание качества продукции подтверждается наградами: в 1882 г. на Всероссийской промышленно-художественной выставке фабрика была удостоена похвальной награды [30, С. 190], а в 1900 г. на Всемирной выставке в Париже завоевала главный приз [20, С. 237]. Характерна и деловая культура: когда фабричный инспектор направил образцы на обе калужские фабрики, из Полотняного Завода пришёл простой отказ, а из Кондрово – письмо с анализом образца и предложением о сотрудничестве [8; 9].

Одно из наиболее ярких отличий калужского производства заключалось в развитости социальной сферы, которую сами современники ставили в пример. С 1890-х гг. в связи с развитием законодательства и осознанием частью промышленников ответственности за наёмных рабочих начинается активное благоустройство фабричных посёлков.

Большая часть рабочих происходила из крестьян окрестных сёл и, что важно, «живёт в собственных домах, не отрываясь фабричным трудом от полевого хозяйства» [20, С. 238]. Одна треть рабочих и служащих пользовалась даровыми помещениями от фабрик; было построено несколько артельных домов, а для служащих отведены квартиры с отоплением и освещением. Фабричные жилые помещения занимали 197 семей, а на содержание жилого фонда в 1904 г. было израсходовано 8 180 рублей 53 копейки [11].

Особенно развитой была медицинская помощь. Больница в Кондрово открылась ещё в 1870 г. [29, С. 2]. Если в 1882 г. в ней работали три медицинских работника [17], то в 1905 г. больница на 20 коек имела отдельные помещения для заразных, операционную, ванную и комнату для рожениц; на её содержание в 1904 г. было потрачено 8 985 рублей 88 копеек, коечное лечение прошли 240 человек, амбулаторно и на дому обслужено 1 800 человек [11]. К 1911 г. при больнице работало уже тринадцать человек, в том числе два врача [18].

Развивались образование и досуг. В 1903 г. работали два двухклассных училища с пятилетним курсом, где обучалось 450 учеников при 10 учителях [20, С. 239], а в 1905 г. – уже 461 ученик при одиннадцати учителях, с годовыми расходами владельцев 5 771 рубль 59 копеек [11]. Действовали четыре библиотеки, проводились «чтения с волшебным фонарём», собиравшие почти 5 000 посетителей в год – что, впрочем, косвенно указывает на невысокий уровень грамотности рабочих. Бани, стоившие до 1905 г. 5 копеек в месяц, впоследствии стали бесплатными; на их содержание выделялось 9 619 рублей 19 копеек в год [11].

Кульминацией социальной поли-

тики стало открытие народного дома в 1916 г., заложенного в честь юбилея трудовой деятельности директора фабрик Я.Г. Хинчина. В поздравительном адресе правление писало, что заветной мечтой Хинчина было «устройство народного дома, где бы рабочие могли проводить свободное время в разумных развлечениях», и постановило ассигновать на строительство 25 000 рублей [45]. Этот документ ценен ещё и тем, что фиксирует официально декларируемое убеждение владельцев: «благополучное состояние рабочих в промышленном деле играет первостепенную роль».

Если социальная сфера отличала калужские фабрики в положительную сторону количественно, то система штрафования выявляет качественное расхождение с общероссийской нормой. Напомним, что по стране в целом взыскания составляли около 20 коп. на 100 рублей заработка при двух случаях на рабочего в год [27, С. 188]. По Московской губернии на 1 января 1910 г. штрафной капитал в бумажном и полиграфическом производстве достигал 28 074 рублей 15 копеек, в среднем 2 рубля 17 копеек на рабочего, или 70 копеек на каждые 100 рублей заработка; за 1909 г. было зафиксировано 1 335 случаев штрафования [36, С. 62 – 66].

Картина на говардовских фабриках оказывается совершенно иной, нежели в среднем по стране. Несмотря на то что здесь трудилось около 1 740 человек при общем заработке более 300 тыс. рублей в год – то есть масштаб был примерно в десять раз меньше всей бумажной промышленности Московской губернии, – суммы штрафных капиталов находились в обратной пропорции. На Кондровской фабрике штрафной капитал составлял всего 23 рубля 80 копеек, что равнялось 0,01 % от общей заработной платы, или 2,5 копейки на одного рабо-

чего, и лишь 1,3 копейки на каждые 100 рублей заработка. На Троицкой фабрике показатели были немногим выше: 35 рублей, или 0,02 % от общего фонда оплаты труда, что давало 4 копейки на рабочего и 2,3 копейки на 100 рублей заработка. В совокупности штрафной капитал обеих фабрик достигал 58 рублей 80 копеек – 0,02 % от общей заработной платы, или в среднем 3 копейки на рабочего и всего 1,8 копейки на каждые 100 рублей заработка [Подсчитано по: 1].

Таким образом, сумма годового штрафования оказывалась меньше месячной заработной платы даже низкоквалифицированного рабочего, а в масштабах предприятия такого размера она была практически неощутима. Столь же ничтожным было и количество наложенных взысканий. Даже в бурном 1905 г. на фабриках было зафиксировано всего 77 штрафов. За неисправную работу было наложено лишь два штрафа со средней суммой 35 копеек, за прогул – одиннадцать штрафов по 25 копеек в среднем, а за нарушение порядка – семнадцать штрафов по 20 копеек, что в сумме составило тридцать взысканий со средней суммой 27 копеек [1].

Общее число штрафов едва превышало 1 % от численности рабочих, а то обстоятельство, что за неисправную работу было наложено лишь два взыскания, красноречиво свидетельствует о высокой квалификации рабочих и доверии к ним мастеров. Приходится констатировать, что система штрафования на калужских фабриках практически не использовалась – тогда как в среднем по отрасли на 100 рублей заработка приходилось в 40 – 50 раз больше взысканий (1,8 копейки против 70 копеек). Это одно из самых убедительных статистических подтверждений своеобразия организации труда в Калужском крае.

Ещё одна принципиальная особенность связана с продолжительностью рабочего дня. Общероссийский закон 1897 г. установил максимум в 11,5 часов, тогда как на Полотняно-Заводской фабрике владелец Д.Д. Гончаров, тяготивший в политических взглядах к социал-демократии, ещё в конце XIX в. ввёл восьмичасовой рабочий день. Это опережение законодательства почти на два десятилетия побуждало рабочих Троицкой и Кондровской фабрик требовать аналогичного отношения: «Почему вот на писчебумажной фабрике Гончарова сам хозяин ввёл три смены в сутки и восьмичасовой рабочий день, и есть доходы, а у вас, на самых крупных в России фабриках, и нет дохода» [47, С. 2].

После серии забастовок в марте 1897 г. восьмичасовой день был введён и на говардовских фабриках, хотя лишь для сменных рабочих. Масштаб этого достижения виден из того, что на начало 1907 г. во всей Калужской губернии было только два предприятия с восьмичасовым рабочим днём, причём вторым являлся цементный завод Мальцовских заводов в Дяткове Орловской губернии [3]. Закономерно, что наиболее развитая отрасль оказывалась прогрессивнее прочих и в трудовом законодательстве: сокращение рабочего дня с 12 часов в 1885 г. на треть менее чем за пятнадцать лет нельзя не считать серьёзным достижением.

Специфика Калужской губернии проявляется в её пограничном положении. Географически она близка к Москве, но исторически представляет собой классическую провинцию, а административно её промышленность в рассматриваемый период относилась к Харьковскому округу. Разница показателя: средняя заработная плата в Харьковском округе в 1901 и 1913 гг. составляла 191 рубль 68 копеек и 286 рублей

28 копеек, тогда как в Московском – лишь 175 рублей 30 копеек и 218 рублей 95 копеек [34]. Столь значительный разброс подтверждает, что общероссийские усреднённые данные оторваны от реальности конкретных предприятий и что для калужских фабрик неправомерно механически применять московские ориентиры.

Общероссийская динамика зарплат в писчебумажной промышленности показывает устойчивый рост. В период депрессии 1880-х гг. годовой заработок колебался около 180 – 190 рублей: в 1885 г. он составлял 184,3 рубля, в 1888 г. поднимался до 193,1 рубля, а в 1889 г. опускался до 179,6 рубля. В фазу подъёма 1890-х гг. заработки оставались на сходном уровне, постепенно возрастая к концу десятилетия – от 175,8 рубля в 1890 г. до 190,6 рубля в 1899 г. Кризис 1900 г. неожиданно сопровождался повышением заработка до 204 рублей, а в последующие годы рост продолжился: 202,88 рубля в 1901 г., 213,92 рубля в период застоя 1904 г., 244,66 рубля в 1908 г. и, наконец, 263,6 рубля в 1913 г. [61, С. 118; 34]. Примечательно, что заработок рос практически независимо от экономических кризисов и войн, которые вела Россия.

Динамику оплаты на самих говардовских фабриках раскрывают табельные книги. С 1888 по 1911 гг. заработок высшего руководства резко вырос: если в сентябре 1888 г. управляющий А.А. Степун получал 500 рублей в месяц, то в октябре 1911 г. управляющий и технический директор Я.Г. Хинчин – уже 1 200 рублей, то есть на 240 %. Сопоставимо выросли и оклады других служащих: бухгалтер стал получать вместо 300 рублей 700 (рост на 233 %), механик – вместо 350 рублей 700 (200 %), писчебумажный мастер – вместо 300 рублей 550 (183 %), а жалованье смотрите-

ля увеличилось наиболее заметно – с 50 до 150 – 170 рублей, то есть более чем в три раза [15; 16].

Совершенно иначе складывалась судьба рабочих. Их поденная оплата за те же годы почти не изменилась, а по ряду должностей даже снизилась. Так, заработок у самочерпки вырос лишь со 125 до 130 копеек в день (на 4 %), плата у пресса осталась прежней – 40 копеек, а оплата труда у сушки сократилась с 90 до 65 – 75 копеек, то есть до 78 % от прежнего уровня. Вместе с тем некоторые операции стали цениться выше: оплата тряпковарки поднялась с 50 до 50 – 70 копеек (на 20 %), а сортировка брака – с 15 до 30 копеек, то есть вдвое [15; 16].

В итоге за четверть века доход служащих говардовских фабрик вырос в среднем почти вдвое – примерно до 196 %, тогда как заработок рабочих увеличился лишь на 11 %, причём отдельные должности потеряли в оплате. Однако этот на первый взгляд неблагоприятный показатель требует корректировки. Во-первых, наиболее сложные и ответственные виды работ стали оплачиваться лучше. Во-вторых, к 1911 г. рабочие пользовались льготами – бесплатной баней, обучением детей, товарами из фабричной лавки, – которые учитывались при подсчёте заработка. В-третьих, если в 1888 г. значительную часть заработка рабочих мог утратить через штрафы, то к 1911 г. введение штрафных капиталов сделало эти потери минимальными. Иными словами, на калужских фабриках реальное благосостояние рабочего складывалось из совокупности денежных и неденежных факторов в большей мере, чем на предприятиях, ограничивавшихся денежной оплатой.

Неоднородность рабочей среды подтверждают и данные о поденной

оплате по уездам губернии за 1907 г. Разброс оказывался колоссальным. В Медынском уезде, где располагались сами говардовские фабрики, поденная плата мужчин составляла зимой 40 – 50 копеек, а летом от 40 до 75 копеек. В Козельском уезде мужчины получали 85 копеек зимой и 60 копеек летом, в Малоярославецком и Лихвинском – по 90 копеек круглый год, в Тарусском – по 100 копеек, а в Мещовском оплата достигала 100 копеек зимой и целых 200 копеек летом [2; 4]. При этом в Мосальске и Перемышле сведений о заработной плате вообще не имелось, а в самом Медынском уезде подавались два противоречащих друг другу варианта данных, что указывает либо на неосведомлённость чиновников, либо на несерьёзное отношение к запросам фабричной инспекции – учреждения, не имевшего влияния на другие органы власти. Всё это подтверждает тезис о нерепрезентативности общегубернских и общероссийских усреднений и о необходимости изучения каждого производства в отдельности.

Наконец, своеобразие калужского производства проявилось и в регламентации трудового процесса. Правила внутреннего распорядка Троицко-Кондровских фабрик от 1 апреля 1904 г. [13] в целом следовали закону 1886 г., но содержали и отступления, свойственные наиболее прогрессивному производству. Впервые такие правила были вывешены в декабре 1896 г. и вызвали возмущение рабочих положением о необходимости отрабатывать воскресные дни в будни; по воспоминаниям А.И. Почтарёва, рабочие в присутствии инспектора Болдырева сорвали и разорвали правила с криками «Правила незаконные!» [47, С. 2].

Труд делился на сменный, денной, вспомогательный и сверхурочный.

Сменные рабочие (около трети коллектива – 597 из 1 754 человек в 1905 г.) работали в три восьмичасовые смены, причём ночная смена комплектовалась только из взрослых в соответствии с законом. Денные рабочие трудились с 05:30 до 18:00, то есть 11 часов, с перерывами на завтрак и обед. Сверхурочные работы регламентировались законом 1897 г. и фиксировались инспектором; за отказ от них рабочие не подвергались взысканиям [13].

Наиболее показательным отличием от общероссийской практики был возрастной ценз при приёме. В отличие от других российских фабрик, куда после 1890 г. без затруднений брали детей от 10 лет, на Троицко-Кондровские фабрики принимали подростков только старше 15 лет [13]. Договор о найме заменялся выдачей расчётной книжки установленного образца, что также поощрялось законом. Заработная плата выдавалась дважды в месяц после вычетов, среди которых потенциально наибольшим были долги в фабричную лавку, способные поглотить весь заработок. Именно фабричная лавка, обладавшая монополией на продажу продуктов иногородним рабочим, служила предметом наиболее острой критики и во время стачек нередко подвергалась разгрому.

Правила предусматривали развитую систему техники безопасности: запрещалось браться за незнакомую работу, пользоваться инструментами не по назначению, меняться работой, находиться в опасных местах – во многом для того, чтобы фабриканты не попадали под действие закона 1903 г. о вознаграждении за увечья. Строго воспрещались курение и открытый огонь, хотя отдельной пожарной команды не существовало, а системой оповещения служил свисток. Обязательными были

бесплатное обращение в больницу и – с 1905 г. – бесплатное пользование баней для рабочих и их семей.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что писчебумажное производство Калужской губернии обладало рядом устойчивых черт, отличавших его от аналогичных предприятий других регионов Российской империи. Эти отличия проявлялись как в исторической, так и в производственной, социальной и организационной плоскостях.

Во-первых, калужское производство отличалось исключительной древностью и непрерывностью традиции, восходящей к 1720 г., а также предельной степенью концентрации: из трёх десятков мануфактур начала XIX в. к 1907 г. осталось лишь три писчебумажные фабрики, две из которых – Троицкая и Кондровская – стали крупнейшими в России. Именно калужские предприятия, а не столичные, оказались пионерами машинного производства бумаги в стране.

Во-вторых, техническое оснащение говардовских фабрик было уникальным для Центральной России и сопоставимым лишь с предприятиями северо-западного района. Ориентация на импорт финской древесины и европейского тряпья, наличие собственных вспомогательных заводов и мощных паровых котлов обеспечивали устойчивый рост производства даже в кризисные годы, что резко контрастировало с общей картиной застоя в отрасли.

В-третьих, социальная инфраструктура калужских фабрик – больницы, училища, библиотеки, бани, артельные дома и народный дом – намного превосходила средний уровень и воспринималась современниками как образец благоустроенного фабричного посёлка.

В-четвёртых, наиболее убедительным статистическим доказательством

своеобразия организации труда служит система штрафования: на калужских фабриках взыскания составляли около 1,8 копейки на 100 рублей заработка против 70 копеек по Московской губернии и 20 копеек в среднем по стране, то есть были ниже в десятки раз.

В-пятых, калужские предприятия опережали общероссийское законодательство: восьмичасовой рабочий день был введён на фабрике Гончарова ещё до законодательного сокращения рабочего времени, а возрастной ценз при приёме (не моложе 15 лет) превышал общероссийскую норму.

Вместе с тем следует признать, что заработная плата рабочих в денежном отношении оставалась на сравнительно невысоком уровне, а реальное благосостояние обеспечивалось совокупностью денежных выплат, социальных льгот и отсутствия штрафных удержаний. Анализ показал также глубокую нерепрезентативность общероссийских и даже общегубернских усреднённых данных, что подтверждает необходимость изучения каждого производства в его конкретности.

Таким образом, писчебумажное производство Калужского края представляло собой особый феномен, в котором сочетались общероссийские тенденции индустриализации и ярко выраженная региональная специфика – техническое лидерство, развитая социальная политика и мягкая, ориентированная на квалифицированного работника система организации труда. Результаты исследования могут быть использованы при разработке проблематики региональной и отраслевой истории труда, а также для развития музейно-краеведческой и туристической привлекательности Калужской области.

Список литературы / References

1. ГАКО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 165.
2. ГАКО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 208. Л. 15.
3. ГАКО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 208. Л. 17.
4. ГАКО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 208. Л. 18.
5. ГАКО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 243.
6. ГАКО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 244.
7. ГАКО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 290.
8. ГАКО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 1208. Л. 84.
9. ГАКО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 1208. Л. 85.
10. ГАКО. Ф. 102. Оп. 2. Д. 13.
11. ГАКО. Ф. 102. Оп. 2. Д. 13. Л. 25.
12. ГАКО. Ф. 102. Оп. 2. Д. 13. Л. 37.
13. ГАКО. Ф. 102. Оп. 2. Д. 13. Л. 106.
14. ГАКО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 20. Л. 11.
15. ГАКО. Ф. 179. Оп. 1. Д. 18.
16. ГАКО. Ф. 179. Оп. 1. Д. 26.
17. ГАКО. Ф. 179. Оп. 1. Д. 26. Л. 3.
18. ГАКО. Ф. 179. Оп. 1. Д. 383. Л. 3.
19. ГАКО. Ф. 179. Оп. 1. Д. 383. Л. 19.
20. Аврамов Н.П. Троицко-Кондровские писчебумажные фабрики Ко В. Говарда / Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1905 год. Издание Губернского Статистического Комитета под ред. члена-секретаря И.П. Балабанова, – Калуга, 1904. 263 с.
21. Актуальные вопросы истории бумаги и бумажного производства: К 40-летию со дня выхода в свет книги З.В. Участкиной «Из истории российских бумажных мануфактур и их водяных знаков»: Материалы и сообщ. первых науч. чтений / [Редкол.: А.П. Балаченко (отв. ред.) и др.]; М-во образования Рос. Федерации, С.-Петерб. гос. технол. ун-т растит. полимеров. – СПб.: Ист. ил., 2003. 98 с.
22. Балаченко А.П. История бумаги и бумажного производства: учебное пособие и хрестоматия / СПб ГТУРП. – СПб., 2011. 52.
23. Балицкий Г.В. Фабричное законодательство в России. – Москва: Книгоизд-во «Труд и Воля», 1906. 96 с.
24. Бахтиаров А.А. Как и из чего делается бумага: (Писчебумаж. пр-во): Крат. описание пр-ва и выделки различ. сортов почт., писчей и печ. бумаги / Сост. А. Бахтиаров. – Санкт-Петербург: журн. «Техника, ремесла и с.-х. архитектура», 1905. 15 с.
25. Бессонов В.А., Новиков В.И. Три века усадьбы Полотняный Завод. Смоленск. Русская усадьба. 2012. 96 с.
26. Бокарев Ю.П. Темпы роста промышленного производства в России в конце XIX – начале XX в / Ю.П. Бокарев // Экономический журнал. 2008. № 1 (11). С. 158-190.
27. Быков А.Н. Фабричное законодательство и развитие его в России: [В 2-х ч.]: Лекции, чит. в СПб. политехникуме и в Технол. ин-те в 1908 – 9 учеб. г. / А.Н. Быков. – СПб.: тип. «Правда», 1909. 282 с.
28. Гаврилюк Н.П. Региональное писчебумажное производство Российской империи в XVIII – начале XX веков: факторы развития и эволюции / Н.П. Гаврилюк, В.В. Сорочан // Культура Мира. 2024. Т. 12. № 41 (6). С. 189-199.
29. Из истории Кондровской центральной больницы // Новое время (Кондрово). 2007. 17 июля.
30. Иллюстрированное описание Всероссийской художественно-промышленной выставки в Москве 1882 г.: [альбом 179 рисунков и 16 портретов, исполненных лучшими художниками журнала «Всемирная иллюстрация», с подробным описанием выставленных предметов всех групп...]. – С.-Петербург, Москва: Герман Гоппе, 1882. 256 с.
31. Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX в.) – Москва: Наука, 1979. 287 с.
32. Кирьянов Ю.И. Мотивация фабрично-заводского труда в России в зеркале профсоюзной прессы 20-х годов XX в. // Экономическая история. Обзорение / под ред. Л.И. Бородинки. 2001. Вып. 7. С. 13-26.
33. Кирьянов Ю.И. Фактор мотивации труда в российском фабрично-заводском законодательстве. 1835 – 1917 гг. // Экономическая история. Обзорение / под ред. Л.И. Бородинки. 2000. Вып. 4. С. 20-38.
34. Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX в.) Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра ист. наук, (07.00.02). – Москва 1979. 77 с.
35. Ковальченко И. Методы исторического исследования. – М.: Наука, 1987. 440 с.
36. Козьминных-Ланин И.М. Продолжительность рабочего дня и рабочего года на фабриках и заводах Московской губернии // [Соч.] Инж. И.М. Козьминных-Ланина. – Москва: Постоян. комис. Музея содействия труду при Моск. отд-нии Импер. Рус. техн. о-ва, 1912. 15 с.
37. Малинин Д.И. Неизданные рукописи / Д.И. Малинин; Упр. культуры, образования и спорта г. Калуги, Калужский обл. краеведческий музей, Гос. арх. Калужской обл. – Калуга: Золотая аллея, 2010. 503 с.
38. Малинин Д.И. Калуга: опыт ист. путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии / Дмитрий Иванович Малинин; [вступ. ст. А.В. Лиона; коммент. А.К. Ларина [и др.]; Федер. целевая программа «Культура России»]. – Калуга: Золотая аллея, 2004. 274 с.
39. Малкин И.Т. История бумаги / Акад. наук СССР. – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1940. 192 с.
40. Муравьева Л.А. Экономическое развитие России во второй половине XIX – начале XX в. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskoe-razvitiye-rossii-vo-vtoroy-pолоvine-xix-nachale-xx-veka> (Дата обращения: 15.05.2026)
41. Обсуждение лекции С.В. Ильина «Промышленное развитие России от конца XIX в. до начала сталинского Великого перелома» // Конференции, дискуссии, материалы. 2004. С. 115-164.
42. Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1861 г. / под редакцией П. Щепетова-Самгина. – Калуга : Калужский губ. стат. ком., 1861 – 1917, 1861. 391 с.
43. Писчебумажное дьло: Ежемесячный журнал. Издание Союза писчебумажных фабрикантов в России. Подъ редакцией Н.А. Рызцова. СПб., 1915.
44. Писчебумажное дьло: Ежемесячный журнал. Издание Союза писчебумажных фабрикантов в России. Подъ редакцией Н.А. Рызцова. СПб., 1916.
45. Поздравительный адрес по случаю двадцатипятилетия службы Якову Григорьевичу Хинчину от Правления Компании Троицко-Кондровских писчебумажных фабрик В. Говарда. Москва, 6 декабря 1912 года. URL: <https://hisdoc.ru/varia/26507/> (Дата обращения: 15.05.2026)
46. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е: Полное собрание законов Российской Империи, по воле государя императора Николая Первого издаваемое: в 33 т. – Санкт-Петербург: Гос. тип., 1885 – 1916.
47. Почтарёв А.И. Рабочее движение в Говардовском районе // Коммуна. 1925. № 102.
48. Правила относительно устройства, установок и содержания паровых котлов, а также о порядке освидетельствования оных и Наказ чинам фабричной

инспекции. – Неофиц. изд. – Владимир на Клязьме: Типо-лит. губ. зем. управы, 1894. 51 с.

49. Развитие и современное состояние писчебумажного дела в России // Писчебумажное дело: Ежемесячный журнал. Издание Союза писчебумажных фабрикантов в России. Под редакцией Н.А. Рязцова. – СПб.: 1904.

50. Различные способы оплаты труда рабочих // Писчебумажное дело: Ежемесячный журнал. Издание Союза писчебумажных фабрикантов в России. Под редакцией Н.А. Рязцова. – СПб.: 1906.

51. Расход воды писчебумажными фабриками // Писчебумажное дело: Ежемесячный журнал. Издание Союза писчебумажных фабрикантов в России. Под редакцией Н.А. Рязцова. – СПб.: 1904.

52. Резцов Н.А. Бумага в России / Н.А. Резцов. – Санкт-Петербург: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1910-1912. Том 3: Писчебумажная промышленность. 1912. 67 с.

53. Романова Т.В. В борьбе за рабочее дело / Т. Романова; [Предисл. Б. Шевченко]. – Тула: Приок. кн. изд-во, 1983. 159 с.

54. Сведения о доходности русских писчебумажных фабрик // Писчебумажное дело: Ежемесячный журнал. Издание Союза писчебумажных фабрикантов в России. Под редакцией Н.А. Рязцова. – СПб.: 1904.

55. Сидоренков А.И. Она вошла в историю веков: Троицкая бумажная фабрика: 230 лет со дня пуска в действие. – Тула, 2016. 238 с.

56. Сидоренков А.И. Полотняный Завод: Исторические этюды. – Калуга: Издательство «Гриф», 2008. 272 с.

57. Смирнова Ю.Б. История предпринимательства. Раздел «Мотивация труда в российской промышленности (вторая половина XIX – начало XX в.)»: текст лекций / Смирнова Ю.Б., Шильникова И.В.; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное агентство по образованию, Ярославский гос. ун-т им. П.Г. Демидова. – Ярославль : ЯрГУ, 2005. 88 с.

58. Смирнова Ю.Б., Шильникова И.В. Система наказаний на Ярославской Большой мануфактуре во второй половине XIX – начале XX вв. // Экономическая история. Обзорение / Под ред. Л.И. Бородкина. 2002. Вып. 8. С. 11-22 // URL: <https://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB8/smironova.htm> (Дата обращения: 15.05.2026)

59. Соколов А.К. Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917 – середина 1930-х годов) // URL: <https://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB4/sokolov.htm> (Дата обращения: 15.05.2026)

60. Список фабрик и заводов Российской империи: Сост. по офиц. сведениям Отд. пром-сти М-ва торговли и пром-сти под ред. В.Е. Варзара. – Санкт-Петербург: тип. В.Ф. Киршбаума, 1912. – 720 с.

61. Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России / Акад. С.Г. Струмилин. – Москва: Соцэкгиз, 1960. 548 с.

62. Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. Глава пятая. Отношение общества и литературы к фабрике в новейшее время. // URL: <https://statehistory.ru/books/M-I--Tugan-Baranovskiy-Russkaya-fabrika-v-proshlom-i-nastoyashchem--Istoricheskoe-razvitiye-russkoy-fabriki-v-XIX-veke/20> (Дата обращения: 12.05.2026)

Культурология

CULTURAL STUDIES

Трунова Е.Е.

Студент. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)».

Научный руководитель:**Воловецкая Д.Н.**

Старший преподаватель. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)».

Применение инклюзивного дизайна в цифровом пространстве*

Аннотация. В статье рассматривается инклюзивный дизайн как подход к проектированию цифровой среды, обеспечивающий доступность интерфейсов для пользователей с различными возможностями. Цель исследования – определить влияние инклюзивных проектных решений на вовлеченность пользователей и оценить степень соответствия современной практики требованиям цифровой доступности. Исследование основано на анализе международных и российских нормативных документов, отраслевых исследований и публикаций по теме. Установлено, что несмотря на развитие нормативной базы, уровень доступности веб-среды остаётся недостаточным, сделан вывод, что инклюзивный дизайн является не только инструментом социальной интеграции, но и фактором повышения эффективности цифровых продуктов.

Ключевые слова: инклюзивный дизайн, цифровая доступность, пользовательский интерфейс, WCAG, вспомогательные технологии, цифровое неравенство.

Trunova E.E.

Student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “A.N. Kosygin State University of Russia (Technology. Design. Art)”.

Academic Supervisor:**Volosetskaya D.N.**

Senior Lecturer, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “A.N. Kosygin State University of Russia (Technology. Design. Art)”.

Application of inclusive design in digital space

Abstract. The article examines inclusive design as an approach to designing a digital environment that ensures the accessibility of interfaces for users with various abilities. The aim of the study is to determine the impact of inclusive design solutions on user engagement and to assess the degree to which current practices meet the requirements for digital accessibility. The study is based on an analysis of international and Russian regulatory documents, industry studies, and publications on the topic. It has been established that, despite the development of the regulatory framework, the level of accessibility of the web environment remains insufficient. It is concluded

* © Трунова Е.Е., Воловецкая Д.Н., 2026.

Применение инклюзивного дизайна в цифровом пространстве

that inclusive design is not only a tool for social integration but also a factor in increasing the effectiveness of digital products.

Key words: inclusive design, digital accessibility, user interface, WCAG, assistive technologies, digital divide.

Введение

Цифровые сервисы стали основным инструментом получения государственных, коммерческих и социальных услуг. В этих условиях доступность интерфейсов приобретает особое значение, поскольку ошибки проектирования способны ограничивать доступ пользователей к информации и цифровым сервисам.

Масштаб задачи определяется демографией: по оценке Всемирной организации здравоохранения, значительные ограничения жизнедеятельности испытывают около 1,3 млрд человек, то есть примерно 16% населения планеты [1]; в России на начало 2025 года на учете состояли 11,1 млн человек с инвалидностью – 7,6% населения страны, однако сводить проблему к статистике инвалидности было бы упрощением. Ограничение способностей нередко носит временный характер: в каждом из случаев человек попадает в положение, для которого сайт, спроектированный по усредненному образцу, не приспособлен, хотя нормативная база при этом сформирована давно. Несмотря на сформированную международную и российскую нормативную базу в области цифровой доступности, уровень соответствия веб-ресурсов установленным требованиям остаётся недостаточным. Согласно отчёту WebAIM Million (2026), нарушения критериев WCAG выявлены на 95,9% главных страниц наиболее посещаемых сайтов – это свидетельствует о сохраняющемся разрыве между нормативными требованиями и

практикой их реализации [2].

Цель статьи – определить влияние инклюзивных проектных решений на вовлеченность пользователей и оценить соответствие современной практики требованиям цифровой доступности.

Задачи работы: уточнить содержание понятия «инклюзивный дизайн»; сопоставить международные и российские нормативные документы; описать работу вспомогательных технологий; оценить фактическое состояние доступности веб-среды, включая русскоязычный сегмент; проанализировать примеры внедрения.

Объектом исследования выступает цифровое пространство как среда взаимодействия пользователя и информации, предметом – приемы и принципы инклюзивного дизайна.

Гипотеза состоит в том, что инклюзивный дизайн служит одновременно культурной нормой, закрепляющей право на равный доступ, и инструментом расширения аудитории, приносящим измеримый коммерческий результат.

Материалы и методы

Эмпирическую базу составили группы источников, базирующихся на международных и российских нормативных актах, а также научных публикациях. Применялись сравнительный анализ нормативных документов разных юрисдикций, вторичный анализ статистических данных, разбор отдельных случаев внедрения и типологизация.

Литературный обзор

Понятие инклюзивного дизайна оформилось в Европе, подход которой известен под названием Design for All, в США – Universal Design: Э.К. Наберушкина, Е.А. Радченко и Е.Р. Мирзаева, анализируя оригинальные тексты зарубежных источников, приходят к выводу, что инклюзивный дизайн остается новым и развивающимся направлением, направленным на устранение дискриминации, стигматизации, эксклюзии и социальной разобщенности, то есть решающим задачи за пределами эргономики [3].

Отечественные публикации до недавнего времени концентрировались на городской среде и системе образования; работы о собственно цифровом интерфейсе появляются позже и пока немногочисленны.

Т.Е. Давыдова рассматривает инклюзивный дизайн применительно к взаимодействию банков и граждан с ограниченными возможностями здоровья, трактуя его как предиктор повышения доверия населения к финансовым институтам [4], когда как А.В. Казакова и Е.Д. Гришина исследуют проектирование для людей с когнитивными нарушениями и уделяют основное внимание методу совместного дизайна, при котором разработчики, эксперты и конечные пользователи работают над продуктом вместе [5]. Обзор позволяет выделить нерешенный вопрос: количественная оценка того, насколько они реализуются в русскоязычном сегменте сети, в отечественной литературе почти не представлена: настоящая работа частично восполняет этот пробел.

Результаты

1. Содержание понятия и формирование направления

Применительно к дизайну инклю-

зивность означает отказ от представления о существовании единственного универсального решения, пригодного для всех без исключения – доступность описывает свойство готового продукта и проверяется по формальным критериям, тогда как инклюзивность характеризует способ организации самой разработки.

Формирование направления началось в середине XX века, когда в США, странах Европы и Японии распространился безбарьерный дизайн, устранявший препятствия в искусственной среде, поэтому принятый в 1973 году в США Закон о реабилитации закрепил представление о доступности среды как об условии соблюдения гражданских прав, а поправки 1998 года распространили эти требования на информационные технологии, приобретаемые федеральными ведомствами; с этого момента доступность перестала быть исключительно архитектурной категорией. Демографические процессы XXI века усилили внимание к теме: старение населения означает рост доли людей, у которых острота зрения, слух и мелкая моторика постепенно снижаются, возможность настроить цифровую среду под себя – увеличить кегль, изменить контраст, переключиться на темное оформление – улучшает восприятие информации и снижает чувство изоляции – отсюда следует, что потребность в индивидуальной настройке интерфейса охватывает существенно более широкую аудиторию, чем группа лиц с установленной инвалидностью.

2. Нормативно-техническая рамка

Web Content Accessibility Guidelines представляют собой технический стандарт, разработанный Консорциумом Всемирной паутины в рамках Инициативы по доступности веб-сайтов: его назначение состоит в том, чтобы

сделать содержимое сети пригодным для восприятия людьми с нарушениями зрения, слуха, моторики, а также с когнитивными и неврологическими особенностями, кроме того, документ построен вокруг четырех принципов, обозначаемых аббревиатурой POUR.

Воспринимаемость (Perceivable) требует представления информации в формах, доступных через разные сенсорные каналы: текстовые альтернативы для нетекстового содержимого, корректная разметка заголовков, списков и таблиц, достаточный контраст текста и фона, сохранение читаемости при увеличении до 400%.

Управляемость (Operable) предполагает, что интерфейс поддается управлению независимо от устройства ввода: все интерактивные элементы доступны с клавиатуры, временные ограничения можно приостановить или продлить, содержимое не вызывает фотосенситивных реакций, также повторяющиеся блоки можно обойти.

Понятность (Understandable) означает снижение когнитивной нагрузки: простой и последовательный язык, предсказуемые навигационные схемы,

помощь при вводе данных с описанием ожидаемого формата и подсказками для устранения ошибок.

Надежность (Robust) предполагает, что содержимое остается доступным по мере развития технологий и корректно истолковывается пользовательскими агентами, включая программы экранного доступа, за счет точной семантической разметки и соблюдения веб-стандартов.

Каждый из данных принципов детализируется набором критериев успеха, распределенных по трем уровням соответствия: А – минимальный, АА – приемлемый и наиболее распространенный в законодательстве, ААА – максимальный [6], также практика показывает, что уровень АА принят как ориентир в большинстве юрисдикций.

Национальный стандарт ГОСТ Р 52872–2019 устанавливает требования доступности применительно к интернет-ресурсам, приложениям для стационарных и мобильных устройств и иным пользовательским интерфейсам; он гармонизирован с международными рекомендациями и воспроизводит ту же четырехчастную структуру [7].

Таблица 1. Сопоставление нормативных документов в области цифровой доступности.

Документ	Сфера действия	Особенности
WCAG 2.2 (W3C) [8]	Рекомендательный стандарт международного уровня	Четыре принципа POUR, три уровня соответствия
ГОСТ Р 52872–2019 [9]	Интернет-ресурсы и приложения в Российской Федерации	Гармонизирован с WCAG; воспроизводит структуру POUR
Приказ Минцифры России № 953 от 07.11.2023 [10]	Сайты государственных органов и подведомственных организаций	Обязательный характер; отсылает к пунктам ГОСТ
Директива (ЕС) 2019/882 [11]	Товары и услуги на рынке ЕС, включая частный сектор	Применяется с 28.06.2025; переходный период до 28.06.2030

Понятийное ядро у всех документов совпадает, а также различие лежит в области принуждения, кроме того, международные рекомендации носят добровольный характер, российское регулирование охватывает преимущественно государственный сектор и ориентировано прежде всего на пользователей с нарушениями зрения, европейское распространяется на коммерческие организации и подкреплено санкциями.

3. Методология Microsoft: разнообразие как проектный ресурс

Компания Microsoft трактует инклюзивный дизайн как методологию, ставящую во главу угла человеческое разнообразие: главным ее элементом остается вовлечение людей с разными точками зрения [8], если доступность нередко становится дополнением, встраиваемым в заверченный продукт, то инклюзивный дизайн в такой трактовке закладывается в замысел.

Методология опирается на три положения: Первое – признание исключений: постоянное ограничение, ситуационное затруднение и временная травма рассматриваются как равноправные формы исключения из условной нормы, показателем здесь пример субтитров, создававшихся для глухих людей и сегодня применяемых в шумных аэропортах, тихих библиотеках и при изучении иностранных языков. Второе – обучение на примере разнообразия, предполагающее отказ от абстрактных пользовательских портретов в пользу изучения реального опыта. Третье – решение для одного расширяет возможности многих.

4. Программы экранного доступа как ключевая вспомогательная технология

Скринридер представляет собой специализированное программное

обеспечение, преобразующее текстовые и интерфейсные сведения в синтезированную речь либо в тактильный вывод на дисплей Брайля, Аудитория программ которого не ограничивается незрячими и слабовидящими, а именно: к ним обращаются люди с когнитивными особенностями, в том числе с дислексией, которым легче воспринимать сведения на слух. Стоит отметить, что для Windows основными решениями остаются JAWS и свободно распространяемая NVDA, в экосистеме Apple преобладает VoiceOver, в Android – TalkBack.

По данным десятого опроса пользователей программ экранного доступа, проведенного WebAIM среди 1539 респондентов, JAWS названа основной программой у 40,5 % опрошенных, NVDA – у 37,7%, VoiceOver – у 9,7%, при этом 71,6% пользуются более чем одной программой [9]. На мобильных устройствах преобладает VoiceOver – около 71% опрошенных против примерно 35 % у TalkBack.

5. Фактическое состояние доступности веб-среды

Сопоставление нормативных требований с реальной практикой возможно благодаря ежегодному обследованию WebAIM Million: в феврале 2026 года анализатором WAVE были проверены главные страницы миллиона наиболее посещаемых сайтов, отобранных по рейтингу Tranco, результаты которого указывают на ухудшение положения: обнаружено 56,1 млн отдельных нарушений, то есть в среднем 56,1 на страницу; годом ранее показатель составлял 51 [2]. Нарушения WCAG зафиксированы на 95,9% проверенных страниц против 94,8% в 2025 году, что прервало наметившуюся ранее тенденцию к постепенному улучшению. Поскольку автоматическая проверка выявляет лишь

часть несоответствий, доля страниц, полностью отвечающих уровню АА, заведомо ниже оставшихся 4,1 %, причину авторы отчета связывают с усложнением страниц: среднее число элементов выросло за год на 22,5% и достигло 1437, а количество ARIA-атрибутов возросло на 27%; страницы, где ARIA применяется, содержат в среднем 59,1 ошибки против 42 на страницах без нее.

Составлено по данным отчета WebAIM Million [2], на перечисленные шесть категорий приходится 96% всех обнаруженных нарушений, причем состав этой группы не меняется семь лет подряд, откуда следует практический вывод: устранение небольшого числа типовых ошибок способно заметно улучшить положение в масштабах всей сети, а также дополнительно отмечено, что пропуски уровней заголовков присутствуют на 41,8% страниц, а треть полей ввода форм не имеет корректной подписи. Особый интерес представляют различия между языковыми сегментами, ведь страницы на русском языке содержат в среднем 78,1 ошибки, что на 39,2% превышает общий показатель, также домен верхнего уровня .ru показывает 75,4 ошибки, или на 34,4% больше среднего, что, для сравнения, англоязычные страницы содержат 46 ошибок, немецкие – 46,9. Именно отставание русскоязычного сегмента, таким образом, носит системный характер и

связано не только с уровнем подготовки отдельных исполнителей, но и с выбором технологической платформы.

6. Практика внедрения

Разработка контроллера Xbox Adaptive Controller служит иллюстрацией третьего принципа Microsoft, так как устройство создавалось для игроков с ограниченной подвижностью: крупные программируемые кнопки и разъемы для подключения внешних переключателей позволяли собрать индивидуальную конфигурацию управления. Контроллер оказался удобен не только целевой аудитории и подтвердил, что вложения в доступность приводят к появлению принципиально новых продуктов.

В российской практике направление развивается с середины 2010-х годов: например, компания «Яндекс» сформировала отдельную команду по вопросам инклюзии, в состав которой вошли специалисты с нарушениями зрения; сценарии использования сервисов проверяются самими пользователями вспомогательных технологий. По данным отчета об устойчивом развитии за 2025 год, голосовой помощник в браузере компании научился описывать изображения для незрячих пользователей на основе мультимодальной нейросетевой модели, а число объектов с отметкой «Доступный вход» в картографическом сервисе вы-

Таблица 2. Наиболее распространённые нарушения WCAG (доля страниц), %.

Тип нарушения	2025 г.	2026 г.
Недостаточный контраст текста	79,1	83,9
Отсутствие текстовой альтернативы у изображений	55,5	53,1
Отсутствие подписей у полей ввода	48,2	51,0
Пустые ссылки	45,4	46,3
Пустые кнопки	29,6	30,6
Не указан язык документа	15,8	13,5

росло с 39 до 52 тысяч [10].

Более широкую картину дает исследование компании Accenture: анализ практик и финансовых показателей 140 компаний, участвующих в индексе Disability Equality Index, показал, что 45 организаций, выделявшихся в вопросах включения людей с инвалидностью, имели за короткий, в 4 года период в среднем на 28% более высокую выручку, вдвое больший чистый доход и на 30% более высокую норму экономической прибыли [11].

Обсуждение

Первое наблюдение касается разрыва между нормой и практикой, а именно: нормативная рамка выстроена, технический стандарт международного уровня существует более двадцати лет, национальный стандарт действует с 2019 года, подзаконный акт для государственных сайтов обновлен в 2023 году, европейское регулирование распространено на частный сектор с 2025 года, тем не менее доля страниц с нарушениями в 2026 году выросла, потому что авторы обследования связывают ухудшение с усложнением самих страниц и с распространением автоматизированных практик разработки – если эта интерпретация верна, простое ужесточение требований задачу не решит: барьером становится скорость наращивания технической сложности, опережающая способность команд ее контролировать, косвенно это подтверждает и устойчивость состава типовых ошибок, которые семь лет подряд дают 96% всех нарушений, хотя их устранение не требует ни специального оборудования, ни существенных затрат.

Второе наблюдение связано с положением русскоязычного сегмента, так как превышение среднего числа ошибок

на 39,2% нельзя объяснить статистической погрешностью, обязательные требования охватывают преимущественно государственные ресурсы и ориентированы на пользователей с нарушениями зрения, тогда как коммерческий сектор регулируется слабо; тема доступности слабо представлена в подготовке дизайнеров; играет роль и выбор технологической платформы. Каждое из этих обстоятельств поддается изменению, но требует согласованных действий регулятора, отраслевых объединений и системы образования.

Третье наблюдение носит культурологический характер: инклюзивный дизайн вырос из правозащитной повестки середины XX века и сохраняет связь с представлением о равенстве возможностей, однако его нынешнее распространение поддерживается коммерческим расчетом – решение, принятое ради соблюдения права, оказывается прибыльным, а решение, принятое ради прибыли, расширяет фактический доступ.

Заключение

Проведенное исследование показало, что инклюзивный дизайн является эффективным инструментом повышения доступности цифровых продуктов и обеспечения равного доступа пользователей к информации и цифровым сервисам, его анализ нормативной базы и современных исследований подтвердил возрастающую роль международных и российских стандартов в развитии цифровой доступности, и вместе с тем результаты свидетельствуют о сохранении существенного разрыва между существующими требованиями и практикой их внедрения. Полученные выводы могут быть использованы при разработке цифровых сервисов, образовательных программ и методических рекомендаций в области графического

и цифрового дизайна.

Список литературы

1. Disability // World Health Organization: официальный сайт. – 07.03.2023. // URL: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/disability-and-health> (Дата обращения: 25.07.2026).
2. The WebAIM Million: the 2026 report on the accessibility of the top 1 000 000 home pages // WebAIM: официальный сайт. – 30.03.2026. // URL: <https://webaim.org/projects/million/> (Дата обращения: 25.07.2026).
3. Наберушкина Э.К., Радченко Е.А., Мирзаева Е.Р. Инклюзивный дизайн (обзор зарубежных концепций) // Теория и практика общественного развития. 2023. № 2 (180). С. 30–35.
4. Давыдова Т.Е. Инклюзивный дизайн как предиктор повышения доверия населения к финансовым институтам // Креативная экономика. 2023. Т. 17. № 12. С. 5011–5034.
5. Казакова А.В., Гришина Е.Д. Перспективность развития инклюзивного дизайна в России // Культура и экология – основы устойчивого развития России. Историческая память и духовный опыт поколений: материалы Международного форума (Екатеринбург, 11–15 апреля 2025 г.). – Екатеринбург: УрФУ, 2025. С. 207–213.
6. Web Content Accessibility Guidelines (WCAG) 2.2 // World Wide Web Consortium (W3C): официальный сайт. // URL: <https://www.w3.org/TR/WCAG22/> (Дата обращения: 25.07.2026).
7. ГОСТ Р 52872–2019 – М.: Стандартинформ, 2019. 40 с.
8. Microsoft Inclusive Design: официальный сайт. // URL: <https://inclusive.microsoft.design/> (Дата обращения: 25.07.2026).
9. Screen Reader User Survey #10 Results // WebAIM: официальный сайт. – 22.02.2024. // URL: <https://webaim.org/projects/screenreadersurvey10/> (Дата обращения: 25.07.2026).
10. Яндекс выпустил отчёт об устойчивом развитии за 2025 год // Яндекс: официальный сайт. – 17.06.2026. // URL: <https://yandex.ru/company/news/17-06-2026-01> (Дата обращения: 25.07.2026).
11. Getting to Equal: The Disability Inclusion Advantage: research report. – Accenture, Disability:IN, AAPD, 2018. 24 p.
12. Аджигова А.М. Ингушское общество в период революции и гражданской войны (1917–1920 гг.) // Власть истории и История власти. 2025. Том 11. Часть 4. № 62. С. 167–175.

References

1. Disability // World Health Organization: официальный сайт. – 07.03.2023. // URL: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/disability-and-health> (25.07.2026).
2. The WebAIM Million: the 2026 report on the accessibility of the top 1 000 000 home pages // WebAIM: официальный сайт. – 30.03.2026. // URL: <https://webaim.org/projects/million/> (25.07.2026).
3. Naberushkina E.K., Radchenko E.A., Mirzaeva E.R. Inclusive Design (a Review of Foreign Concepts) // Theory and Practice of Social Development. 2023. № 2 (180). P. 30–35.
4. Davydova T.E. Inclusive Design as a Predictor of Increasing Public Trust in Financial Institutions // Creative Economy. 2023. Vol. 17. № 12. P. 5011–5034.
5. Kazakova A.V., Grishina E.D. Prospects for the

Development of Inclusive Design in Russia // Culture and Ecology – the Foundations of Sustainable Development of Russia. Historical Memory and Spiritual Experience of Generations: Proceedings of the International Forum (Ekaterinburg, April 11–15, 2025). – Ekaterinburg: UrFU, 2025. P. 207–213.

6. Web Content Accessibility Guidelines (WCAG) 2.2 // World Wide Web Consortium (W3C): official website. // URL: <https://www.w3.org/TR/WCAG22/> (July 25, 2026).
7. GOST R 52872–2019 – Moscow: Standartinform, 2019. 40 p.
8. Microsoft Inclusive Design: official website. // URL: <https://inclusive.microsoft.design/> (July 25, 2026).
9. Screen Reader User Survey #10 Results // WebAIM: official website. – February 22, 2024. // URL: <https://webaim.org/projects/screenreadersurvey10/> (July 25, 2026).
10. Yandex released a sustainability report for 2025 // Yandex: official website. – 17.06.2026. // URL: <https://yandex.ru/company/news/17-06-2026-01> (25.07.2026).
11. Getting to Equal: The Disability Inclusion Advantage: research report. – Accenture, Disability:IN, AAPD, 2018. 24 p.
12. Ajigova A.M. Ingush society during the revolution and the Civil War (1917–1920) // The power of history – History of power. 2025. Volume 11. Issue 4. № 62. P. 167–175.

Задохина М.Б.

Старший преподаватель ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет имени М.П. Даниловского», г. Хабаровск.

Выставочная деятельность Хабаровского отделения Союза советских художников в 1940–1950-е годы*

Аннотация. В статье рассматривается выставочная деятельность Хабаровского отделения Союза советских художников с момента его образования (1939 г.) до вхождения в укрупнённое объединение регионального значения (Дальневосточную зону, 1960 г.). Становление региональной художественной школы под влиянием политических, экономических и идеологических факторов описывается на основании архивных документов. Особое внимание уделяется противоречию между «программной» тематической живописью, продиктованной идеологической конъюнктурой, и пейзажным творчеством, свидетельствующим о самобытности природы и быта Дальнего Востока.

Ключевые слова: Союз художников, выставочная деятельность, социализация искусства, идеология, тематическая живопись, дальневосточная художественная школа, плакат.

Zadokhina M.B.

Senior Lecturer, M.P. Danilovsky Pacific National University, Khabarovsk.

Exhibition activities of the Khabarovsk branch of the Union of Soviet Artists in the 1940s–1950s

Abstract. The article examines the exhibition activities of the Khabarovsk branch of the Union of Soviet Artists from the moment of its formation (1939) to its incorporation into a larger regional association (the Far Eastern zone, 1960). Based on archival documents, the author analyses the development of the local art school and the influence of political, economic, and ideological factors on it. Particular attention is paid to the contradiction between “programmatic” thematic painting, dictated by ideological considerations, and landscape art reflecting the distinctive character of Far Eastern nature and everyday life.

Key words: Union of Artists, exhibition activities, socialization of art, ideology, thematic painting, Far Eastern art school, poster.

Актуальность. По сравнению с историей становления отделений художественных объединений СССР, расположенных в крупных городах (Москва, Ленинград), региональные объединения до сих пор изучены не полностью, несмотря на то, что именно

на периферии особенности формирования художественного процесса страны обнаруживают подробности его институционализации. Обращение к архивам Хабаровского отделения Союза советских художников восполняет детали становления художественной школы

* © Задохина М.Б., 2026.

Выставочная деятельность Хабаровского отделения Союза советских художников в 1940–1950-е годы

Дальнего Востока.

Степень изученности темы исследования. Проблемы реализации государственной культурной политики СССР исследуются в отечественной науке главным образом на материале центральных художественных объединений, что нашло отражение в трудах А. И. Морозова [12] и В. С. Манина [13], посвященных анализу особенностей управления творческими практиками в жизни страны. Детали формирования дальневосточной художественной школы изучаются, преимущественно, по каталогам и обзорным изданиям [14]. Данная статья является попыткой частичного заполнения этих пробелов: она вводит в научный оборот архивные материалы Хабаровского отделения Союза советских художников, впервые привлекаемые к исследованию.

Изучение советского искусства 1930–1950-х годов в отечественном искусствоведении может быть представлено несколькими направлениями, связанными:

- с осмыслением сущности социалистического реализма как художественного метода и инструмента регулирования творческого процесса, тематического планирования выставок, механизма государственного заказа;

- с описанием деятельности локальных художественных школ (в том числе, дальневосточных) в обзорных изданиях и отчетах о выставках (например, в работах В.И. Кандыбы [14]), благодаря чему оформляется понятие «дальневосточная художественная школа».

Вместе с тем анализ доступных источников и материалов позволяет полагать, что:

- обобщающие исследования в области соцреализма посвящены деятельности творческих групп и союзов столичных городов и не учитывают

особенностей развития региональных организаций, работа которых обнаруживает особые формы;

- работы по искусству Дальнего Востока преимущественно описательны, обладают персонально-биографическим характером или изданы в форме каталогов, сопровождающих зональные выставки (в результате чего не содержат упоминаний об официальных документах: приказах, стенограммах, протоколах заседаний и проч.)

Поэтому выставочная деятельность Хабаровского отделения союза художников 1940–1950-х годов до сих пор не представлена целостным процессом. Это обстоятельство объясняет специфику данной статьи, свидетельствующей о переносе внимания с центральных институций на региональное отделение и опорой на принципиальный обзор архивных документов Государственного архива Хабаровского края, позволяющих реконструировать скрытую сторону выставочной практики, со спорами, трудностями и напряжением между официально осуществляемой политикой творческого процесса и повседневной деятельностью объединений.

Научная новизна работы состоит в следующем:

- впервые введен в научный оборот комплекс делопроизводственных документов Хабаровского отделения Союза советских художников (стенограммы, приказы, протоколы правления) из фондов Государственного архива Хабаровского края;

- на их основе реконструирована выставочная практика отделения 1940–1950-х годов;

- выявлено и охарактеризовано противоречие между идеологически регламентированной тематической живописью и «непрограммным» пейзажным

творчеством как ключевой особенностью регионального художественного процесса.

Объект исследования представлен деятельностью Хабаровского отделения Союза советских художников в 1940-1950-е годы.

Предмет исследования - выставочная практика отделения как форма социализации деятельности творческой группы, обусловленной объективными условиями становления художественного процесса.

Цель работы - описание эволюции выставочной деятельности хабаровских художников под влиянием государственной политики в регионе.

Методология комплексного подхода в исследовании определила использование историко-культурного, историко-генетического методов анализа источников и архивных документов. Использование сравнительно-исторического метода позволило соотнести детали регионального художественного процесса с общесоюзными тенденциями.

Основная часть.

Выставки участников творческого объединения Хабаровского отделения Союза художников проходили ежегодно, начиная с 1939 года, будучи не только отчетными мероприятиями, но отборочными, определяя наиболее удачные произведения к дальнейшим экспозициям, приуроченным к определенным датам в истории страны, юбилеям и народным праздникам. С 1960 года можно говорить о расширении региональных выставок, представлявших творчество художников, отличающееся разнообразием тематики и стилистики.

Выставки конца 1930-х-начала 1940-х годов

Восьмая выставка хабаровских художников (1940) стала первой, в ко-

торой приняли участие члены вновь образованного отделения Союза художников. Число участников процесса было невелико: экспонировалось около 100 произведений, преимущественно живописные этюды, пейзажи, немногочисленные портреты и тематические работы.

Выставка 1941 года знакомила с творчеством 21 графика и 5 живописцев из Хабаровска, Комсомольска-на-Амуре, Читы, Уссурийска, Улан-Удэ, Камчатки и Владивостока; она демонстрировала 45 произведений, соответствовавших концепции Союза советских художников [1].

Искусство плаката в годы Великой Отечественной войны. В годы Великой Отечественной войны творчество художников представлялось публике преимущественно плакатами, являвшимися орудием борьбы с врагом. Плакаты, создаваемые для поднятия боевого духа, объединяли общество в едином порыве против врага. Плакаты, созданные художниками и поэтами для «Окон „Удар по врагу“» (хабаровского варианта «Окон ТАСС») стали приметой военного времени, такой же, как светомаскировочные ленты на окнах. Их размещали в витринах магазинов, на досках объявлений, в общественных местах. Первое «Окно „Удар по врагу“» вышло уже 4 июля 1941 года, свидетельствуя о событиях на фронте и дублируя сообщения радио. Плакаты писались вручную, а также печатались в несколько красок с помощью трафаретов, затем воспроизводились в газетах «Тихоокеанская звезда», «Тревога», «Суворовский натиск». Типография Дальневосточного государственного издательства печатала плакаты, которые рассылались по всему краю [2].

На Дальнем Востоке в годы войны служили многие впоследствии извест-

ные художники, в том числе В. Кайдалов, В. Завьялов, Н. Баскаков, М. Козелл. Создание агитационно-политических плакатов стало особой страницей их творчества. Михаил Георгиевич Козелл, будучи военным служащим, выполнил свыше десяти плакатов для «Окна „Удар по врагу“»; часть из них была выпущена массовым тиражом. Лучшими своими работами художник считал плакаты «Слава советским женщинам» и «Годы меняют гада» [2].

Над плакатами, также, работали известные дальневосточные литераторы: Д.Д. Нагишкин, П.С. Комаров и другие. Для усиления эмоционального воздействия на население создавались стихи и тексты, сопровождавшие тиражную продукцию. Настроение плакатов менялось в течение военных лет. Изначально преобладавшие образы трагических героев, поглощенных ненавистью к захватчикам, призывали к защите рубежей, но постепенно, после перелома военных действий в произведениях появляется оптимизм и сатирические листы, высмеивающие врага.

Например, Иван Дионисович Елкин создавал тиражные листы для Дальиздата, - острые сатирические произведения. Так же и Вадим Вадимович Павчинский, который по состоянию здоровья был снят с воинского учета, создал за годы войны более 70 плакатов и 170 карикатур [2]. Талантливо созданные сатирические образы поддерживали людей, без эмоциональной разрядки и возможности смеяться над врагом жизнь была бы невыносимой. Леонид Иванович Дешко, работая в штате «Тихоокеанской звезды», также участвовал в создании агитационных плакатов и его работа «Заём – это оружие!» (1943 г.) была представлена на выставке.

Таким образом, в годы войны, благодаря совместной работе авторов и

производственных групп (трафаретчиков, резчиков, шрифтистов), создавались яркие, сильные по эмоциональному воздействию листы.

Послевоенная выставочная деятельность (1946-1951 годы).

Документы Государственного архива Хабаровского края свидетельствуют о существовании организованной выставочной деятельности отделения, начиная с 1946 года. На общем собрании художников Хабаровска в октябре 1946 года был поднят вопрос о подготовке выставки, посвящённой 25-летию освобождения Дальнего Востока от белогвардейцев и интервентов [3]. Уже в мае 1946 года вышел приказ отдела по делам искусств Хабаровского крайисполкома о направлении художников в творческие командировки с обязательством отчитаться на осенней краевой художественной выставке [4]. Тогда же в Дальневосточном филиале Академии наук СССР состоялось заседание учёного совета, посвященное 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

В рамках подготовки ко Всесоюзной художественной выставке в Москве, посвящённой 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции, оргкомитет должен был учесть всех художников, работающих над картинами к юбилею согласно утверждённой тематике, и оказывать им помощь (в том числе финансовую, предоставлять командировки), и по итогам краевой выставки направить лучшие работы в выставком московской экспозиции [6].

Следующим приказом предписывалось:

- открыть выставку, посвящённую 25-летию советской власти на Дальнем Востоке, 25 октября 1947 года,
- выпустить каталог тиражом 1000

экземпляров, на что было выделено 70 000 рублей [5].

Об этом событии рассуждает В.В. Павчинский в статье «Ближе к темам созидательного труда». По его мнению, тема была раскрыта формально и портреты передовиков представлены в достаточном количестве, тем не менее, композиционно они были однообразны, и живописные качества невысоки. Упомянув работу В. Романова, выставившего портрет стахановки В. Канунниковой, он отметил, что пейзажные, рядом показанные композиции, заметно превосходят его по уровню мастерства, что свидетельствует о недостаточном осмыслении темы, посвященной изображению людей труда.

Сегодня можно лишь предположить, что «программные» произведения присутствовали на выставке во многом потому, что их требовала концепция выставки, обеспечивавшая государственные субсидии, в то время как пейзаж и натюрморт оставались вне поощрения, несмотря на интерес художника. Одобрения удостоились скульптурные портреты Бобровникова и Овчинникова за верный психологизм в изображении людей труда, а также большое тематическое полотно А. Дашкевича «Рыбаки Камчатки».

Обсуждение 16-й краевой художественной выставки, состоявшееся 31 мая 1950 года, было вызвано статьей Д. Нагишкина «Далеко от правды», опубликованной в тот же день в «Тихоокеанской звезде» [7]: художники спорили о жанрах, качестве исполнительского мастерства и актуальности жанровой живописи. Так, Г. Зорин пренебрежительно отзывался о дальневосточных пейзажах и призывал уделять внимание теме людей труда. Иванов, напротив, высказывался в пользу художников, использующих жизненные зарисовки,

полагая, что современность заключается не в изображении строек или вождей, а в повседневных наблюдениях за постепенно улучшающейся жизнью. Туркин уточнял, что художник должен отображать не случайное, а типическое, воспитывая зрителя в духе коммунистического мировоззрения [7].

Кроме того, рассматривался вопрос о степени влияния Союза, как творческой организации на особенности формирования мастерства каждого художника. Отмечалась необходимость учета личных предпочтений авторов, и потребность в уважительно высказываемой критике, способной обучать и ограждать молодых художников от осмеяния в процессе подготовки к ответственным выставочным мероприятиям, на результаты которых способна смотреть вся страна.

С момента создания хабаровского отделения творческого объединения и до конца периода существования Советского Союза сохранялась линия героизации событий и персон социалистической действительности. На каждом заседании неизменно обсуждался вопрос тематических картин, призванных прославлять достижения социалистического общества, что снижало интерес к произведениям малых жанров. Между тем увеличивалось количество художников, увлеченных красотами дальневосточного пейзажа и быта малочисленных коренных народов, интересующихся историей первопроходцев. В этом отношении интересен творческий опыт пейзажиста Шишкина, чьи реалистичные работы ценились за мастерское исполнение произведений, в сюжетах которых участвовали персоны, известные в советской истории.

В ходе подготовки ко Всесоюзной выставке 1950 года правление приняло решение о просмотре работ художни-

ков, работавших в творческих командировках. В результате:

- Шишкину, работавшему над картиной «Рыбонасос», рекомендовали заключить договор с организацией «Рыбпром», а отделу искусств советовали приобрести его работу «Сигарный сплав на р. Амур» для финансирования дальнейшего труда;

- А.П. Мильчина решено было командировать в Москву с работой «Семён Дежнёв».

За лучшие работы 15-й краевой выставки были назначены премии художникам В.Н. Высоцкому, А.П. Мильчину, Овчинникову и Иванову [8].

Для помощи скульпторам, изображавшим будни рыбаков, запрашивалось содействие Главамуррыбпрома на уровне обеспечения консультаций, транспорта, помещений и реквизита [9].

Подготовка к республиканской и всесоюзной выставкам 1951 года проходила также в обстановке спора: большинство членов союза участвовали в деятельности «Всекохудожника», и от участия в выставках зависели как членство в союзе, так и заработок [10]. Всех очень волновала материальная составляющая: художники нуждались в мастерских, красках, натуре, оплате натурщиков, например:

- Романов не мог написать портреты артистов из-за отсутствия красок;

- Мильчин не успевал завершить работу, поскольку натурщице не заплатили;

- Полторацкий предупреждал о возможном срыве выставки из-за нерешённого вопроса с помещением.

В заключительном слове Туркин подтвердил срок открытия (25 мая), приёма работ (15 мая) и распорядился освободить художников от производственных заданий, обеспечив их

мастерскими и натурным материалом [10].

Институциональные изменения после 1960 года.

С 1960 года можно говорить о новом подходе к организации выставок: наряду с городскими и всесоюзными более регламентированными становятся краевые. В декабре 1960 года Пленум Союза художников РСФСР утвердил создание восьми художественных зон; одна из них, дальневосточная, объединила художников региона [11]. С этим этапом связан расцвет плеяды дальневосточных «шестидесятников» – А. Федотова, Г. Зорина, Б. Шахназарова, К. Шебеко, И. Рябчука, В. Форова, произведения которых достойно представлялись на республиканских и всесоюзных выставках. В 1960–1970-е годы в Хабаровскую организацию вошли художники Камчатки, Сахалина, Магадана, Благовещенска; появились сахалинские художники: Гиви Манткава и Анатолий Ни, а также Ли Гирсу и Евгения Короленко из Комсомольска-на-Амуре.

С 1962 года начали организовываться зональные художественные выставки, проходившие, как правило, в краевых и областных центрах. Первая зональная выставка «Советский Дальний Восток» состоялась в Хабаровске в 1964 году; в её каталог вошло около 500 произведений. После перерыва 1990-х годов организовывались зональные выставки (как региональные), они возобновились усилиями Хабаровской организации (и её руководителя Н.С. Акишкина): региональные выставки проводились в Хабаровске в 1997, 2003 и 2008 годах [11].

Заключение

Выставочная деятельность Хабаровского отделения Союза советских художников в 1940–1950-е годы прошла

путь от немногочисленных отчётных экспозиций конца 1930-х годов к системе регулярных краевых выставок, ставших механизмом отбора и подготовки работ для республиканских и всесоюзных смотров. Это свидетельствует о процессе институционального оформления региональной художественной жизни.

В годы Великой Отечественной войны ведущей формой публичного бытования искусства стал плакат («Окна „Удар по врагу“»), выполнявший идеологическую и мобилизующую функции. Этот опыт закрепил за дальневосточными художниками навык оперативной работы в агитационных жанрах и во многом определил тематическую ориентацию последующих выставок.

Архивные документы 1946-1951 годов свидетельствуют о жёстком идеологическом регулировании выставочной практики: тематика произведений утверждалась заранее, приурочивалась к юбилейным датам и подкреплялась государственным финансированием. В результате в экспозициях доминировала «программная» тематическая живопись, посвящённая труду, революции и советской истории.

К рубежу 1950-х годов на первый план в деятельности отделения выходит материальная составляющая: обеспеченность мастерскими, материалами, натурой и командировками напрямую связывалась с членством в Союзе и участием в системе «Всекохудожника», что делало выставку не только творческим, но и экономическим фактором существования художника.

Институциональная реформа 1960 года (создание художественных зон) и последовавшее за ней проведение зональных выставок с 1962 года открыли новый этап, обеспечивший интеграцию хабаровских художников в общесоюз-

ный художественный процесс и расцвет дальневосточной школы «шестидесятников».

Таким образом, выставочная деятельность Хабаровского отделения в указанный период может рассматриваться как инструмент реализации государственной идеологической программы и пространство формирования самобытной дальневосточной художественной традиции.

Список литературы

1. Каталог выставки, г. Хабаровск, 1941 г. / Отдел по делам искусств Хабаровского крайисполкома, Оргкомитет Союза советских художников Хабаровского края. – Хабаровск, 1941.
2. Боброва Е. А. Плакаты времён Великой Отечественной войны в ДВХМ [Электронный ресурс] // Хабинфо. // URL: <https://habinfo.ru/articles/dalnevostochnyy-hudozhestvennyy-muзей/8086> (Дата обращения: 21.04.2026).
3. Из стенограммы Общего собрания художников г. Хабаровска о задачах художников Хабаровского края в свете постановления ЦК ВКП(б) «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“», 17 октября 1946 г. // ГАХК. Ф. Р-910. Оп. 1. Д. 7. Л. 4–10. Копия. Машинопись.
4. Приказ отдела по делам искусств Хабаровского крайисполкома о направлении художников в творческие командировки, 13 мая 1946 г. // ГАХК. Ф. Р-1691. Оп. 1. Д. 20. Л. 96. Подлинник. Машинопись.
5. Приказ отдела по делам искусств Хабаровского крайисполкома об открытии Краевой художественной выставки, 9 сентября 1947 г. // ГАХК. Ф. Р-1891. Оп. 1. Д. 27. Л. 157. Подлинник. Машинопись.
6. Приказ отдела по делам искусств Хабаровского крайисполкома о направлении работ хабаровских художников на Всесоюзную выставку, 9 сентября 1947 г. // ГАХК. Ф. Р-1891. Оп. 1. Д. 27. Л. 157 об. Подлинник. Машинопись.
7. Из стенограммы общего собрания художников о подведении итогов 16-й краевой художественной выставки, г. Хабаровск, 31 мая 1950 г. // ГАХК. Ф. Р-910. Оп. 1. Д. 13. Л. 47.
8. Из протокола заседания правления Союза советских художников Хабаровского края о подготовке к Всесоюзной выставке 1950 года, 25 октября 1950 г. // ГАХК. Ф. Р-910. Оп. 1. Д. 12. Л. 26, 27. Подлинник. Машинопись.
9. Письмо заместителя министра рыбной промышленности СССР об оказании помощи художникам Хабаровского края в подготовке скульптурных работ, направленное в Главмуррыбпром, 9 февраля 1951 г. // ГАХК. Ф. Р-910. Оп. 1. Д. 18. Л. 101. Заверенная копия. Машинопись.
10. Протокол общего собрания членов Союза советских художников Хабаровского краевого товарищества «Всекохудожник» о подготовке к выставкам, 4 апреля 1951 г. // ГАХК. Ф. Р-910. Оп. 1. Д. 16. Л. 33–36. Подлинник. Машинопись.
11. Давыдова Т.А. 75 лет Краевому Хабаровскому отделению Всероссийского творческого обще-

ственного объединения «Союз художников России» [Электронный ресурс] // AMF-Gallery. // URL: https://amf-gallery.ru/content/section_1456907436/ (Дата обращения: 21.04.2026).

12. Морозов А.И. Конец утопии. Из истории искусства в СССР 1930-х годов. – М.: Галарт, 1995. 224 с.

13. Манин В. С. Искусство в резервации: художественная жизнь России 1917–1941 гг. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. 264 с.

14. Художники Дальнего Востока: альбом-каталог / сост. и авт. вступ. ст. В. И. Кандыба. – Ленинград: Художник РСФСР, 1980. 216 с.

13. Manin V.S. Art in the Reservation: Artistic Life in Russia 1917–1941. – Moscow: Editorial URSS, 1999. 264 p.

14. Artists of the Far East: Album-Catalogue / compiled and with an introduction by V.I. Kandyba. – Leningrad: Khudozhnik RSFSR, 1980. 216 p.

References

1. Exhibition Catalogue, Khabarovsk, 1941 / Arts Department of the Khabarovsk Regional Executive Committee, Organizing Committee of the Union of Soviet Artists of Khabarovsk Krai. – Khabarovsk, 1941.

2. Bobrova, E. A. "Posters from the Great Patriotic War in the Far Eastern Art Museum" // Khabinfo. // URL: <https://habinfo.ru/articles/dalnevostochnyy-hudozhestvennyy-muзей/8086> (21.04.2026).

3. From the transcript of the General Meeting of Artists of Khabarovsk on the tasks of artists of Khabarovsk Krai in light of the resolution of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) "On the magazines 'Zvezda' and 'Leningrad'", October 17, 1946 // GAKHK. F. R-910. Op. 1. D. 7. L. 4–10.

4. Order of the Arts Department of the Khabarovsk Regional Executive Committee on sending artists on creative assignments, May 13, 1946 // GAKHK. F. R-1691. Op. 1. D. 20. L. 96. Original. Typescript.

5. Order of the Arts Department of the Khabarovsk Regional Executive Committee on opening the Regional Art Exhibition, September 9, 1947 // GAKHK. F. R-1891. Op. 1. D. 27. L. 157. Original. Typescript.

6. Order of the Arts Department of the Khabarovsk Regional Executive Committee on sending works by Khabarovsk artists to the All-Union Exhibition, September 9, 1947 // GAKHK. F. R-1891. Op. 1. D. 27. L. 157 rev. Original. Typescript.

7. From the transcript of the general meeting of artists summing up the results of the 16th regional art exhibition, Khabarovsk, May 31, 1950 // GAKHK. F. R-910. Op. 1. D. 13. L. 47.

8. From the minutes of the meeting of the board of the Union of Soviet Artists of Khabarovsk Krai on preparations for the 1950 All-Union Exhibition, October 25, 1950 // GAKHK. F. R-910. Op. 1. D. 12. L. 26, 27. Original. Typescript.

9. Letter from the Deputy Minister of the USSR Fishing Industry on assistance to artists of Khabarovsk Krai in preparing sculpture works, sent to the Main Directorate of the Fishing Industry, February 9, 1951 // GAKHK. F. R-910. Op. 1. D. 18. L. 101. Certified copy. Typescript.

10. Minutes of the general meeting of members of the Union of Soviet Artists of the Khabarovsk Regional Association "VsekoKhudozhnik" on preparations for exhibitions, April 4, 1951 // GAKHK. F. R-910. Op. 1. D. 16. L. 33–36. Original. Typescript.

11. Davydova T.A. 75th Anniversary of the Khabarovsk Regional Branch of the All-Russian Creative Public Association "Union of Artists of Russia" // AMF-Gallery. // URL: https://amf-gallery.ru/content/section_1456907436/ (April 21, 2026).

12. Morozov A.I. The End of Utopia. From the History of Art in the USSR in the 1930s. – Moscow: Galart, 1995. 224 p.

Вэй Даньтун*Аспирантка. ФБГОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток.***Исследование социокультурных настенных символов в региональном контексте***

Аннотация. В этой статье рассматриваются региональные особенности социокультурных символов настенного искусства на фоне современного китайского городского пространства. В последние годы настенная культура в общественных пространствах Китая преследует главную цель отображения региональных особенностей и постепенно превратилась в визуальный символ, который несет в себе местную историческую память, укрепляет идентичность сообщества и продвигает социальные ценности. С точки зрения семиотики и социальной культуры анализируются произведения различных регионов Китая и раскрывается, как настенное искусство участвует в формировании региональной культуры, объединении коллективных эмоций и воспроизведении пространственного смысла. Идеальный настенный символ должен обеспечивать динамичный баланс между политическим нарративом и народным самовыражением, эстетическим единством и местными различиями.

Ключевые слова: социокультурный настенный символ, настенное искусство, региональная особенность, региональная идентичность.

Wei Dantong*Graduate student. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Vladivostok State University", Vladivostok.***The study of socio-cultural wall symbols in a regional context**

Abstract. This article examines the regional features of socio-cultural symbols of wall art against the background of modern Chinese urban space. In recent years, wall culture in Chinese public spaces has pursued the main goal of displaying regional features and has gradually become a visual symbol that carries local historical memory, strengthens community identity and promotes social values. From the point of view of semiotics and social culture, the works of various regions of China are analyzed and it is revealed how wall art participates in the formation of regional culture, the unification of collective emotions and the reproduction of spatial meaning. An ideal wall symbol should provide a dynamic balance between political narrative and popular expression, aesthetic unity and local differences.

Key words: sociocultural wall symbol, wall art, regional feature, regional identity.

Китай всегда рассматривает культурную мощь как основу мягкой силы страны, и создание культурного центра является одной из главных целей на-

ционального развития. Исследование социокультурных настенных символов в общественных пространствах тесно связано с семиотикой изображений и

* © Вэй Даньтун, 2026.

Исследование социокультурных настенных символов в региональном контексте

социальной культурой. В области семиотики ведущими китайскими и западными учеными являются Чжао Ихэн [15], Чжу Юнмин [16], Норман Брайсон [18] и т.д.; в области социокультурных исследований они представлены такими учеными, как Чэнь Инфан [17], Ли Сяннин [5], Дэвид Харви [14] и т.д. В этой статье предлагается комплексное сочетание методов, основанных на трех измерениях: символическом анализе текста, наблюдении за пространственным контекстом и исследовании предметного дискурса. Анализируя графическую информацию в настенных произведениях, выявляет связь между их визуальными символическими элементами и обществом, а затем расширяет дискуссию о значении искусства в социальной реальности.

Чжао Ихэн, главный популяризатор исследований в области семиотики в Китае, в своей книге «Принципы и проблемы семиотики» [15] предположил что основная задача семиотики заключается в исследовании того, как генерируется, распространяется и интерпретируется значение. Он считает, что символы – это сочетание значения и восприятия, и сместил фокус исследований с носителей символов на динамический процесс придания значения. Чжу Юнмин, профессор Школы искусств Сучжоуского Университета, в своей книге «Анализ визуального языка: символическая форма и значение изображений» [16] отметил, что при исследовании изображений необходимо обращать внимание на динамическое взаимодействие между языком и символами, и подчеркнул, что это исследование имеет огромное значение для выявления глубинной структуры о визуальной культуре. В своей книге «Vision and Painting: The Logic of the Gaze» [18] британский историк искус-

ства Норман Брайсон фокусируется на взаимосвязи между символической системой живописи и социальным измерением и предлагает основные теоретические концепции, такие как «логика взгляда».

Известный китайский социолог Чэнь Инфан в своей книге «Городская китайская логика» [17] четко обозначила, что «разрушение пространства означает раскол общества». Исследовательница использовала Шанхай как основной пример для изучения долгосрочной и комплексной городской трансформации (начиная с 1990-х годов). Такой подход позволил ей провести глубокий анализ процессов самоизменения города в контексте масштабных реформ и ускоренной модернизации.

Ли Сяннин, профессор Школы архитектуры и городского планирования Университета Тунцзи, в своей статье «Искусство освещает город – практика и мышление о художественных мероприятиях, способствующих обновлению городов» [5] отметил, что ключевая эволюция участия искусства в обновлении городов связана с искусством, основанным на событиях, таких как выставки, фестивали искусств и т.д., которое отличается высокой динамичностью и широким участием и вызывает воздействие средств массовой информации, тем самым стимулирует жизнеспособность городского пространства за короткий промежуток времени. В статье также отмечается, что в ходе визита Генерального секретаря Си Цзиньпина в Академию изящных искусств Университета Цинхуа, он сделал акцент на использование художественного подхода при планировании городов и создании городской среды [5, с.31]. Британский социальный теоретик Дэвид Харви в своей книге

«Социальная справедливость и город» [14] предположил, что городское пространство само по себе не является нейтральным пространством, а создается определенными социальными отношениями и структурами власти.

В рамках исследования стена – это вертикальная плоскость в общественном пространстве, которая определяет границу владения пространством и обладает видимостью, публичностью и фиксацией. Она естественным образом находится в поле зрения людей, на высоте и в направлении их деятельности, и обладает физическими условиями для преобразования в «визуальный интерфейс». С древних времен и по настоящее время стена всегда была своего рода пространственным интерфейсом, имеющим множество значений: 1. На социальном уровне она может быть соединением между общественным и частным пространством, городом и даже страной, разграничивающим «внутреннее» и «внешнее» пространство. Такого рода разделение не только защищает, но и определяет границы их соответствующих сфер деятельности, поэтому сама стена выполняет функцию разграничения социальных границ, отмечая границы между «здесь» и «там». 2. На культурном уровне региональные различия формируют культурное разнообразие, и поэтому стены стали границами, разделяющими культурные регионы, и являются одним из самых примитивных средств, с помощью которых люди оставляют следы и передают информацию. Благодаря этому стена подобна экрану, отражающему течение духа времени и изменения в культуре. В данном исследовании мы рассматриваем стены, расположенные в общественных пространствах, включая фасады зданий, уличные стены, подпорные стены, и стены в станциях метро.

В этой статье «социокультурные настенные символы» определяют-ся как символическая система, которая размещается на стенах общественных пространств, создается или трансформируется определенными социальными субъектами, визуально несет историческую память, культурную идентичность или ценности определенной области и выполняет функцию познания идентичности и эмоционального воздействия, ориентированного на действие. Исходя из того, идеальный социокультурный настенный символ означает постоянное подтверждение и стремление к культурному значению общественного пространства. В этом исследовании в качестве примера рассматривается типичное настенное искусство городов северного и южного Китая, а также анализируется социокультурное символическое значение работ в контексте региональных особенностей. Будучи столицей Китая, Пекин когда-то был древней столицей шести династий. История его строительства насчитывает более 3000 лет [11], а также первый город в материковом Китае, который внедрил паблик-арт в систему метро.

В 1980-х годах на некоторых станциях пекинского метрополитена начали появляться настенное искусство, созданные ведущими отечественными художниками, такими как Чжан Дин и Юань Юньфу, что создало прецедент для паблик-арта в китайском метро. С тех пор на различных станциях метро одна за другой появлялись настенное искусство. Эти работы не только выполнены в традиционном китайском стиле, отражают особенности этнических меньшинств из разных мест и представляют традиционные символы народной культуры, но и имеют абстрактное, современное и декоратив-

Рисунки 1, 2. Китайская астрономическая история. Художники: Юань Юньфу, Цянь Юэхуа. Станция метро Цзяньгомэнь, линия 2. // URL: <https://www.bjsubway.com/station/xtlwhq/line2/jgm/2.html> (Дата обращения: 12.07.2026).

ное выражение, принимая во внимание разнообразные эстетические предпочтения людей разных возрастов и регионов. В большинстве работ используются долговечные материалы, такие как керамическая глазурь, мозаика и медные рельефы, которые относятся к типу общественных памятников. По состоянию на 2024 год в Пекине было построено более 300 настенных произведений искусства на более чем 200 станциях метро [3]. На официальном сайте Пекинского метрополитена есть специальный раздел «Культурная стена метро» [4], в котором представлены фотографии и сопутствующая информация о настенных росписях каждой станции метро на китайском и английском языках. Как отечественная, так и зарубежная аудитория может наслаждаться произведениями офлайн и онлайн.

Красочная настенное искусство из керамической плитки «Китайская астрономическая история» (рис. 1, 2) на станции Цзяньгомэнь линии метро 2, которая была достроена вместе со станцией в 1984 году, выполнена в стиле фресок Дуньхуана и рассказывает древние мифы и астрономические истории в визуальной повествовательной манере.

На темно-синем фоне картины изображены различные планеты, персонажи, одетые в древние костюмы, и культурные символы, такие как нефритовый кролик (животное, живущее во дворце Луны в древнекитайской мифологии), демонстрирующие исследования древних людей в области астрономии и географии, подтверждающие выдающуюся мудрость древнего Китая и смелость исследовать неизведанную вселенную. Декорации этой работы в точности повторяют историческое здание Древней Пекинской обсерватории, расположенное рядом со станцией Цзяньгомэнь, создавая тем самым культурный символический континуум, сочетающий в себе наследие и инновации.

На той же станции метро изображена ещё одно произведение «Четыре великих изобретения» (рис. 3, 4), посвященная четырем великим изобретениям древнего Китая – производству бумаги, печатанию, пороху и компасу. На ней подробно описаны конкретные этапы изготовления бумаги и печатания в древности и форма оригинального компаса, а также огненные и декоративные орнаменты. Это превосходная работа, сочетающая в себе на-

Рисунки 3, 4. Четыре великих изобретения. Художник: Янь Дун. Станция метро Цзяньгомэнь, линия 2. // URL: <https://www.bjsubway.com/station/xltwhq/line2/jgm/1.html> (Дата обращения: 12.07.2026).

учную популяризацию и художественное оформление.

Причина, по которой группа настенного искусства на станции пекинского метрополитена представляет собой типичную систему социокультурных настенных символов, заключается в том, что она выходит за рамки простых функций украшения окружающей среды и систематически представляет характеристики китайских и местных культурных символов Пекина в целом, демонстрируя свой демонстрационный эффект как столицы Китая, а затем становясь визуальной идентичностью о культурной самобытности региона и даже китайской нации. Выбор тематики настенного искусства обеспечивает четкое соответствие культурному контексту наземной части станции, тем самым формируя повествовательную логику «одна станция, одна тема».

Например, в работе «Олимпийская китайская мечта» (рис. 5) на станции Олимпийский парк на линии 15 используются красные и желтые цвета и изображения факелов в качестве фона, а бегущие фигуры в качестве субъекта, объединенные в тематический слоган Олимпийских игр 2008 года в Пекине «One World One Dream», чтобы со-

Рисунок 5. Олимпийская китайская мечта. Художники: Цуй Донхуэй, Вэй Синь, Чэнь Ган и др. Станция метро Олимпийский парк, линия 15 // URL: <https://www.bjsubway.com/station/xltwhq/line15/alkgy/1.html> (Дата обращения: 12.07.2026).

вместно пробудить олимпийский дух и сильное чувство национальной славы.

Медный рельеф станции Шунь на той же линии метро изготовлены из латуни и состоят из 4 работ в серии, которые выражают тему гуманитарных наук и природной экологии, тему истории и культуры района Шунь, достижения городского строительства и тему будущего городского развития (рис. 6). Это соответствие делает работу своего рода пространственным идентификатором, который сообщает каждому, кто приезжает: вы находитесь в районе с таким историческим и культурным позиционированием. Историко-культурные символы, представленные в работах, проникают в сознание аудитории по-

Рисунок 6. Одна из работ серии: Великолепные древние обычаи. Художники: Шэн Ян, Чжоу Даошэн, Го Баочжай. Станция метро Шуньи, линия 15 // URL: <https://www.bjsubway.com/station/xltwhq/line15/sy/2.html> (Дата обращения: 12.07.2026).

Рисунок 7. Изображение Наньлуогусян 1. Художники: Ма Цзюньчэн, Сун Оу. Станция метро Наньлуогусян, линия 6 // URL: <https://www.bjsubway.com/station/xltwhq/line6/nlgx/3.html> (Дата обращения: 12.07.2026).

средством визуального восприятия, тем самым играя важную роль в усилении чувства национальной идентичности, гордости и патриотизма.

Среди настенного искусства на станции метро есть как работы с повествованиями в стиле монументов, подобные приведенным выше, так и работы на тему описания повседневной жизни местных жителей. Например, серия произведения на станции Наньлуогусян на линии 6 изображает традиционные китайские архитектурные образы, этнические украшения и огромных воздушных змеев в форме птиц и бабочек.

В оформлении станции Наньлуогусян на линии 8 используется остекление, чтобы запечатлеть старинные предметы пекинской жизни, а также коллажи с силуэтами типичных фигур

старого Пекина, таких как выгуливающие птиц, играющие в шахматы, продающие сахарные тыквы и управляющие иностранными автомобилями. Вместе взятые, фрагменты воспоминаний о Наньлуогусяне собраны воедино. У местных жителей хутунские пейзажи на снимке могут вызывать эмоции прошлого, которое преобразует и сохраняет коллективную память. Станция расположена в историко-культурном районе Наньлуогусян, который также унаследовал региональные культурные особенности Пекина в виде множества культурных символов.

Эти значимые культурные символы превращают станции метро из простых общественных мест в значимые пространства. Произведение помогает зрителям определить значение города, служит культурным напоминанием. В

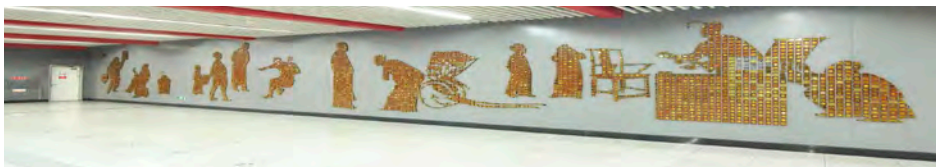

Рисунок 8. Память о Пекине. Художник: Ван Чжун. Станция метро Наньлугусян, линия 8 // URL: <https://www.bjsubway.com/station/xltwhq/line8/nlgx/1.html> (Дата обращения: 12.07.2026).

таком пространстве зрители участвуют в непрерывном построении и визуальной передаче культурной идентичности города.

По сравнению с грандиозным сюжетом и этническими особенностями, воплощенными в группе настенного искусства станции столичного метрополитена, произведение некоторых общественных пространствах в городах южного Китая, как правило, выступает в качестве региональной визуальной идентичности, а его местные особенности самобытны. В частности, в некоторых районах со старыми улицами настенное искусство было включено в важный план реализации правительственного проекта реновации: отказаться от масштабного сноса и реконструкции, сохранить оригинальный местный стиль и осуществлять структурное усиление и художественную отделку только на этой основе, обеспечивая органичную интеграцию наследия исторического контекста и современные коммерческие функции. Такого рода проекты реконструкции являются одним из важных практических направлений городского планирования и дизайна в Китае в последние годы, поэтому в данном исследовании необходимо обсудить их в качестве примера.

Одним из типичных примеров является проект реконструкции Юнцинфан, улица Эннинг, район Ливань, г. Гуанчжоу, который был запущен в 2016 году.

Этот район имеет долгую историю и самобытные местные культурные особенности, на что обратил внимание Генеральный секретарь Си Цзиньпин и в полной мере реализовали городские власти, улучшив среду обитания и сохранив историко-культурные кварталы, основываясь на оригинальном облике районов. Проект стремится сочетать и подчеркивать традиции и уникальность гуандунского стиля, особенности южной культуры и современности [2].

В 2020 году, во время второй модернизации проекта реновации квартала, был создан трехуровневый механизм взаимодействия между городом, районом и сообществом для содействия социальному управлению кварталом на основе совместного творчества, а также был создан специальный комитет по совместному творчеству для создания платформы для обмена мнениями и переговоров для местных жителей, торговцев и строителей. Проект, в частности, делает упор на участие общественности, позволяет жителям, правительствам и предприятиям работать сообща для содействия обновлению городов. Проект реконструкции принес в пространство энергию, которая в большей степени соответствует веяниям времени, чтобы сохранить его жизнеспособность.

В процессе преобразования исторического квартала настенное искусство, включая муралы, медные рельефы,

Рисунок 9. Мурал на фасаде здания в историко-культурном квартале Юнцинфан, ул. Эннинг, район Ливань, г. Гуанчжоу // URL: https://travel.sohu.com/a/525625966_120893265 (Дата обращения: 12.07.2026).

инсталляции и т.д., стало важной пространственной стратегией. Эти работы посвящены изображению местной архитектуры, рыночной жизни старого сугуаня (центральной части района Ливань), культуре кантонской оперы (местная опера родом из провинции Гуандун), изображениям «пробуждения льва» (традиционного китайского народного танца, который пробуждает национальное самосознание и вдохновляет дух) и традиционным ремеслам в качестве темы. Мурал расположен рядом с музеем кантонского оперного искусства и согласуется со стилем окружающих аркад и аллей, а также местной культурной атмосферой. Произведение стало набором тщательно подобранных культурных символов в рамках проекта возрождения Старого города. Вместе эти изображения определяют этот район как типичный пространственный носитель «культуры Гуанфу» (культуры ханьцев в провинции Гуандун).

В этом квартале также есть художественная инсталляция с двумя китайскими иероглифами «廣州 (Гуанчжоу)» (рис. 10) в качестве основного

Рисунок 10. Художественная инсталляция «廣州 (Гуанчжоу)» историко-культурный квартал Юнцинфан, ул. Эннинг, район Ливань, г. Гуанчжоу. // URL: <https://www.douyin.com/note/7467150292971294011> (Дата обращения: 12.07.2026).

элемента. В работе использована высокохудожественная трехмерная обработка иероглифов: среди них штрихи иероглифа «廣 (Гуан)» в форме традиционной китайской архитектуры, включая карнизы, крыши и боковые фасады зданий; иероглиф «州 (Чжоу)» составлен из геометрических фигур в стиле поп, которые развились из традиционных китайских узоров. Красный традиционный логотип в виде печати на левой стене «广彩 (Гуанцай)» означает цветной фарфор г. Гуанчжоу, сотканный из золота). Это уникальное традиционное изделие ручной работы в г. Гуанчжоу, национальное нематериальное культурное наследие, выраженное в художественном образе изделия. Инсталляция расположена на площади перед входом в Юнцинфан и выполняет поучительную функцию, отмечая вход в культурный центр Юнцинфана. Серые стены и земля подчеркивают яркие цвета художественной инсталляции и общий эффект обновления города, приносящий свежую жизненную силу в исторические зда-

ния. Произведение берет на себя роль определения региональной идентичности, стимулирования взаимодействия и концентрации визуального внимания. Здесь Гуанчжоу – это уже не просто название города, а конкретная визуальная и осязаемая сцена.

Также в качестве темы художественной инсталляции используется название города. В парке культуры и творчества Нэйцзе на улице Донге в г. Наньнин установлена художественная инсталляция с китайскими иероглифами «南寧 (Наньнин)» (рис. 11). Работа включает в себя ряд репрезентативных местных региональных символов в структуре иероглифа, включая архитектурные образы, такие как пагода с пятью слонами, старая водонапорная башня, Международный выставочный центр Наньнина и мост Наньнин; исторические и культурные реликвии, такие как стела «邕 (Йонг)» (в древности Наньнин назывался 邕州 (Юнчжоу), сегодня «邕 (Йонг)» сохранилось как аббревиатура города); элементы фестиваля и народного обычая, такие как бронзовые барабаны, гортензии, танцы драконов и фейерверки; а также элементы традиционных деликатесов, такие как цзунцзы (клецки с клейким рисом) и клейкий рис пяти цветов и т.д. Благодаря систематической интеграции и пространственному представлению этих региональных культурных символов, инсталляция превращает название города в художественный текст, несущий функции местной исторической памяти, культурной идентичности и визуального самоопределения, образуя типичный социокультурный настенный символ с текстом в качестве каркаса и изображением в качестве носителя.

Такие настенные символы концентрируют разрозненные городские черты в визуальных текстах, а сама работа

Рисунок 11. Художественная инсталляция «南寧 (Наньнин)» Парк культуры и творчества Нэйцзе, ул. Донге, г. Наньнин. 2025.

Источник: фото из личного архива Вэй Даньтун.

становится воплощением образа города и визуальным фокусом внимания публики. Художественная инсталляция, созданная по образцу названия города, также объединяет прямую идентификационную функцию текста с символическим выражением изображений: текст служит знаком пространственной принадлежности, в то время как изображения интерпретируют значение, содержащееся в знаке. Такой механизм двойного кодирования превращает произведение в осязаемое и интерактивное поле культурного обмена, превращая макроконцепцию «город» в осязаемый, интерпретируемый и доступный объект в определенном пространстве, чтобы люди могли завершить эмоциональный резонанс и культурное подтверждение региональной идентичности в общественном пространстве своей повседневной жизни.

Исходя из приведенных выше примеров, тема социокультурного настенного искусства часто представлена в соответствии с особенностями различных регионов: группы настенного искусства на станциях пекинского метро, как правило, выражают величие

страны, широту и глубину китайской цивилизации; южные города сосредоточены на региональные особенности и народные традиции составляют основное содержание местных символов. Эти два типа работ в совокупности с разных точек зрения показывают, что настенное искусство стало важным визуальным языком для рассказа местных историй и формирования культурной идентичности.

Таким образом, социокультурный настенный символ – это, по сути, своего рода совместное конструирование смысла, которое отвечает многостороннему взаимодействию. Он создается и поддерживается на основе смыслового контракта, заключенного между различными субъектами, такими как правительство, создатели и жители. Только когда будет достигнут динамичный баланс между повествованиями о памяти, художественным выражением региональной культуры и повседневной жизнью, этот настенный символ сможет преобразиться в живое тело, имеющее социокультурное значение, и продолжать участвовать в формировании региональной идентичности и интерпретации культурного смысла.

Список литературы

1. Глазурь: Память о Пекине // Официальный сайт Пекинского метрополитена. // URL: <https://www.bjsubway.com/station/xltwhq/line8/nlgx/1.html> (Дата обращения: 12.07.2026).
2. Историко-культурный квартал Юнцинфан // Сайт Народного правительства района Ливань, г. Гуанчжоу. 2026. // URL: https://www.lw.gov.cn/yshj/sdpt/wslhlq/ptfc/content/post_9053243.html (Дата обращения: 12.07.2026).
3. Как за последние 40 лет появилась более 300 настенная живопись на более чем 200 станциях пекинского метрополитена? // baidu. 2024 // URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1803346662942325013&wfr=spider&for=pc> (Дата обращения: 12.07.2026).
4. Культурная стена метро // Официальный сайт Пекинского метрополитена. // URL: <https://www.bjsubway.com/station/xltwhq/> (Дата обращения: 12.07.2026).
5. Ли, Сяннин. Искусство освещает город – практика и мышление о художественных мероприятиях,

способствующих обновлению городов / Сяннин Ли, Вэй-вэй Яо // Шанхайское художественное обозрение. 2023. № 6. С. 31-33.

6. Медный рельеф: Великолепные древние обычаи // Официальный сайт Пекинского метрополитена. // URL: <https://www.bjsubway.com/station/xltwhq/line15/sy/2.html> (Дата обращения: 12.07.2026).
7. Настенная живопись: Изображение Наньлу-огусян 1 // Официальный сайт Пекинского метрополитена. // URL: <https://www.bjsubway.com/station/xltwhq/line6/nlgx/3.html> (Дата обращения: 12.07.2026).
8. Настенная живопись: Китайская астрономическая история // Официальный сайт Пекинского метрополитена. // URL: <https://www.bjsubway.com/station/xltwhq/line2/jgm/2.html> (Дата обращения: 12.07.2026).
9. Настенная живопись: Олимпийская китайская мечта // Официальный сайт Пекинского метрополитена. // URL: <https://www.bjsubway.com/station/xltwhq/line15/alpkg/1.html> (Дата обращения: 12.07.2026).
10. Настенная живопись: Четыре великих изобретения // Официальный сайт Пекинского метрополитена. // URL: <https://www.bjsubway.com/station/xltwhq/line2/jgm/1.html> (Дата обращения: 12.07.2026).
11. Пекин город // baidu. // URL: <https://baike.baidu.com/item/北京城/32288> (Дата обращения: 11.07.2026).
12. Путевые заметки об историко-культурный квартале Юнцинфан // sohu. 2022. // URL: https://travel.sohu.com/a/525625966_120893265 (Дата обращения: 12.07.2026).
13. Фото: Юнцинфан, культура старый Сигуань // douyin. 2025 // URL: <https://www.douyin.com/note/7467150292971294011> (Дата обращения: 12.07.2026).
14. Харви, Д. Социальная справедливость и город / Д. Харви; пер. с англ. Е.Ю. Герасимовой. – Москва: Новое литературное обозрение, 2018. 440 с. // URL: <https://djvu.online/file/5y2tGWJLSY6Pc> (Дата обращения: 11.07.2026).
15. Чжао, Ихэн. Принципы и проблемы семиотики / Ихэн Чжао. – Чэнду: Изд-во Сычуаньского университета, 2023. 406 с.
16. Чжу, Юнмин. Анализ визуального языка: символическая форма и значение изображений / Юнмин Чжу. – Нанкин: Изд-во Нанкинского университета, 2011. 432 с.
17. Чэнь, Инфан. Городская китайская логика / Инфан Чэнь. – Пекин: Совместное издательское предприятие SDX, 2012. 485 с.
18. Bryson, Norman. Vision and Painting: The Logic of the Gaze / Norman Bryson. – New Haven: Yale University Press, 1983. 189 p.

References

1. Glaze: Memory of Beijing // Official website of the Beijing Subway. // URL: <https://www.bjsubway.com/station/xltwhq/line8/nlgx/1.html> (12.07.2026).
2. Yongqingfang Historical and Cultural Quarter // Website of the People's Government of Liwan District, Guangzhou. 2026. // URL: https://www.lw.gov.cn/yshj/sdpt/wslhlq/ptfc/content/post_9053243.html (12.07.2026).
3. How did more than 300 murals appear in over 200 stations of the Beijing Subway over the past 40 years? // baidu. 2024 // URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1803346662942325013&wfr=spider&for=pc> (12.07.2026).
4. Subway Cultural Wall // Official Website of the Beijing Subway. // URL: <https://www.bjsubway.com/station/>

xltwhq/ (12.07.2026).

5. Li, Xiangning. Art Illuminates the City: Practice and Thinking on Artistic Activities Contributing to Urban Renewal / Xiangning Li, Weiwei Yao // Shanghai Art Review. 2023. № 6. P. 31-33.

6. Copper Relief: Magnificent Ancient Customs // Official Website of the Beijing Subway. // URL: <https://www.bjsubway.com/station/xltwhq/line15/sy/2.html> (12.07.2026).

7. Mural: Nanluo Guxiang 1 // Official website of the Beijing Subway. // URL: <https://www.bjsubway.com/station/xltwhq/line6/nlgx/3.html> (12.07.2026).

8. Mural: Chinese Astronomical History // Official website of the Beijing Subway. // URL: <https://www.bjsubway.com/station/xltwhq/line2/jgm/2.html> (12.07.2026).

9. Mural: Chinese Olympic Dream // Official website of the Beijing Subway. // URL: <https://www.bjsubway.com/station/xltwhq/line15/alpkg/1.html>. (July 12, 2026).

10. Mural Painting: Four Great Inventions // Official Website of the Beijing Subway. // URL: <https://www.bjsubway.com/station/xltwhq/line2/jgm/1.html> (July 12, 2026).

11. Beijing City // Baidu. // URL: <https://baike.baidu.com/item/北京城/32288> (July 11, 2026).

12. Travel Notes on the Yongqingfang Historical and Cultural Quarter // sohu. 2022. // URL: https://travel.sohu.com/a/525625966_120893265 (12 July 2026).

13. Photo: Yongqingfang, Old Xiguan Culture // douyin. 2025 // URL: <https://www.douyin.com/note/7467150292971294011> (12 July 2026).

14. Harvey, D. Social Justice and the City / D. Harvey; trans. from English by E. Yu. Gerasimova. – Moscow: New Literary Observer, 2018. 440 p. // URL: <https://djuvonline/file/5y2tGWJLSY6Pc> (11 July 2026).

15. Zhao, Yiheng. Principles and Problems of Semiotics / Yiheng Zhao. – Chengdu: Sichuan University Press, 2023. 406 p.

16. Zhu, Yongming. Analysis of Visual Language: Symbolic Form and Meaning of Images / Yongming Zhu. – Nanjing: Nanjing University Press, 2011. 432 p.

17. Chen, Yingfang. Urban Chinese Logic / Yingfang Chen. – Beijing: SDX Joint Publishing Company, 2012. 485 p.

18. Bryson, Norman. Vision and Painting: The Logic of the Gaze / Norman Bryson. – New Haven: Yale University Press, 1983. 189 p.

Бухерт В.В.

Аспирант, Исторический факультет. Государственный академический университет гуманитарных наук. SPIN-код: 5345-4377 / ORCID: 0009-0009-4328-8888

Архитектурные мотивы и образы в художественном языке «красного» плаката периода Гражданской войны в России*

Аннотация. Цель исследования – выявление архитектурных мотивов и образов в плакатном искусстве периода Гражданской войны в России 1918-1922 годов. Архитектурная метафора в плакатном искусстве сформировалась в период Первой мировой войны и приобрела в России особое значение во время Гражданской войны (символ врага, символ Родины, символ разрушающей силы войны, мотив защиты ценностей национальной культуры и Отечества, мотив строительства нового, символ созидания и мирной жизни). Прототипы плакатной композиции и отдельных образов как в «красном», так и в «белом» плакате восходили к иконописной и лубочной иконографии, карикатуре и шаржу, а также плакатному искусству периода Первой мировой войны. Большое влияние на визуальный язык плаката оказали авангардизм и конструктивизм. Основные черты художественного языка плаката – выразительность, лаконичность, простота сочетались с языком вербальным – с краткими и понятными текстами в лозунгах.

Ключевые слова: гражданская война, искусство плаката, архитектурный мотив, взаимодействие вербального и художественного языка, дихотомия «свой-чужой».

Bukhert V.V.

Graduate student, Faculty of History, State Academic University for the Humanities. SPIN-code: 5345-4377 / ORCID: 0009-0009-4328-8888

Architectural motifs and images in the artistic language of the “red” poster from the period of the Russian Civil War

Abstract. The purpose of the study is to identify architectural motifs and images in poster art from the period of the Russian Civil War of 1918-1922. The architectural metaphor in poster art was formed during the First World War and acquired special significance in Russia during the Civil War (a symbol of the enemy, a symbol of the Motherland, a symbol of the destructive power of war, a motive for protecting the values of national culture and the Fatherland, a motive for building a new one, a symbol of creation and peaceful life). The prototypes of poster compositions and individual images in both “red” and “white” posters traced back to icon painting and popular art iconography, caricature and satire, as well as to poster art from the period of the First World War. Avantgarde and constructivism had a significant influence on the visual language of the poster. The main features of the poster’s artistic language – expressiveness, conciseness, and simplicity – were combined with verbal language – with brief and understandable texts in slogans.

Key words: Civil War, poster art, architectural motif, interaction between verbal and artistic language, “friend or foe” dichotomy.

* © Бухерт В.В., 2026.

Архитектурные мотивы и образы в художественном языке «красного» плаката периода Гражданской войны в России

Введение

Визуальная пропаганда в истории Гражданской войны в России была важнейшим инструментом противостояния «красных» и «белых» и породила особую парадигму «свой-чужой» в искусстве плаката. Вооруженное противостояние советской власти с Белым движением, последовавшее после Октябрьской революции 1917 г. и прихода к власти большевиков и их союзников, дополнялось войной информационной и агитационно-пропагандистской. Крупные военные столкновения между государственно-политическими образованиями, различными политическими и социальными институтами и этническими группами на территории бывшей Российской империи дополнялось войной визуальных образов и смыслов. В этой войне плакатное искусство, сочетавшее в себе возможности художественного языка (изображение) с текстом (лозунг), не только обслуживало идеологию противостояния в настоящем, но и явилось способом моделировать образ будущего России. [Волковский Н.Л., 2003].

Плакат Гражданской войны в известном смысле восходит к карикатуре сатирических изданий, появившихся в России после 1905 г. Некоторые карикатурные образы, в дальнейшем переселившиеся в плакатное искусство Гражданской войны, были созданы еще до первой русской революции (имею в виду толстую, часто просто круглую фигуру буржуа в цилиндре, попа с крестом, мужика-пьяницы) (Вашик К., Бабурина Н.И., 2004. С. 51, Сергеева О.В., 2017. С. 222–223). **Однако** особое влияние на искусство плаката первой четверти XX в. и, в частности, на плакатное искусство периода Гражданской войны в России, оказал плакат Первой мировой войны (Зименко Е.В.,

2014; Bownes D., Fleming R., 2014). Его образы и смыслы в дальнейшем легли в основу художественного языка плакатного искусства «красных» и «белых». Именно Первая мировая война породила агитационный, пропагандистский и социальный плакаты политического содержания как явление массового порядка (ср.: Зименко Е.В., 2014), хотя агитационный плакат как жанр был известен еще со времен Великой Французской революции (Волковский Н.Л., 2003, С. 136). Плакатное искусство Первой мировой войны стало включать в изобразительный ряд архитектурный образ, мотив или символ, в первую очередь служивший обозначением «своих» и «чужих». Образ врага и условного «своего» стал передаваться через архитектурную метафору.

К 1920-м годам плакат сформировался как визуально-коммуникативный вид печатной продукции или произведения изобразительного искусства, сочетающий в себе художественный образ (или символ) с текстом, необходимым для передачи конкретного сообщения широкой аудитории. Тогда же появились первые исследования о роли плаката в формировании культурных смыслов и общественных настроений. В классическом исследовании В.П. Полонского о русском революционном плакате (1925) были проанализированы работы выдающихся плакатистов раннего советского периода и составлен каталог плакатов времен Гражданской войны. Полонский впервые показал особенности «красного» и «белого» плакатов с позиций классовости и партийности, сосредоточившись не на интерпретации художественных приемов, а на констатации их идеологической составляющей. Им были определены важнейшие идеологические и коммуникативные смыслы «белого» и «крас-

ного» плакатов (Полонский В.П., 1925). Если смыслы «белого» плаката выражались лозунгами «свобода и справедливость», «родина и свобода» (Lazarski С., 1992, р. 689-692), то «красный» плакат был ориентирован на классовые ценности рабочих и крестьян (мирный труд, мировая революция, классовая борьба, атеистическая пропаганда, образование, свободная женщина-труженица) (Полонский В.П., 1925, с. 69-71).

В историографии 1920–1930-х годов исследовались задачи политического и агитационного плаката, определялись лучшие способы воздействия его художественной формы и содержания на население. С 1930-х годов в СССР и особенно в 1960-1980-е годы началось систематическое искусствоведческое изучение советского плаката (Маслеников Н.Н., 1930; Смирнов С.И., 1978; Субботина Н.О., Тимофеева М.С., Марусева И.В., 2014, с. 28-43; Халаминский Ю.Я., 1961; Шевченко В.Я., 2004). Плакат стал анализироваться как инструмент влияния на общественное сознание, как явление искусства и инструмент пропаганды одновременно (Бутник-Сиверский Б.С., 1960, с. 32-35, 76, 88, 94-102; Демосфенова Г., Норок А., Шантыко Н., 1962, с. 23-47; Вашик И.К., Бабурина Н.И., 2004, с. 12-54). В ряде трудов в области истории графического дизайна изучались плакаты от начала XX в. до наших дней в связи с эволюцией визуального (изображение) и вербального (лозунг) языков советского социального плаката. В этом направлении плакат исследовался в работах И. Эвентова, Р. Куммер, Н. Михаленко и др. (Эвентов И., 1940, с. 50; Субботиной Н.О. и др., 2014, с. 28-29; Киммер Р., 2016, с. 202-203; Михаленко Н., 2023, с. 423-443). Наименее изученным в историографии является феномен плаката как явления культуры и средства формирова-

ния образов и смыслов национальной идентичности посредством синтеза художественных образов и текста, на что обращала внимание Н. Михаленко, исследуя «Окна РОСТА и Главполитпросвета» В.В. Маяковского (Михаленко Н., 2023, с. 423-443). Все еще недостаточно исследованы архитектурные мотивы в контексте плакатного искусства, их символизм и метафоричность, особая значимость в формировании национальных скреп, политической пропаганды, агитации, а также в осуществлении коммуникативных функций плаката.

Обсуждение и результаты

Одним из способов обозначения социально-политического, идеологического и культурного контекста «красного» плаката периода Гражданской войны в России 1918-1922 гг. явилось введение в его художественный язык архитектурного образа, символа или метафоры. Под *архитектурным образом* в настоящем исследовании понимается внешний вид того или иного сооружения или его фрагмента, порождающий в сознании человека целостное восприятие известного здания или архитектурного ансамбля. Под архитектурным мотивом имеется в виду некие повторяющиеся элементы, формы или композиционные приемы с использованием архитектурных элементов, которые несут дополнительную стилистическую или смысловую нагрузку в плакате. Архитектурная метафора предполагает либо эксплуатации архитектурных элементов для формирования некоего понятия или образа в описании того, что существует вне архитектуры и выходит за ее рамки, либо для воплощения и трансляции в архитектурных формах неких абстрактных идей. Под архитектурным символом понимается здание, сооружение или архитектур-

ный элемент, которые несут глубокую смысловую нагрузку, либо имеют некий исторический, культурологический, психологический, социально-коммуникативный подтекст и выступают в роли знака, выражающего определённые идеи, смыслы и ценности.

Прототипом «красного» и «белого» плаката, несомненно, являлся русский агитационный плакат Первой мировой войны. Именно в нем сформировались графические символы национальной идентичности, выработались приемы в изображении «своих» и «чужих», определились основные мотивы, символы и образы (ср.: *Зименко Е.В., 2014*).

В отечественном плакате периода Первой мировой войны нашли отражение черты русского модерна: элементы архитектурных фронтисписов и заставок рукописных книг, выполненные в модном в первой четверти XX в. псевдорусском стиле (ср.: *Зименко Е.В., 2014*). Национальные особенности, выраженные через детали стиля модерн, казалось, контрастировали с кровавой военной тематикой плаката (*Халаминский Ю.Я., 1962. с. 22-30*). Однако художественный стиль эпохи оказывался важнее содержания, ибо приоритет отдавался возбуждению у населения патриотических чувств, которые отсылали плакатистов к чертам древнего славяно-русского искусства (*Акиншина А.Н., 2019, с. 727-737*).

На некоторых плакатах русский солдат крушит врага на фоне горящих зданий, что символизирует возмездие над врагом-разрушителем. Присоединившаяся в 1915 г. к блоку Центральных держав Османская империя на плакате «Успокойся!» (рис.1) обозначена крошечной фигуркой злобного турка в феске и национальной одежде на фоне мусульманских построек – медресе и мечетей Стамбула. Турок в бессильной

Рис. 1. Мусульманские мечети на плакате «Успокойся» как образ Османской империи, 1915 г.

злобе корчится перед молодым русским солдатом, который, улыбаясь, сидит на барабане, курит и спокойно и снисходительно увещевает разбушевавшегося турка, призывая его успокоиться. Образ России передается голубым небом в облаках за спиной русского солдата. Архитектурных элементов, соответствующих образу России, здесь нет.

Карикатурный образ врага подчеркивается образом русского солдата-великана, всегда добродушного (улыбается, спокойно сидит или стоит, приплясывает, без оружия в руках) и скорее наказывающего проштрафившегося врага-разрушителя и варвара спокойным и покровительственным назиданием (грозит пальцем, дерет врага, как нашалившего школяра, за ухо, отталкивает его пинком или шлепком), нежели сокрушающего его силой оружия.

Во время Первой мировой войны (1914–1918) существовали агитационные плакаты, сочетающие элементы народного лубка, а также сатиры и патриотической риторики в плакатных лозунгах (*Акиншина А.Н., 2019, с. 727-737*; ср.: *Лотман Ю.М., 2002, с. 322-339*). Плакатное искусство было поставлено на службу сборов средств на войну и

помощь героям (в том числе – получившим ранения и увечья), формирование негативного образа врага, поддержку чувства патриотизма у населения (ср.: *Зименко Е.В., 2014, с. 2-5*). Плакатами в это время были Л.О. Пастернак, К.С. Малевич, К.А. Коровин, В.М. Васнецов, М.А. Врубель, С.С. Соломко, А.Е. Архипов и др. выдающиеся живописцы и графики (*Лебедева В.Г., 2007, с. 135*). Плакаты выполнялись в ярких контрастных цветах, их сюжеты предполагали развернутые и динамичные композиции, их стилистика была ориентирована на использование фольклорных мотивов, гиперболизированных образов героев, сатирическое и уничижающее изображение врага (*Акиншина А.Н., 2019, с. 727-737*). Лозунги плакатов варьировались от лаконичных (одно-два слова) до довольно пространственных и включали в себя частушечные тексты, рифмованные строки, призывы и краткие цитаты и перифразы из древнерусской литературы (житийной, воинских повестей, летописей) (ср.: *Зименко Е.В., 2014*).

Архитектурные элементы встречались в них крайне редко, как правило, в виде графического фона или силуэта, схематично обозначающего разрушенные памятники и сожженные города и деревни. На выполненном в псевдорусском стиле известном плакате К. Коровина «Жертвуйте теплую одежду, носильное платье, белье, обувь, пищевые продукты раненым...» 1914 г. (Бабурина Н.И. 1988, с. 164, 183) архитектурный образ – башни Кремля – расположены на щите св. князя-воина Дмитрия Донского. Одним из известнейших плакатов с архитектурным элементом в композиции (голая стена, к которой прислонился раненый солдат) стал плакат Л. Пастернака «На помощь жертвам войны» (1914 г.) (Бабурина Н.И. 1988, с.

163), сделанный в лаконичной манере наброска (ощущение рисунка с натуры, усиливающее чувство одномоментности мучений раненого и сострадания к нему зрителя).

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв., и особенно под влиянием политического и агитационного плаката периода Первой мировой войны, сформировались основные черты отечественного плакатного искусства, а именно: 1) следование стилистике доминирующей художественной традиции эпохи; 2) включение архитектурной тематики (луковичные купола, изображение башен Кремля) как символов России, Европы (изображение кирхи и горящих жилых построек) и мусульманского мира (здания мечетей и медресе); 3) развернутый текст лозунгов; 4) использование стилистических элементов древнерусского искусства (орнамент, вязь, вычурный кириллический шрифт, элементы лубка); 5) гуманизация образов России и русского; 6) плакат является законченной художественной композицией с определенным сюжетом.

Советское правительство сформировало единую государственную информационную систему, внутри которой плакатному искусству отводилось особое место (*Варецкий Б.И., 1985, с. 116*). Со 2 декабря 1917 г. по 26 июня 1918 г. центральным информационным органом советской России было Бюро печати СНК (*Жирков Г.В., 1999, с. 64, 65*). Постановлением ВЦИК 7 сентября 1918 г. было образовано Российское телеграфное агентство (РОСТА). В структуре РОСТА существовало около 120 радиостанций, издавалась печатная продукция. Таковыми, например, были ежедневный бюллетень АгитРОСТА, информбюллетени, а также предназначенные для расклейки «Экстренные бюллетени» и «Стенные газеты» (*Варец-*

кий Б.И., 1985. С. 116; Волковский Р.Л., 2003. С. 141-142). Огромное значение приобрели Окна РОСТА («Окна сатиры РОСТА») – агитационные плакаты на злобу дня, которые размножались посредством трафарета и вывешивались в пустующих витринах магазинов и расклеивались по городу. Использование трафарета, раскрашивание плаката вручную, чем занималась, например, Л.Ю. Брик, позволяло довести рукописный «тираж» до 300 экземпляров за один – два дня. В 1919-1921 гг. было выпущено более 1000 «Окон РОСТА» (Куммер Р. 2016, с. 202–226). Особенностью их художественного и вербального языка были простота, но броский рисунок и короткие стихотворные лозунги, сделанные крупным, хорошо читаемым шрифтом (Михаленко Н., 2023). Тексты, как правило, лишены эпитетов, однако в них часто встречаются императивные («бей», «строй», «остановись», «гони», «идите», «крепите») и инфинитивные формы глаголов («бить», «быть», «крушить», «знать», «встать»), а также безглагольные повествовательные конструкции («Вопрос: как быть? Ответ: с двух сторон бить»). Для текстов характерно использование указательных местоимений «это», «вот» («Вот эту вот участь устроят нам». – «Окно сатиры РОСТА», март 1921 г.) (Михаленко Н., 2023, с. 432-434, 439). Для «Окон РОСТА» отчетливо проявляется влияние лубка и, одновременно, стилистики кубизма и супрематизма (Акинишина А.Н., 2019, с. 727–728; Лебедева В.Г., 2007. С. 134-137; ср.: Зименко Е.В., 2014).

В плакатах РОСТА присутствуют гротескные образы, выразительные силуэты «красных» и «белых», исключительная простота форм, лаконичная палитра (красный, желтый, черный и белый (фон бумаги) цвета). За образом «красных» (своих) и «белых» (чужих)

стабильно закреплялись определенные цвета: силуэты фигур первых, как правило, переданы красной краской, их противников – черной или синей. При этом «свои» – рабочие, работницы, крестьяне, солдаты, матросы, «чужие» – буржуи, попы, кулаки, белогвардейцы. «Свои» переданы общим силуэтом, как правило – красным, через динамику фигур. Образы «чужих» детализированы, наделены неким характером: у них уродливые черты лица, они скалят зубы, они толсты, лысы, короткопалы и коротконоги, их одежда имеет детали (фрак, цилиндр, шляпа-котелок, галстук-бабочка, белая рубашка, золотые запонки), образ дополнен признаками роскошной жизни – бокалом вина в руке, сигарой. Враг вооружен саблей, пистолетом, кинжалом, «свой» – винтовкой, вилами, молотом (Михаленко Н., 2023, с. 436-437). Кроме того, в Окнах РОСТА враг нередко расчеловечен, передан через образы змеи, дракона, орла, паука, свиньи («Окно сатиры РО-

Рис. 2. Окна РОСТА. Образы «чужого» и «своего».

СТА» № 234, 363, 508) (Дувакин В., 1964, С. 209, 210, 222, 227) (рис. 2).

Созданием плакатов «Окон РОСТА» занимались профессиональные художники-графики и литераторы (М.М. Черемных (автор первого плаката РОСТА), В.В. Маяковский, Д.С. Моор, И.А. Малютин, Г.Г. Клуцис, А.М. Нюрнберг). В.В. Маяковский проявил себя не только как талантливый плакатист, написавший тексты для почти 900 плакатов, большую часть которых сам и проиллюстрировал, но и как разработчик особого типа «окон сатиры», характеризующегося единством художественной формы и агитационной задачи (Михаленко Н., 2023). Агитационный «красный» плакат распространялся наряду с книгами, газетами, брошюрами, воззваниями, листовками, сопровождал работу агитпоездов и агитпароходов (Березовая Л.Г., 2006).

Именно к концу первой четверти XX в. в российском плакатном искусстве окончательно стабилизировалось соотношение графико-визуальной (собственно изображение) и вербальной (текст) составляющих художественного языка плаката (Михаленко Н., 2023). Принципы построения композиции и выработка особого плакатного языка в легенде в дальнейшем найдут выражение в плакатах периода социалистического строительства конца 1920 - конца 1930-х годов (Индустриализация, Коллективизация и Культурная революция) и в плакатном искусстве Великой Отечественной войны. При этом и в «красном», и в «белом» плакате периода Гражданской войны интерпретировались одни и те же иконографические символы и образы, нередко наполняясь противоположными смыслами.

Прототипы плакатной композиции и отдельных образов как в «красном», так и в «белом» плакате восходили к

иконописной и лубочной иконографии, карикатуре и шаржу, народному фольклору, военному и социальному плакату времен Первой мировой войны (Акинишина А.Н., 2019. С. 727–728; Лебедева В.Г., 2007. С. 135; ср.: Зименко Е.В., 2014). Большое влияние на визуальный язык плаката в это время оказал авангардизм и конструктивизм, с его условностью, динамичностью и свойствами моделировать необычную реальность (Сергеева О.В., 2017, с. 210–229).

В 1917–1920-е годы в России плакатное искусство одновременно стало ключевым средством пропаганды и агитации, способом визуализации признаков национальной идентичности, а также художественным средством выражения дихотомии «свой-чужой» и формирования образа врага («чужого») и героя («своего»), инструментом идеологического и эмоционально-психологического воздействия на зрителя. При этом и в плакате «красных», и в плакате «белых» отразились не только важнейшие события истории России 1918–1922 гг., но и выкристаллизовались особенности плаката как средства художественной выразительности (Россия XX век, 1993). Архитектурные компоненты художественного языка как «красного», так и «белого» плаката использовались для подчеркивания антитезы «свой-чужой», создания образа Отечества, его прошлого, настоящего и будущего, для обозначения истинных и мнимых ценностей, для гиперболизации отвратительного образа врага и привлекательности образа «своего». Архитектурные образы являлись символами производительного труда, идей прогресса. Изображение работающих заводов и фабрик, действующих школ, университетов, библиотек, больниц призваны были способствовать моделированию светлого будущего в случае

победы «своих». Руины, горящие избы, вставшие заводы, разрушенные храмы визуализировали образ будущего в случае победы «чужих».

В «Окнах РОСТА» архитектурный мотив чаще отсутствует, иногда намечен отдельной линией или контуром построек («Окно сатиры РОСТА»: № 791, декабрь 1920 «Враг последний готов» (Маяковский В., 1957, с. 273), № 494, ноябрь 1920 «Да здравствует революционная инициатива» (Маяковский В., 1957, с. 198)). Проявляется устойчивая символика образов: дымящиеся трубы заводов обозначают мирный производительный труд, остановившееся производство передано через рисунок фабрики, которая не дымит (см., например, Окно сатиры Главполитпросвета № 17, февраль 1921, «Неделя профдвижения» (Маяковский В., 1957, с. 319); Окно сатиры РОСТА № 571, ноябрь 1920, «Сломили красноармейцы шею барону» (Маяковский В., 1957, с. 231)). Интереснейшая архитектурная метафора присутствует на плакате «Товарищи! Почему в Европе до сих пор нет Советов, а буржуи у власти?» (см. рис. 3). Толстый буржуй в черном фраке и черном цилиндре взгромоздился на красный работающий завод (трубы дымят!), вольготно возлежит на нем и присваивающим жестом обхватил одну из труб. В левой руке – бокал вина. Архитектурный образ в данном случае применяется для визуализации темы паразитирования европейской буржуазии на теле рабочего класса (завод передан красным цветом, т.е. обозначен как «свой», пролетарский).

Как уже говорилось, «красный» политический плакат отличается многовариантностью художественных стилей. Касается это и архитектурного мотива. Одним из ярчайших примеров авангардной плакатной графики с ар-

хитектурной метафорой стал знаменитый плакат Л.М. Лисицкого (псевдоним «Эль») «Клином красным бей белых!» (рис. 3). Алый клин на белом фоне, пронзающий белый круг, помещенный на черном фоне, олицетворяет собой неотвратимую победу революционных сил над Белым движением. Плакат состоит из трех геометрических фигур: красного треугольника (клина), белого круга и черного фона. Красный треугольник символизирует атаку Красной армии, а белый круг – терпящую поражение Белую армию.

Хотя в плакате Эль Лисицкого нет обычных архитектурных объектов, сама композиция построена по принципу чертежа. Будучи архитектором, Лисицкий стремился объединить архитектуру с живописью и графикой, создавая так называемые «проуны» - проекты утверждения нового. Плакат «Клином красным бей белых!» был одним из таких «проунов». Он был заказан Лисицкому, приехавшему в 1919 г. по приглашению М. Шагала преподавать в Витебск, Отделом пропаганды Политуправления Западного фронта. Впервые был напечатан Литиздатом (1920 г.) (Канцедикас А., Яргина З., 2004, с. 66).

Архитектурный мотив плаката

Рис. 3. Эль Лисицкий. «Клином красным бей белых!», 1920 г.

Рис. 4. К. Спасский. «Донецкий уголь должен быть наш!», 1919 г.

К. Спасского «Донецкий уголь должен быть наш!» (1919 г.) (рис. 4) визуализирует цели Донбасской операции 18-31 декабря 1919 г., когда в условиях наступления войск левого крыла Южного фронта РККА (1-я Конная, 13-я и 8-я армии) была поставлена цель освобождения Донбасса и разгрома Добровольческой армии и части Донской белогвардейской армии. На первом плане - красноармеец, поправивший ногой лежащего на земле белогвардейского генерала. В правой руке красноармейца винтовка, к штыку которой прикреплен красный флаг с надписью «РСФСР». Над его головой расположен написанный красным лозунг «Донецкий уголь должен быть наш!». Справа от фигуры поверженного генерала черным в четыре строки написано: «Нет угля - стоят фабрики. | Нет угля - станут поезда. |

Рис. 5. Д. Моор. «Врангель еще жив...», 1920 г.

Покуда Дон не наш - | голод с нами». Внизу красным продолжение лозунга: «Победа над Деникинскими бандами - | победа над голодом». Левой рукой красноармеец указывает на работающие заводы и железнодорожные пути с товарным поездом, нагруженным углем.

Плакат выполнен в реалистичной манере. Основное изображение прямо иллюстрирует написанное в лозунге: художественный и вербальный языки плаката совершенно совпали. Плакат эмоционально насыщен, его драматизм подчеркивается лаконизмом, почти монохромностью цветовой гаммы. Он черно-белый, с минимальными включениями красного цвета (красная звезда на кокарде красноармейца, красный бант на его груди, красное знамя на штыке его винтовки, красные корешок и поле генеральского эполета, и лампасы брюк, красной лентой обтянуты на-

градные колодки медалей). Кроме того, красным написан лозунг вверху и внизу композиции. Архитектурные элементы (заводы, фабрики, железнодорожные пути, товарный поезд) художественно обобщены. Они обозначены неким черным силуэтом на заднем плане композиции и символизируют ключевые для экономики советской России промышленность и транспорт.

На плакате Д. Моора «Врангель еще жив, добей его без пощады» архитектурный мотив сочетается с несколько трансформированным и переосмысленным элементом христианской системы образов. Красноармеец представлен в иконографии Спасителя во славе – в сиянии мандорлы, внутри которой он находится (рис. 5)

У ног красноармейца Врангель, Де-никин, Колчак и Юденич. Вместе их тела напоминают черный клубок змей, в котором с трудом можно различить туловище и ноги Врангеля. Темная зловещая масса, в которую на плакате превратились военные лидеры Белого движения, несомненно, символизирует дьявольскую силу зла. Враг еще силен, он тянет свою руку к мирным домам граждан. Занесенным над головой мечом красноармеец готов покарать Врангеля.

Одним из известнейших «красных» плакатов с архитектурной метафорой является произведение В. Дени «Незыблемая крепость» (1919 г.) (рис. 6). Символом революционных завоеваний здесь является возвышающаяся над морем крепость – метафора незыблемости и прочности власти рабочих и крестьян. Над крепостью развевается красное знамя с надписью «РСФСР». Крепость осаждает утлая лодка под бело-сине-красным флагом с буржуем и белогвардейским генералом на борту. На флаге надпись – «Контрреволюция».

В небе кружит черное воронье. Лодка едва не терпит крушение под напором революционных волн. Крепость неприступна. Внизу плаката помещается лозунг, написанный стихами Демьяна Бедного, усиливающий агитационный эффект призывом к бдительности и сплоченности (Вашиш К., Бабурина Н.И., 2004, с. 7-15; Сергеева О.В., 2017, с. 210–229).

Заключение

Таким образом, правомерны следующие **выводы**. В целом архитектурным образам «красного» плаката периода Гражданской войны свойственны символизм и связь с другими изобразительными мотивами. Жилые постройки и промышленные объекты выступали как метафоры прогресса, индустриали-

Рис. 6. В. Дени. Незыблемая крепость, 1919 г.

зации и победы идей Мировой революции. «Старые» архитектурные образы (например, разрушенные здания, развалины, руины) противопоставлялись «новым» (неприступные крепости, работающие заводы и фабрики, красивые жилые постройки) - символам обновления и революции. Самыми распространенными архитектурными мотивами были фабрики, заводы и железнодорожные пути (символы завоеваний революции), церковные постройки, развалины и руины (символы контрреволюции).

Авангардные приемы (супрематизм, конструктивизм), которые активно использовали в «красных» плакатах, позволяли создать визуальную модель будущего общества. В отличие от «белых» плакатов, которые чаще акцентировали внимание на страданиях и разрушениях, «красные» стремились визуализировать энергию рывка и перспективы нового строя. Таким образом, архитектурные образы будущего в плакатах Гражданской войны были не просто декоративными элементами, а мощным инструментом пропаганды, психологического и идеологического воздействия, транслировавшим идеи трансформации общества, индустриализации и построения социализма.

Список литературы / References

1. Акиншина А.Н. Лубочные плакаты Первой мировой войны (1914-1918) как источник визуальной информации / А.Н. Акиншина // Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки / автор-составитель Е.А. Воронцова; ответственный редактор А. Г. Голиков. - Москва: [б. и.], 2019. С. 727-737.
2. Бабурина Н.И. Русский плакат (конец XIX – начало XX века). Л.: Художник РСФСР, 1988. 192 с.
3. Бутник-Сиверский Б.С. Советский плакат эпохи гражданской войны, 1918–1921. – М.: 1960. 695 с.
4. Вашик К., Бабурина Н.И. Реальность утопии. Искусство русского плаката XX века. – М.: 2004. 415 с.
5. Волковский Н.Л. История информационных воин Ч. 2. – СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2003. 736 с.
6. Демосфенова Г., Норок А. Шатынко Н. Советский политический плакат / Под общ. ред. Ф. Калюшина). – М.: 1962. С. 23-47.
7. Дувакин В. Примечания // Маяковский Владимир. Полное собрание сочинений: В 13 т. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955-1961. Т. 3. «Окна» Роста, 1919–1922, 1957. С. 467-581.
8. Жирков Г.В. Журналистика двух России. СПб., 1999. 177 с.
9. Зименко Е.В. Хроника и плакаты Первой мировой войны: из фондов Научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова / Сост. и авт. вступ. ст. Е.В. Зименко]. – М.: 2014. 124 с.
10. Канцелиас А., Яргина З. «Эль Лисицкий. Фильм жизни. 1890–1941» (Часть вторая. Миротворение и мирреальность. 1919–1921). – М.: Новый Эрмитаж – один, 2004. 144 с.
11. Куммер Р. «Не оружием, а плакатом будет разбит враг!»: Лингвосомиотический анализ плакатов РОСТА // «Пятнами красок, звоном лозунгов...». Книжно-плакатное творчество Маяковского / Сост. В.Н. Терехина. – М.: СПб., 2016. С. 202-226.
12. Лебедева В.Г. Судьбы массовой культуры в России. Вторая половина XIX – первая треть XX в. – СПб., 2007. С. 99-106.
13. Лотман Ю.М. Художественная природа русских народных картинок. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. С. 322-339.
14. Маслеников Н. Н. Плакат. М., 1930. 67 с.
15. Михаленко Н. В. Современный этап изучения «Окон РОСТА и Главполитпросвета» В.В. Маяковского // Сборник матеи српске за славистику. 2023а. Т. 103. С. 423–443.
16. Михаленко Н.В. Принципы подготовки агитационных плакатов Первой мировой войны // Парадигма: философско-культурологический альманах. 2023b. Вып. 39. С. 53-60.
17. Полонский В.П. Русский революционный плакат. – М.: 1925. 192 с.
18. Россия XX век. История страны в плакате [Текст]: альбом / Авт.-сост. Н.И. Бабурина. Москва: Панорама, 1993. 239 с.
19. Сергеева О.В. Визуальный язык «красных» и «белых» плакатов периода Гражданской войны в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Вып. 20 (4). С. 210-229.
20. Субботина Н.О., Тимофеева М.С., Марусева И.В. Феномен искусства: Модерн как источник вдохновения в современной рекламе // Альманах теоретических и прикладных исследований рекламы, 2014. № 2. С. 28-43.
21. Халаминский Ю.Я. Советский плакат. – М.: 1961. 55 с.
22. Шевченко В.Я. Композиция плаката : учебное пособие / В.Я. Шевченко. – Харьков: Колорит, 2004. 124 с.
23. Эвентов И. Маяковский-плакатист. Критический очерк. Л.; – М.: «Искусство», 1940. 74 с. // URL: <https://www.litfund.ru/auction/254/254/>
24. Bownes D., Fleming R. Posters of the First World War. Oxford; – New York, 2014. 112 p.
25. Lazarski C. White Propaganda Eff orts in the South during the Russian Civil War, 1918–19 (The Alekseev-Denikin Period). The Slavonic and East European Review, 1992. Vol. 70 (4). P. 688-707.

Ихуа Сюй

Преподаватель. Хэйхэйский университет, г. Хэйхэ, провинция Хэйлуцзян, Китай.

Бин Лю

Преподаватель, докторант, Хэйхэйский университет, г. Хэйхэ, провинция Хэйлуцзян, Китай.

Исследование путей развития этической компетентности журналистов и иных специалистов в области средств массовой информации в контексте идеологии и политики обучающих программ*

Аннотация. По мере углубления реформы высшего образования идеология и политика в отношении учебных программ стали ключевой мерой для решения фундаментальных задач воспитания добродетели посредством образования.

В сфере журналистики и коммуникаций часто встречаются нарушения как традиционной профессиональной этики, например, распространение фейковых новостей и заказных материалов, так и новой этики, связанной с новыми технологиями, а именно, дипфейками и манипулированием общественным мнением. В связи с этим все большее значение приобретает формирование профессиональной этической грамотности у журналистов и специалистов в области коммуникаций.

В этой статье, основанной на анализе текущего состояния образования в области журналистики и этики коммуникации в Китае, предпринята попытка создать трехкомпонентную систему обучения, включающую «ценностное ориентирование – эмоциональную идентификацию – развитие способностей», а также предложены пути ее реализации, такие как оптимизация структуры курсов, внедрение инновационных методов преподавания и повышение квалификации преподавателей. Цель – дать представление о том, как развивать нравственную грамотность журналистов и работников СМИ в Китае.

Ключевые слова: идеология и политика в области образования, журналистика и СМИ, развитие талантов, нравственная грамотность, этическое воспитание.

Yihua Xu

Lecturer, Heihe University, Heihe, Heilongjiang Province, China.

Bing Liu

Lecturer, Doctoral Candidate, Heihe University, Heihe, Heilongjiang Province, China.

A study of ways to develop ethical competence of journalists and other specialists in the field of mass media in the context of the ideology and policy of educational programs

Abstract. With the deepening of higher education reform, curriculum ideology and politics has become a key measure to implement the fundamental task of fostering virtue through education. In the field of journalism and communication, traditional professional ethics such as fake news and paid news, as well as emerging ethics brought about by new technologies such as deep-

* © Ихуа Сюй, Бин Лю, 2026.

Исследование путей развития этической компетентности журналистов и иных специалистов в области средств массовой информации в контексте идеологии и политики обучающих программ

fakes and public opinion manipulation, occur frequently, making the cultivation of professional ethical literacy for journalism and communication talent increasingly prominent. Based on a reflection on the current state of journalism and communication ethics education in China, this paper attempts to construct a trinity training framework of “value guidance – emotional identification – ability cultivation” and further proposes implementation paths such as optimizing course settings, innovating teaching methods, and improving teacher quality, aiming to provide some ideas for cultivating the moral literacy of journalism and media talents in China.

Key words: curriculum ideology and politics, Journalism and media, Talent cultivation, Moral literacy, Ethics education.

Эта статья основана на результатах исследовательского проекта Департамента образования провинции Хэйлунцзян за 2020 год, финансируемого за счёт средств на научно-исследовательскую деятельность, под названием «Исследование путей формирования этической компетентности у талантливых журналистов и её социальной ценности в контексте идеологического и политического образования на основе учебных программ», проект № 2020-KYYWF-0891.

1. Introduction

As an innovative educational concept, curriculum ideology and politics emphasizes the integration of ideological and political education into the entire process of professional curriculum teaching, in order to achieve the organic unity of knowledge transmission and value guidance. With the rapid development of information technology, the news communication environment is becoming increasingly complex. Media talents not only need to possess solid professional skills, but also need to have a firm political stance and good moral qualities. Especially in the era of all media, the ideological and political literacy of media talents is directly related to public opinion guidance and national ideological security. In this context, how to effectively integrate the ideological and political concepts of the curriculum into the talent cultivation system of journalism and media has become an important issue of common concern for both academia and industry.

2. The Current Situation of Moral Literacy Education for News Talents in China Against the Background of Curriculum Ideology and Politics

The “Guiding Outline for the Construction of Ideological and Political Education in Higher Education Curriculum” issued by the Ministry of Education clearly requires the integration of value shaping into the entire process of knowledge transmission,[1] which is highly consistent with the fundamental task of “fostering virtue through education” in the discipline of journalism and communication. In recent years, many colleges and universities have actively explored talent cultivation paths, such as setting up practical workshops and adopting scenario simulations to help students solve ethical issues in journalism, which has to some extent improved students’ professional judgment. However, there are still prominent problems in current practice, such as fragmented theoretical teaching, lagging case teaching, and formalized practical training, especially when dealing with emerging forms of communication such as algorithm recommendation and metaverse reporting, which seem inadequate.

2.1 Inadequate Integration of Ideological and Political Education into Professional Education

In promoting ideological and political

education within the curriculum, some universities still adopt a rather mechanical approach to embedding such content into professional courses. This results in an unnatural connection between ideological and political elements and professional knowledge, and can even lead to a disconnect between the two. In journalism and communication courses, the introduction of ideological and political content often remains at the level of superficial indoctrination and fails to sufficiently integrate with core issues such as journalistic ethics and professional ethics. This not only weakens the practical effectiveness of ideological and political education within the curriculum but also overlooks the strong political and ideological requirements inherent in journalism and communication education [2].

Furthermore, the degree of integration of ideological and political education within the curriculum exhibits significant inconsistencies. In foundational courses such as "Introduction to Journalism" and "Introduction to Communication Studies", which are highly theoretical in nature, it is relatively easy to integrate ideological and political elements; however, in practice-oriented courses such as "Omni-media Reporting Practice", the penetration of ideological and political education appears to be relatively weak. This indicates that in the process of professional education, the implementation of ideological and political education within the curriculum still lacks overall planning and systematic design, making it difficult to form a comprehensive and organically integrated educational system.

2.2 Insufficient Ethical Education in Response to New Technologies

The development of new technologies has brought about profound changes in news production and dissemination. While technological tools such as

algorithmic recommendations and automated news generation have significantly improved the efficiency of news dissemination, they have also given rise to new ethical dilemmas, such as deep-fakes and information silos. However, the content and format of journalism ethics education have not kept pace with technological advancements, leaving students lacking sufficient coping skills and ethical judgment when faced with these new challenges.

On the one hand, the current educational system fails to fully address ethical issues arising from new technologies. Although textbooks and courses such as "Introduction to Online Communication" and "Converged Journalism" cover cutting-edge topics like AI ethics and data privacy protection, these topics have not been systematically organized, resulting in students' incomplete grasp of relevant ethical knowledge. On the other hand, the uneven distribution of educational resources among universities has exacerbated this problem. Due to limitations in technical infrastructure and faculty resources, many universities are unable to establish virtual laboratories for students to gain hands-on experience or to offer relevant technical courses. This situation easily leads to students having only a superficial understanding of emerging technological ethics, making it difficult for them to grasp the essence of these issues, let alone respond to them or make ethical judgments.

2.3 The Disconnect Between Practical and Theoretical Instruction

Theoretical instruction, as the foundation of journalism ethics education, aims to help students systematically master the basic principles and norms of journalism ethics and provide them with a theoretical framework for analyzing ethical issues. However, purely theoretical instruction is often too abstract, making it difficult for

students to truly understand the complexity and diversity of ethical issues in specific contexts. In contrast, practical instruction, by simulating real-world journalism scenarios, presents students with tangible ethical dilemmas, helping them deepen their understanding of ethical theories and enhance their ability to apply them through concrete analysis. However, there is currently a marked disconnect between practical and theoretical instruction in journalism ethics education.

First, there is a lack of coordination between case-based instruction and theoretical instruction. In addition to the specialized course "Media Law and Ethics," journalism ethics education in universities is integrated into every course; however, theoretical instruction and practical instruction are often divided into separate teaching modules, with the former focused on classroom lectures and the latter relying on extracurricular discussions or practical activities. This compartmentalized teaching model makes it difficult for students to organically integrate theoretical knowledge with practical analysis during the learning process, thereby reducing the overall effectiveness of learning. Second, there is a disconnect between the selection of practical teaching content and the design of the theoretical teaching framework. For example, some instructors fail to fully consider the connection between practical activities and theoretical knowledge when conducting them, resulting in practical instruction becoming merely a formality that fails to effectively support the objectives of theoretical instruction. Finally, a unified standard for the evaluation systems of practical and theoretical instruction has yet to be established. Under the traditional teaching model, theoretical instruction is typically assessed through exams and similar methods, while practical

instruction relies more heavily on student participation and performance. This inconsistency in evaluation methods not only complicates teaching management but also makes it difficult for students to fully appreciate the importance of both teaching approaches.

These various disconnects have led to a situation where journalism ethics education prioritizes ideological development over concrete practice, and the cultivation of students' moral character has not been effectively implemented.

3. Construction of Moral Cultivation Framework for News and Media Talents in the Context of Curriculum Ideology and Politics

The cultivation of moral literacy in news and media talents needs to be based on a systematic theoretical framework. The three-dimensional model of "cognition - emotion - behavior" in the field of social psychology emphasizes the complete process of the formation of individual attitudes, which provides a scientific path for analyzing the moral quality of journalists.

3.1 Value-oriented Guidance

3.1.1 The Marxist View of Journalism

All relevant courses in the field of journalism must be guided by the Marxist view of journalism.[3] As the core guiding ideology of the discipline of journalism and communication, the Marxist view of journalism holds an irreplaceable central position in cultivating the moral integrity of journalism professionals. Based on dialectical materialism and historical materialism, it emphasizes that journalism must serve the fundamental interests of the people and uphold the Party's leadership over journalism and public opinion work. In today's complex and ever-changing media environment, guiding students to adopt a correct view of journalism not only helps elevate their professional ethics but also

strengthens their ability to make value judgments when confronted with diverse information.

Courses in journalism and communication must be grounded in the Marxist view of journalism to ensure correct political orientation and stance.[4] Higher education institutions can offer specialized courses such as “Marxist Journalistic Thought” and “Case Studies in the Marxist View of Journalism”, combining classical theory with modern journalistic practice to help students gain a deep understanding of the fundamental tenets of the Marxist view of journalism. This enables students to flexibly apply these principles in their practical work, thereby avoiding ethical issues arising from a loss of values.

3.1.2 Core Socialist Values

As the soul of the culture of socialism with Chinese characteristics, the core socialist values play a vital guiding role in cultivating the moral integrity of journalism professionals. The journalism and media industry bears the important mission of disseminating mainstream values and guiding public opinion; therefore, journalism professionals must internalize the core socialist values as their professional ethics and code of conduct.

Integrating the core socialist values into the entire process of education in higher education institutions has been a consistent approach and measure adopted by the Party in leading China’s higher education sector.[5] In the teaching process, the core socialist values should be organically integrated into course content. Through methods such as case studies and thematic discussions, students should be helped to gain a deep understanding of the values’ essence and their concrete manifestations in journalism and communication. In the classroom, students can gain a multifaceted understanding of these values by exploring how national-level value goals,

such as “prosperity, strength, democracy, civilization, and harmony”, are reflected in news reporting, or by analyzing the practical significance of social-level value orientations, such as “freedom, equality, justice, and the rule of law”, in news selection and editing.

3.2 Emotional Identification

Emotion is a subjective reflection of the value relationships that human subjects attribute to objective phenomena. [6] In journalism and media activities, emotions inevitably influence journalists’ value judgments regarding the subjects they cover.[7] Therefore, cultivating the moral character of journalism and media professionals is not a rational calculation that can be achieved overnight, but rather a conscious choice based on emotional identification.

First, it is essential to instill in students a sense of social responsibility toward the journalism and media profession, helping them recognize that the media is not a neutral conduit of information, but rather a shaper of public opinion and a guardian of the public interest. Consequently, teaching should incorporate case studies of coverage of major social events to guide students in deeply analyzing how news reporting influences public perception and drives social progress. For example, when analyzing disaster coverage or high-profile social events, teachers not only explain reporting and editing techniques but also focus on exploring the role the media should play – whether to stir up emotions or provide rational guidance, and whether to pursue traffic or safeguard the truth. Through this emotional engagement and ethical deliberation, students can deeply appreciate the weighty social responsibility that journalism carries, thereby fostering a professional sense of mission, to “shoulder the burden of justice”, deep within their hearts

and closely linking their personal development to the well-being of society.

Second, it is essential to reinforce students' reverence for journalistic ethics, which serve as the lifeline of the industry and are centered on truth, objectivity, and fairness. By analyzing negative case studies, students can directly witness the severe consequences of violating professional ethics. At the same time, by combining the study of the "Code of Professional Ethics for Chinese Journalists" with simulated ethical dilemmas, students are guided to make moral decisions through practical exercises, thereby experiencing both the difficulty and nobility of upholding professional integrity. This approach of using real-life cases to illustrate principles and creating scenarios to foster ethical awareness effectively establishes an insurmountable moral red line in students' minds, instilling in them a heartfelt reverence for journalistic ethics. As a result, they will consciously resist temptations and uphold professional standards throughout their future careers.

3.3 Competency Development

Under the requirements of integrating ideological and political education into the curriculum, the training of journalism and media professionals is no longer merely mechanical training in professional skills such as reporting, writing, editing, and commentary, but rather an educational transformation involving the deep integration of "technique" and "principle". If moral integrity remains solely at the cognitive level, it is like a castle in the air; only by transforming it into concrete professional competencies can it truly be internalized as the professional instinct of journalists.

First, it is necessary to strengthen students' abilities in fact-checking and critical thinking. In the "post-truth" era, where fragmented and emotionally charged information proliferates, the foremost

ethical competency that journalism and media professionals must possess is the ability to verify information to "separate fact from fiction". Through intensive critical thinking training, it is necessary to equip students to instinctively activate their "fact-checking" mechanisms when faced with a deluge of information, ensuring they neither blindly follow nor blindly believe.

Second, there is a must to enhance students' ability to collaborate with machines and master technology. With the continuous evolution of technologies such as artificial intelligence and big data, news production methods have undergone profound changes, making it imperative to address the contemporary challenge of "technology for good". Therefore, it is essential to cultivate students' ability to master technology rather than be enslaved by it, so that when they employ algorithmic distribution and automated writing, they can consciously infuse their work with humanistic concern and social responsibility, prevent "algorithmic bias" or the "information bubble" effect, and truly uphold ethical standards through the empowerment of technology.

Finally, it is a necessity to hone students' abilities in omnichannel storytelling and public opinion guidance, transforming their sense of patriotism into concrete capabilities for international communication and creative expression. Students must be trained to tell China's stories in the complex international public sphere in ways that the international community can understand and readily accept, thereby enhancing cultural confidence and taking the initiative in external communication. This will enable them to become the new generation of leaders who possess both "literary prowess" and "insight", and become capable of both "reaching for the heavens" and "standing firmly on the ground".

4. Implementation Pathways for Cultivating the Ethical Competence of Journalism and Media Talents in the Context of Curriculum Ideology and Politics

4.1 Optimizing the Curriculum Framework

Optimizing the journalism and communication curriculum framework is a contemporary requirement for implementing the educational policies of the Party and the state, and a practical necessity for cultivating outstanding journalism and communication professionals.[8]

First, although courses on journalism ethics and professional ethics are included in the core curriculum of journalism and communication programs, their content is somewhat out of step with the times. The curriculum should incorporate emerging topics such as AI ethics and big data privacy protection to help students better address the ethical challenges posed by new technologies. Second, practical courses should be integrated with ethics courses. Through simulations of news reporting and editing scenarios and participation in discussions on hot-button social issues, students can deepen their understanding of ethical standards and enhance their ability to apply them in practice. Finally, efforts should be made to develop an interdisciplinary curriculum that integrates knowledge from related fields – such as philosophy, law, and sociology – into journalism ethics education. This approach will cultivate well-rounded journalism and communication professionals capable of breaking down narrow disciplinary barriers,[9] thereby enhancing their overall competence and critical thinking skills.

4.2 Innovative Teaching Methods

Case-based Teaching Method By analyzing classic cases of journalistic ethics from both China and overseas, students are guided to explore the causes of ethi-

cal dilemmas and strategies for resolving them from multiple perspectives, thereby cultivating their ethical decision-making abilities.

Practical Teaching Method By organizing students to participate in journalism internships, social research, and other activities, they are able to experience ethical conflicts and seek solutions in real-world work environments. This enhances students' media literacy and sense of professional responsibility, highlighting the organic unity of humanistic and scientific spirit.[10]

Blended Teaching Method Online platforms provide abundant learning resources, such as classic texts and videos of specialized lectures, to strengthen students' independent learning abilities; in-person classes emphasize teacher-student interaction and in-depth discussions, deepening students' understanding and mastery of key issues, and laying a solid foundation for the comprehensive enhancement of the ethical integrity of journalism professionals.

4.3 Enhancing Teacher Competence

Teachers should adopt a pedagogical philosophy that closely integrates instructional objectives with ideological guidance, and assume the dual responsibility of educating students through both knowledge and the curriculum.[11]

First, training in ideological and political education for teachers should be strengthened, with a focus on studying the Marxist perspective on journalism and the core socialist values, among other relevant topics. This will help teachers gain a deep understanding of the core principles of integrating ideological and political education into the curriculum and master effective methods for incorporating these principles into their teaching. Second, emphasis should be placed on enhancing teachers' professional competencies by en-

couraging their participation in industry practice and academic research. This will enable them to stay abreast of the latest trends and developmental needs in the journalism industry, thereby better integrating real-world case studies into their teaching to foster ethical education. Furthermore, mechanisms for teacher collaboration should be established to promote communication and cooperation between teachers of ideological and political courses and those of specialized courses. Together, they can develop course content that integrates ideological and political elements, fostering a positive environment for collaborative education.

5. Conclusion

With the profound transformation of information dissemination technologies, the journalism industry is undergoing a dual restructuring of its communication ecosystem and ethical standards. As a key driver of higher education reform in the new era, the integration of ideological and political education into the curriculum offers innovative approaches to addressing this challenge. Therefore, the cultivation of ethical integrity among journalism professionals in higher education institutions must be closely centered on the integration of ideological and political education into the curriculum, actively fostering journalism and communication professionals who possess a sense of Party spirit, a sense of national pride, and a correct understanding of journalism and values.

Список литературы / References

1. Ministry of Education of the People's Republic of China, Notice from the Ministry of Education on Issuing the Guiding Outline for Ideological and Political Construction of Higher Education Curriculum. (2020-06-01)[2026-07-22]. http://www.moe.gov.cn/srcsite/A08/s7056/202006/t20200603_462437.html.
2. Zhu Xiaoli, Exploring Teaching Practices in News Reporting and Writing Under the Philosophy of Integrating Ideological and Political Education into the Curriculum [J]. Media, 2021(07): 83-85.

3. Ding Baiquan, Ideological and Political Education in Journalism Curricula: Specific Characteristics, Effectiveness, and Implementation Pathways [J]. Contemporary Communication, 2020(6): 9-13+30.
4. Chen Yanxia, Liu Yixuan, Integrative Innovation: An Analysis of Approaches to Incorporating Ideological and Political Education into the Curriculum of Journalism and Communication Programs [J]. 2022(04): 89-91.
5. Qu Hongmei, Liang Zhenxi, Integrating the Core Socialist Values into the Entire Process of Education in Higher Education Institutions [J]. The New Long March, 2026(06): 39-41.
6. Qiu Dehui, Mathematical Emotions – Mathematical Logic of Human Emotion [M]. Party School of the CPC Central Committee Press, 2018:14.
7. Wang Fei, Exploring the Direction of Journalism Education Reform from the Perspective of Cognition, Emotion, and Will [J]. News Research, 2011(04): 70-72.
8. Zheng Zhuo, Chen Ying, The Value and Practical Pathways for Advancing the Integration of Ideological and Political Education into the Curriculum in the Journalism and Communication Major [J]. Media, 2021(09): 85-87.
9. Zhang Kun, Second Thought of Journalism Education [M]. Wuhan: Huazhong University of Science and Technology, 201: 58.
10. Yue Xinfeng, The Organic Unity of the Scientific Spirit and the Humanistic Spirit: A Contemporary Interpretation of Marx's Philosophy [D]. Shanghai: East China Normal University, 2001: 36.
11. Zhou Song, Deng Shuhua, Problems in the Development of Ideological and Political Education in College Curricula and Strategies for Optimization [J]. The Party Building and Ideological Education in Schools, 2021,(10): 58-60.

Слободян Е.А.*Независимый исследователь. Самозанятый по работе с билингвами. ORCID: 0009-0000-2149-6904***Культурные лакуны как основания для формирования взрослого бикультурализма (на примере феномена small talk)***

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования взрослого бикультурализма через призму концепции культурных лагун. На основе анализа классических моделей аккультурации С. Лисгаарда и К. Оберга доказывается, что преодоление аккультурационного стресса, по терминологии Дж. Берри, является ключевым условием формирования вторичной картины мира. Теоретической базой исследования выступают тезаурусный подход Вал. А. Лукова и семиотическая модель коммуникации Ю.М. Лотмана. Эмпирическим полем служит феномен small talk - ритуализированной беседы характерной для англоязычных культур. Доказывается, что успешное заполнение данной лакуны посредством трансформации тезауруса личности выступает фиксирующим элементом адаптационного перехода и необходимым этапом становления взрослого бикультурализма. Результаты исследования могут быть использованы при разработке программ кросс-культурной подготовки экспатов и образовательных траекторий для изучающих иностранные языки вне языковой среды.

Ключевые слова: культурные лакуны, взрослый бикультурализм, аккультурация, культурный шок, small talk, тезаурусный подход, межкультурная коммуникация.

Slobodian E.A.*Independent researcher. Self-employed, working with bilinguals. ORCID: 0009-0000-2149-6904***Cultural lacunae as the foundation for adulthood biculturalism development: a case study of the “small talk” phenomenon**

Abstract. The article examines the problem of adulthood biculturalism formation through the focus of the concept of cultural lacunae. Based on the analysis of classical acculturation models by S. Lysgaard and K. Oberg, it is argued that overcoming acculturation stress, in J. Berry's terminology, is a key condition for the development of a secondary worldview. The theoretical framework of the study relies on the thesaurus approach proposed by Val. A. Lukov and Y.M. Lotman's semiotic model of communication. The empirical basis is provided by the phenomenon of small talk - a ritualized conversation natural for English-speaking cultures. It is demonstrated that successful resolution of this lacuna through the transformation of an individual's thesaurus serves as a stabilizing element of adaptive transition and a necessary stage in the development of adulthood biculturalism. The findings can be applied to designing cross-cultural training programs for expatriates and educational routes for foreign language learners outside immersive environments.

Key words: cultural lacunae, adulthood biculturalism, acculturation, culture shock, small talk, thesaurus approach, cross-cultural communication.

* © Слободян Е.А., 2026.

Культурные лакуны как основания для формирования взрослого бикультурализма (на примере феномена small talk)

Переход из одной культурной среды в другую на сегодняшний момент является достаточно обыденным процессом, который может проходить как в рамках одного государства (внутренняя миграция), так и выходить за его пределы. Однако эта обыденность не делает процесс адаптации человека к новым условиям более легким или более быстрым. При этом неизбежно возникают ситуации, при которых имеющийся опыт индивида, отвечающий за конкретный элемент культурной картины мира при внешней аналогичности не соответствует требованиям и нормам иной культурной картины мира. Такое несовпадение личного культурного опыта индивида, отвечающего требованиям конкретной картины мира при переходе в иную картину мира мы предлагаем называть культурными лакунами. Именно культурные лакуны являются признаками культурного дефицита индивида и зоной его личного роста при переходе из одной культурной среды в другую. Ханна Арендт описывает этот дефицит как «крах частной жизни», при котором происходит утрата языка и способность естественного самовыражения индивида, теряется естественность реакции, то есть происходит что-то вроде прерывания Я [Арендт, 2017]. Мы полагаем, что преодоление культурной лакуны становится для индивида основанием для восстановления «прерванного Я» и переходом от адаптации в взрослому бикультурализму.

Научное осмысление процессов, переживаемых индивидом при миграции, началось с середины XX в. Так в 1955 г. норвежский социолог Сверре Лисгаард [Lysgaard, 1955] предложил U-модель адаптации, состоящую из трех стадий: начальная адаптация, кризис, последующая адаптация. Согласно данной модели эмоциональное состояние ин-

дивида сразу после перехода из одной общности в другую находится на пике, постепенно ухудшается, чтобы со временем, улучшиться и выровняться.

Но уже в 1960 г. в статье «Культурный шок: приспособление к новым культурным условиям» канадский антрополог Калерво Оберг [Oberg, 1960] предложил четырехступенчатую модель культурной адаптации. Модель культурной адаптации К. Оберга позволяет развернуто проследить за изменениями, с которыми встречается человек, и определить не только эмоциональное состояние индивида, но и факторы, влияющие на это состояние. Первая стадия в рамках этой модели - «медовый месяц». Человек не меняет привычные модели поведения, склонен идеализировать местный социум и культуру повседневности. Ему нравится всё или практически всё, а культурные различия воспринимаются максимально положительно и оцениваются индивидом как легко преодолимые или несущественные. Коммуникация с местным социумом строится доброжелательно, так как во внимание принимается иностранный статус человека и то, что он - новичок в данной среде. Вторая стадия - «переговоры». На этом этапе разница культур начинает негативно влиять на человека, вызывая психологический дискомфорт. Иные условия окружающей среды (световой день, гигиена, продукты питания, качество воды и т.д.) могут повлиять на физическое состояние человека. Индивид начинает испытывать проблемы в коммуникации, при этом К. Оберг отмечает, что на возникновение коммуникативных проблем влияет не уровень владения языком (количество известных индивиду слов и грамматических правил), а знание языка тела, умение считывать информацию из интонации,

тона, фразового ударения, выбора той или иной грамматической формы, знания лингвистических нюансов и коммуникативных кодов (что сказано - что в реальности это означает), ошибки, связанные с так называемыми “ложными друзьями переводчика”. Именно на этом этапе человек испытывает кризис самоидентичности, пытаясь решить для себя вопрос, что делать со своей первой культурной идентичностью в условиях, когда от него ожидается проявления черт, отвечающих характеристикам местной модели культурной идентичности. Как итог возрастает уровень тревоги и агрессии по отношению к местной культуре и/или языку и носителям этой культуры и/или языка. Третья стадия - “восстановление”. При успешном прохождении стадии “переговоров” человек начинает постепенно преодолевать культурные и языковые трудности, приспосабливается к нормам, традициям, обычаям и ценностям, вырабатывает коммуникативные ритуалы и нормы коммуникативной реакции (как вербальной, так и невербальной). Четвертая стадия - “адаптация”. Несмотря на то, что тревога и напряжение могут сопровождать человека еще какое-то время, индивид начинает адаптироваться к местной культуре, первые успехи приводят к ощущению радости и удовлетворения. Расширяется зона комфорта.

Сегодня принято рассматривать модель К. Оберга не как линейную, а как циклическую структуру, что позволяет описать процесс личностного роста более точно. Это отметили в 1989 г. А. Фернхем и С. Бочнер в работе “Культурный шок: психологические реакции на незнакомое окружение” [Collen A. Ward, 2001]. Процесс адаптации человека при переходе в иную культурную среду, скорее напоминает спираль, когда каждый

следующий виток имеет больший диаметр, но проходит по аналогичным переплетным точкам.

Таким образом уже на ранних стадиях адаптации (на второй стадии по модели К. Оберга) индивид встречается с культурными лакунами, то есть такими феноменами, когда его опыт не применим или не релевантен явлению, характерному для той культуры, адаптацию к которой он проходит. Иными словами, когда опыт, отвечающий “первичной картине мира”, не соответствует “вторичной картине мира” [Дзидза: 101].

На сегодняшний момент пристальное внимание проблеме взрослого бикультурализма уделено в работах канадского психолога Джона Берри [Berry, 1980, 1998, 2001, 2003, 2006]. Дж. Берри утверждает, что каждый индивид, столкнувшийся с другой культурой решает для себя два главных вопроса: Что важнее: сохранить свою культуру и идентичность? Или активно взаимодействовать с другой культурой. Ученый предлагает четыре стратегии аккультурации: ассимиляция (отказ от своей культуры, ради новой), сегрегация (сохранение своей культуры и отказ от новой), маргинализация (потеря связи со своей культурой и не принятие новой) и интеграция/бикультурализм (сохранение своей культурой и интеграция новой) [Smokowski: 14]. В качестве главного препятствия, которое необходимо преодолеть индивиду Дж. Берри называет «аккультурационный стресс» [Berry, 1998], в развитии которого у индивида значительную роль играют культурные лакуны.

М.С. Каган [Каган, 1996] отмечал, что культурная лакуна возникает на этапе распрямления, когда внешний мир (“вторичная картина мира”) трансформируется во внутренний мир

человека, чтобы стать составляющим его личности. Не владея необходимым семантическим полем индивид не может считать смыслы, заложенные в иной культуре, даже если, как отмечал Калерво Оберг [Oberg, 1960], нет языковых проблем, препятствующих пониманию.

Таким образом преодоление культурной лакуны становится важным этапом формирования взрослого билингвизма, то есть развитие “владения двумя культурами” [Harding-Esch: 46] у взрослого индивида, поскольку только ее преодоление делает само владение двумя культурами возможным.

В культурной лакуне можно выделить два уровня: лингвистический и собственно культурный. На каждом из уровней мы можем говорить об абсолютной или относительной лакуне. Такое деление было введено в научный оборот в 1970-е гг. отечественными лингвистами Ю.С. Степановым и В.Л. Муравьевым и дает следующее соотношение:

Тип лакуны
Лингвистический уровень
Культурный уровень
Абсолютная
Нет понятия или слов
Нет ритуала или ситуации
Относительная
Понятие есть, а одного слова нет
Ритуал есть, но нюансы взаимодействия отличаются

Любая культура представляет собой целостную систему, в которой отражены самые разнообразные ценности, характерные для соответствующей данной культуре картины мира и отвечающие пониманию людей, носителей данной культуры. Данность культуры в процессе жизнедеятельности человека происходит, по определению М.С.

Кагана, через “опредмечивание” реалий культуры, что “развертывает перед человечеством разнородную искусственную реальность, которая становится для него ближайшей и непосредственной средой обитания” [Каган: 2025, 90]. Таким образом культурные лакуны препятствуют качественной и эффективной ориентации, что влияет на все уровни социализации личности и сказывается на ее развитии [Луков, 2014: 21].

Одной из задач при формировании взрослого бикультурализма становится “опредмечивание” реалий “вторичной картины мира”. Такое заполнение культурных лакун может быть проведено с применением тезаурусного метода [Луков, 2014 и 2019], при котором тезаурус понимается “как полный систематический свод освоенных социальным субъектом знаний, существенных для него как средство ориентации в окружающей среде, а сверх этого также знаний, которые непосредственно не связаны с ориентационной функцией, но расширяют понимание субъектом себя и мира” [Луков, 2014: 18].

Преодоление культурной лакуны становится возможным, когда индивид выделяет некий целостный фрагмент реальности, опредмечивание которого становится невозможным исходя из его прошлого опыта, и заполняет его по триаде И.М. Ильинского [Ильинский, 2014], формируя и развивая знания, понимания и умения, необходимые и достаточные для взаимодействия с окружающей средой. Полученные целостные фрагменты реальности встраиваются во вторичную картину мира, формируя ее.

Этот этап процесса формирования взрослого бикультурализма можно назвать мерцающим, так как “в процессе обогащения тезауруса новым знанием

дистанция своего и чужого меняется как бы в режиме мерцания” [Луков, 2014: 29].

Модели трансформации коммуникации, перестройки личности и выстраивание комфортной и рациональной, в рамках понимания конкретного человека, картины мира описал Ю.М. Лотман [Лотман, 1973], предложив теорию семиотической модели коммуникации. В рамках данной теории ученый выделил две модели: “Я - Он” (за основу взята лингвистическая модель Р.О. Якобсона) и “Я - Я”. Модель “Я - Я” описывает внутреннюю коммуникацию, а модель “Я - Он”, описывая внешнюю коммуникацию, отвечает за процесс обмена сообщениями. Именно на этом этапе искажения, на возможность которых указывает М. де Флёр [DeFleur, 1966], наиболее подвержены влиянию контекста и фактору культурных различий.

Успех или неуспех коммуникации зависит от фоновых знаний участников процесса и от умения донести и расшифровать сообщение, опять же, опираясь на имеющиеся фоновые знания. Любые несовпадения образуют лакуны, которые могут быть как объективными, как например, лингвистические лакуны, отмечающие отсутствие эквивалента в другом языке (могут быть абсолютными, то есть при отсутствии эквивалента в другом языке; относительными, то есть при наличии эквивалента в другом языке, различается частота употребления слов; векторными, то есть несовпадение объемов понятий в двух языках; стилистическими, то есть отсутствие слова или фразеологизма с эквивалентной стилистической окраской).

Однако для успеха интеграции индивида к иной культурной среде не достаточно преодолеть лингвистический барьер, необходимо преодолеть раз-

ницу в культурном восприятии мира. При этом если в языке мы так или иначе можем найти некий аналог, необходимый и достаточный для перевода некой идеи из одного языка в другой, то при переходе из одной культурной картины мира в другую наибольшее количество коммуникативных ошибок индивид совершает как раз в зонах кажущихся аналогий. Например, допустимая форма приветствия различается в разных культурах. Так в одних культурах достаточно поприветствовать друг друга на расстоянии (например, в японской или китайской культуре), в других (в русской или американской) в качестве приветствия может использоваться рукопожатие, в третьих возможен обмен поцелуями (например, в итальянской). Однако все вышеперечисленное будет зависеть от контекста ситуации (например, в русской культурной традиции принято обмениваться исключительно словесным приветствием, в случае если один человек приветствует большую группу людей), а количество поцелуев при приветствии также будет различаться (например, в итальянской традиции их два, однако в некоторых районах Италии - три). И такие различия, построенные на нюансах культурной картины мира приводят к тому, что переход индивида из одной культурной среды в другую невероятно сложен.

Взрослый индивид, обладающий уже сложившейся и цельной (как того требует культура) картиной мира, при переходе из одной культурной среды в другую, можно сказать, пересобирает уже имеющуюся у него картину мира, чтобы на ее базе собрать картину мира, соответствующую иной культуре (вторичную картину мира). Таким образом индивид выполняет закон тождества - Я в Другом становится Другим Я. Чем

сложнее картина мира индивида в состоянии “Я”, тем сложнее она должна быть в состоянии “Другой Я”.

При переходе из одной культурной среды в другую столкновение с культурными лакунами является для индивида неизбежным. Культурные лакуны могут быть абсолютными и относительными. Абсолютная культурная лакуна предполагает отсутствие аналога в картине мира, уже присущей индивиду, при этом при относительной культурной лакуне аналог есть, но его реализация или детали отличаются.

Так в англоязычной культуре есть уникальный феномен, не имеющий аналогов в русскоязычной картине мира, то есть являющийся культурной лакуной - это традиция *small talk*. В англо-русских словарях можно найти такие эквиваленты, как “светская беседа”, “легкая беседа”, “пустой разговор”, “бессодержательная беседа”, то есть на уровне языков переход (перевод) осуществим. Однако на культурном уровне применение правил и норм ведения “бессодержательной или светской беседы”, характерной для русскоязычной картины мира приведет к коммуникативной неудаче в английской реальности. Для восполнения этой лакуны требуется понимание, что есть *small talk* в англоязычном бытии.

Oxford Dictionary предлагает такое определение: “*polite conversation about unimportant or uncontroversial matters, especially as engaged in on social occasions*” (вежливая беседа на несущественные или не вызывающие споры темы, особенно в ситуации участия в общественном событии). И тут возникает следующий вопрос, а что есть *social occasion*? В том же Oxford Dictionary находим, что *social* - “*relating to society or its organisation; needing companionship and therefore best suited to living in communities; relat-*

ing to or designed for activities in which people meet each other for pleasure” (относящийся к обществу или общественным организациям; нуждающийся в компании и, по этой причине, наилучшим образом подходящий для жизни в социуме; относящийся к или формирующий деятельность, при которой люди встречаются друг с другом ради удовольствия). Слово же “светский”, по словарю Ожегова, определяется как “относящийся к свету, связанный с ним; отвечающий понятиям и требованиям света, принадлежащий к свету; не церковный, мирской, гражданский”. Таким образом, в частности, на образование культурной лакуны повлияла лингвистическая лакуна векторного типа, когда эквиваленты есть, но их понятийное содержание различается. Данный пример иллюстрирует важный практический принцип перехода из одной культурной и/или языковой общности в другую - перевод (лингвистический уровень) не позволяет осознать явление и адаптировать его в свою картину мира, соответствующую требуемому языку. Ведь там, где в русском языке “светская беседа” навевает образы баблов и какого-то элитарного общества, в английском языке - это всё, что находится за пределами личности (используя модель Лотмана в качестве метафоры, это любая коммуникация, отличная от “Я - Я”). К слову, тот “свет”, который подразумевается в словаре русского языка в отношении слова “светский”, в английском будет *the ton*.

Сама идея *small talk* не входит в эстетосферу русскоязычной культуры поведения, что приводит к абсолютной культурной лакуне. Попытка разрешить этот вопрос с помощью только лингвистических средств (при помощи двуязычных словарей) создает векторную лингвистическую лакуну.

При этом для развития взрослого бикультурализма культурные лакуны являются не только зонами роста (как в рамках адаптационных моделей, построенных по типу ступенек, как модель К. Оберга, так и в спиралевидных моделях, предложенных его критиками), но и фиксирующими элементами осуществленного адаптационного перехода. Иными словами, если человеку удалось разрешить какую-либо культурную лагуну, его погружение в инокультурную среду становится более глубоким.

Столкновение с феноменом *small talk* иллюстрирует переход относительной лингвистической лакуны в абсолютную культурную. Наличие словарных эквивалентов («светская беседа») создает иллюзию понимания (в данном случае мы имеем дело с так называемыми ложными дружескими переводчиками). При применении русских традиций коммуникации происходит, согласно классификации Ю.М. Лотмана, сбой модели «Я - Он»: русский актор пытается транслировать смысловое сообщение (часто личное), в то время как английский реципиент ожидает лишь подтверждения нахождения в общем социальном поле. Преодоление этой лакуны невозможно путем простого перевода лексики и требует формирования нового элемента вторичной картины мира - навыка поддержания бессодержательного, но социально необходимого дискурса.

Small talk является элементом приветствия в современной культуре повседневности в Великобритании, а также в ряде других англоговорящих стран, который Ари Турунен и Маркус Партанен называют «безопасной» формой коммуникации [Турунен, 62]. Этот формат взаимодействия между людьми начал развиваться и моди-

фицироваться со Средних веков, как отмечают Ари Турунен и Маркус Партанен «сама привычка здороваться изначально являлась попыткой контролировать агрессию окружающих, чтобы сохранить таким образом себе жизнь» [Турунен, 51]. При этом Десмонд Моррис подчеркивает, что «мы никогда не знаем наверняка, как будет себя вести тот или иной человек и насколько он изменился со времени нашей последней встречи, если даже мы были знакомы прежде» [Турунен, 51]. *Small talk* - культурное явление, которое призвано показать, что встретившиеся в единой точке пространства люди безопасны друг для друга, ведь если верно, что *inter arma silent musae*, то верно и обратное. Особенность *small talk* в том, что эта ритуальная беседа повторяется каждый раз, когда вы встречаетесь с человеком после перерыва. И несмотря на то, что сами Средние века со всеми их опасностями остались в прошлом, ритуалы повседневной культуры продолжают помогать людям сохранять ощущение безопасности. Еще одной важной задачей, которую решает *small talk* является поддержание социальных связей. Булат Окуджава, в одной из своих песен предложит аналогичный подход к коммуникации:

Давайте восклицать, друг другом
восхищаться

Высокопарных слов не надо опасаться

Давайте говорить друг другу комплименты

Ведь это всё любви счастливые моменты

Поскольку *small talk* не предполагает пересечения личных границ, то со временем выработался не только своего рода список допустимых тем, но и фразы, которые уместно произносить в та-

кого рода диалоге. Это стало источником многочисленных шуток. Так венгр Джордж Микеш, оказавшийся в Британии перед самым началом второй мировой войны и оставшихся там на всю жизни, написал книгу, ставшую классикой - *How to Be a Brit*, в которой, среди прочего, предлагает тем, кто откажется пройти его путь эмигранта “эталонные” диалоги для ситуаций *small talk*.

Изучение культурных лакун позволяет сделать как межкультурную коммуникацию, так и адаптацию индивида и его интеграцию в иной культурной и языковой общности более более эффективной. При переходе индивида из одной культурной и/или языковой общности в другую акцент на культурных лакунах позволяет избегать иллюзии узнавания на основе фоновых знаний индивида и соответственно разочарования и стресса, когда применение этих фоновых знаний не приносит ожидаемого результата. Кроме того, внимание к культурным лакунам при работе на бикультурализмом и билингвизмом позволяет выстраивать автономные картины мира, соответствующие каждому из языков и культур, не перенося опыт, а, соответственно, и элементы одной культуры в другую.

Список литературы

1. Арендт Х. Vita Activa, или О деятельной жизни / пер. с нем. и англ. В Бибикина. – М.: Ad Marginem Press, 2017. 416 с.
2. Дзида Н.Н. Асимметрия картин мира как причина лакунарности понимания и ее влияние на обучение иностранному языку // Образование и наука. 2010. № 10 (78). С. 100-107.
3. Ильинский И.М. “Знание - понимание - умение” как формула перспективной научной и образовательной политики. // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 1. С. 5-17.
4. Каган М.С. Философия культуры. – Санкт-Петербург, ТОО ТК “Петрополис”, 1996. С. 416.
5. Каган М.С. Эстетика как философская наука. В 2 частях. Ч. 1: учебник для вузов / М.С. Каган. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. 295 с.
6. Лотман Ю.М. О двух моделях коммуникации в системе культуры // Труды по знаковым системам. – Тарту: ТГУ, 1973. Вып. 308 (Т. 6). С. 227-243.

7. Луков Вал.А., Луков Вл.А. Методология тезаурусного подхода: стратегия понимания. // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 1. С. 18-35.
8. Луков Вал.А., Луков С.В. Тезаурусный подход в аспекте изучения культуры. // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 2. С. 3-20.
9. Турунен А. Только после Вас: Всемирная история хороших манер. / Ари Турунен, Маркус Партанен: Пер. с фин. – М.: Альпина Паблишер, 2019. 261 с.
10. Berry J.W. Acculturation as varieties of adaptation. In Acculturation: Theory, Models, and Some New Findings, ed. Amado V. Padilla. Boulder, CO: Westview Press. 1980. P. 9-25.
11. Berry J.W. Acculturation stress. In Reading in Ethnic Psychology, ed. Pamela Balls Orgabista, Kevin M. Chun, and Gerardo Marin. – New York: Routledge. 1998. P. 117-122.
12. Berry J.W. A psychology of immigration. Journal of Social. 2001. Issues 57 (3). P. 615-631.
13. Berry J.W. Conceptual approaches to acculturation. In Acculturation Advances in Theory, measurement, and Applied Research, ed., Kevin M. Chun, Pamela Balls Orgabista and Gerardo Marin. Washington, DC: American Psychological Association Press. 2003. P. 17-37.
14. Berry John W. Stress perspectives on acculturation. In The Cambridge Handbook of Acculturation Psychology, ed. David L. Sam and John W. Berry. Cambridge University Press. 2006. P. 43-57.
15. Collen A. Ward, Stephen Bochner, Adrian Furnham The Psychology of Culture Shock. Psychology Press, 2001. 367 p.
16. DeFleur M.L. Theories of Mass Communication. – New York: D. McKay. 1966.
17. Lysgaard Sverre. Adjustment in a foreign society: Norwegian Fullbright grantees visiting the United States. International social science bulletin, 1955. VII. 1. P. 45-50.
18. Oberg Kalervo. Cultural Shock: Adjustment to New Cultural Environments. Practical Anthropology, volume os - 7, 1960. Issue 4. P. 177-182.
19. Smokowski P.R., Bacallao Martica. Becoming Bicultural: Risk, Resilience, and Latino Youth. – New York and London: New York University Press. 2011.
20. Долгенко А.Н., Мурашко С.Ф., Рудакова С.В. Деловая игра как форма активного обучения // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 4 (154). С. 28-33.

References

1. Arendt H. Vita Activa, or On the Active Life / translated from German and English by Bibikhina. – Moscow: Ad Marginem Press, 2017. 416 p.
2. Dzida N.N. Asymmetry of Worldviews as a Cause of Lacunarity of Understanding and Its Impact on Foreign Language Teaching // Education and Science. 2010. № 10 (78). P. 100-107.
3. Ilyinsky I.M. “Knowledge - Understanding - Skill” as a Formula for Promising Scientific and Educational Policy // Knowledge. Understanding. Skill. 2014. № 1. P. 5-17.
4. Kagan M.S. Philosophy of Culture. – St. Petersburg, TOO TK “Petropolis”, 1996. P. 416.
5. Kagan M.S. Aesthetics as a Philosophical Science. In 2 parts. Part 1: a textbook for universities / M.S. Kagan. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 295 p.
6. Lotman Yu.M. On Two Models of Communication in the Cultural System // Works on Sign Systems. Tartu: TSU, 1973. Issue 308 (Vol. 6). P. 227-243.
7. Lukov Val.A., Lukov Vl.A. Methodology of

the Thesaurus Approach: A Strategy for Understanding // Knowledge. Understanding. Skill. 2014. № 1. P. 18-35.

8. Lukov Val.A., Lukov S.V. Thesaurus Approach in the Aspect of Cultural Studies // Horizons of Humanitarian Knowledge. № 2. 2019. P. 3-20.

9. Turunen A. Only After You: A World History of Good Manners. / Ari Turunen, Markus Partanen: Trans. from Finnish – M.: Alpina Publisher, 2019. 261 p.

10. Berry J.W. Acculturation as varieties of adaptation. In Acculturation: Theory, Models, and Some New Findings, ed. Amado V. Padilla. Boulder, CO: Westview Press. 1980. P. 9-25.

11. Berry J.W. Acculturation stress. In Reading in Ethnic Psychology, ed. Pamela Balls Orgabista, Kevin M. Chun, and Gerardo Marin. – New York: Routledge. 1998. P. 117-122.

12. Berry J.W. A psychology of immigration. Journal of Social. 2001. Issues 57 (3). P. 615-631.

13. Berry J.W. Conceptual approaches to acculturation. In Acculturation Advances in Theory, measurement, and Applied Research, ed., Kevin M. Chun, Pamela Balls Orgabista and Gerardo Marin. Washington, DC: American Psychological Association Press. 2003. P. 17-37.

14. Berry John W. Stress perspectives on acculturation. In The Cambridge Handbook of Acculturation Psychology, ed. David L. Sam and John W. Berry. Cambridge University Press. 2006. P. 43-57.

15. Collen A. Ward, Stephen Bochner, Adrian Furnham The Psychology of Culture Shock. Psychology Press, 2001. 367 p.

16. DeFleur M.L. Theories of Mass Communication. – New York: D. McKay. 1966.

17. Lysgaard Sverre. Adjustment in a foreign society: Norwegian Fullbright grantees visiting the United States. International social science bulletin, 1955. VII. 1. P. 45-50.

18. Oberg Kalervo. Cultural Shock: Adjustment to New Cultural Environments. Practical Anthropology, volume os - 7, 1960. Issue 4. P. 177-182.

19. Smokowski P.R., Bacallao Martica. Becoming Bicultural: Risk, Resilience, and Latino Youth. – New York and London: New York University Press. 2011.

20. Dolgenko A.N., Murashko S.F., Rudakova S.V. Business game as a form of active training // Etnosotsium and international culture. 2021. № 4 (154). P. 28-33.

Аннотации

Федирко О.П.

Потапчук Д.Д.

Православие в китайской диаспоре Приамурья: маркер русской идентичности и фактор межкультурной коммуникации

В статье рассматривается современное состояние православия в среде китайской студенческой молодёжи Амурской области как наиболее динамичной и восприимчивой к межкультурной коммуникации части китайской диаспоры. На основе социологического опроса китайских студентов (n=110) и интервью со священнослужителями выявляются особенности восприятия православия китайскими мигрантами. Особое внимание уделяется феномену принятия православия как маркера русской идентичности и роли межкультурной коммуникации в формировании религиозных представлений. Новизна исследования заключается в комплексном анализе бикультурной самоидентификации православных китайцев Приамурья на основе эмпирических данных 2026 г. Делается вывод, что православие в сознании китайских студентов выступает не только как конфессия, но и как символический маркер приобщения к русской культуре, при этом не влекущий отказа от традиционных китайских ценностей.

Ключевые слова: православие, китайская диаспора, Приамурье, русская идентичность, межкультурная коммуникация, китайские студенты, бикультурализм.

Мельник С.В.

Православие и суфизм: личностная модель межрелигиозного диалога

Рассматривается курс видеолекций «Православие и суфизм: личностная модель межрелигиозного диалога», реализованный при поддержке Фонда содействия стратегическому диалогу и партнерству Группы стратегического видения «Россия – Исламский мир». В основе предлагаемой модели лежит сопоставление духовных практик разных религий. Первая часть статьи раскрывает концептуальные основания миротворческого диалога; во второй представлена личностная модель как оригинальная стратегия гармонизации этноконфессионального взаимовосприятия; третья часть посвящена содержательным и методологическим аспектам курса, а также перспективам применения данного подхода в России и на международном уровне.

Ключевые слова: межрелигиозный диалог, православие, ислам, суфизм, личностная модель, межрелигиозные отношения, социальный мир, Россия.

До Тхи Минь Тхао

Нгуен До Хонг Ань

Дзэн и психоанализ: принципы прикладного религиоведения и практические подходы

Дзэн и психоанализ представляют собой автотелические сферы, предлагающие решения повседневного бытия индивидуума и используют принципы прикладного религиоведения для достижения. Условием обретения ими статуса как самостоятельных сфер выступает операциональный принцип, связанный с глубинными структурами социальной и индивидуальной жизни, в числе которых: архетипическая символика, религиозная психология, трансцендентная интуиция, «двойное дно» культуры и коллективное бессознательное.

Цель настоящей статьи проанализировать типологический аспект дзэна и психоанализа в отношении их самостоятельности, тем самым проясняют роль, значение и ценность прикладного религиоведения в частности и психологии в целом, их влияния в практических подходах повседневного бытия.

Ключевые слова: дзэн, психоанализ, принцип, прикладное религиоведение.

Пинкевич В.К.

Кравчук В.В.

От унификации к религиозному многообразию. Религиозные отношения в России в начале XX века

В статье рассматривается политика российского государства в конце XIX, начала XX вв. по усилению духовного влияния господствующего исповедания - Православной церкви на жизнь общества в условиях роста социального веса и политического влияния иноверных и инославных исповеданий в Российской империи. Резоны такой политики в национально-религиозном вопросе опирались на ту точку зрения, что, чем более однородна страна в своем конфессиональном облике, чем меньше внутри нее находится неправославного элемента, тем она устойчивей с точки зрения внутреннего спокойствия государства. Следствием такого взгляда стала политика ограничения прав национально-религиозных меньшинств в возможности их влияния на общество, что, в итоге, имело прямо обратный эффект, стимулируя антигосударственные националистические и сепаратистские настроения, переходящие в политические выступления. Революция 1903-1906 гг. обнажила все эти проблемы во всей остроте. Последующие реформы государственно-религиозных отношений шли в русле отрицания того взгляда, что государство может навязывать много-национальному обществу единый универсальный рецепт «духовного оздоровления».

Ключевые слова: государственно-конфессиональные отношения, Русская православная церковь, многоконфессиональное государство, вероисповедные реформы, свобода веры, национально-религиозный вопрос, русификация.

Вознесенский И.С.

Чапкин А.Н.

Социальное взаимодействие в поиске утраченного времени

Статья посвящена осмыслению социального взаимодействия в контексте современных трансформаций, связанных с цифровизацией, экологическими вызовами и усложнением темпоральной структуры общества. Авторы обосновывают необходимость перехода от традиционных социально-экономических измерений к анализу «ткани» социального взаимодействия как многомерного феномена, включающего не только акциональные обмены, но и историческую память, экологическую ответственность и темпоральные ритмы. Особое внимание уделяется идее «поиска утраченного времени» как социальной практики. В этом ключе выделяются три основных измерения: экологическое, формирующее платформу новой солидарности; историко-реконструктивное, восстанавливающее разорванную преемственность; темпоральное, обнажающее плюрализм социальных скоростей и ритмов. Делается вывод, что социальное взаимодействие выступает не фоном, а самостоятельной сущностью социальной жизни, его непрерывный мониторинг становится условием сохранения целостности социума в эпоху турбулентности. Статья опирается на обширный корпус работ по социальной экологии, темпоральным исследованиям и исторической реконструкции.

Ключевые слова: социальное взаимодействие, социальное время, темпоральный плюрализм, темпомиры, экологическое просвещение, социальная экология, историческая реконструкция, социальная ткань, утраченное время, маркеры социальной стратификации.

Долгов И.С.

Теоретико-методологические границы понятия «предельная заработная плата» в социологии рынков

Статья переосмысляет экономическую природу оплаты труда сквозь призму поведенческих стратегий наемных работников. На фоне деградации жестких тарифных сеток и доминирования контрактных соглашений авторами разворачивается концепт «предельной заработной платы». Данная категория трактуется как подвижная социальная переменная, обозначающая персональный критический минимум, за которым следует отказ от занятости. В работе разграничены понятия субъективно ожидаемого и предельно допустимого заработка, а также смоделированы деструктивные эффекты вынужденного найма, включая скрытый оппортунизм и неконтролируемую текучесть кадров. На основе многокритериального подхода обосновывается компенсаторный механизм связи денежных appetites соискателей с социальным качеством рабочей среды. Предложенные аналитические схемы позволяют кадровым службам превентивно диагностировать скрытые очаги напряжения в коллективах, а также гибко проектировать сбалансированные трудовые контракты в нетарифицируемом секторе экономики.

Ключевые слова: предельная заработная плата, социальная переменная, контрактный найм, социология труда, трудовой оппортунизм, транзакционные издержки.

Земцова О.А.

Синтез структурно-функционального и тезаурусного подходов в анализе молодежной политики корпорации: разработка модели и пилотная эмпирическая иллюстрация

Статья посвящена разработке интегративной модели анализа корпоративной молодежной политики крупной промышленной организации. Актуальность исследования определяется необходимостью повышения эффективности работы с молодыми сотрудниками в условиях демографического сжатия, конкуренции за квалифицированные кадры и трансформации трудовых ценностей молодежи. Цель статьи заключается в обосновании модели, позволяющей соотносить институциональное устройство корпоративной молодежной политики с ценностно-смысловыми ориентациями ее адресатов. Методологическую основу исследования составляет синтез структурно-функционального и тезаурусного подходов. Эмпирической базой выступили материалы пилотного исследования молодых работников одного из подразделений ОАО «РЖД». Установлено, что результативность программ адаптации, наставничества, карьерного развития и молодежного участия зависит не только от наличия соответствующей инфраструктуры, но и от ее понятности, доступности и субъективной значимости для молодых работников. Предложена двухконтурная модель, включающая структурный контур, отражающий цели, нормы, ресурсы и механизмы реализации молодежной политики, и тезаурусный контур, фиксирующий ценности, ожидания, интерпретации и опыт молодежи. Научная новизна состоит в рассмотрении смысловой легитимности корпоративных практик как условия их эффективности. Практическая значимость модели заключается в возможности ее применения для диагностики разрывов между управленческими целями и ожиданиями молодых сотрудников, а также совершенствования механизмов обратной связи и форм молодежного участия.

Ключевые слова: молодежная политика, корпоративная среда, структурно-функциональный подход, тезаурусный подход, социальное управление, организационная интеграция, ценностные ориентации молодежи, кадровое воспроизводство, промышленный железнодорожный комплекс.

Долгов И.С.

Трансформация мотивационной структуры поколения Z на рынке труда: вызовы для социологии управления

В статье исследуются процессы трансформации ценностно-мотивационного ядра молодых работников, принадлежащих к поколению Z (зумеров), в контексте задач и вызовов современной социологии управления. На основе междисциплинарного анализа и обобщения данных социологических мониторингов фиксируется глубинное смещение приоритетов от жестких прагматических стимулов (инструментальный тип) к гибким социальным благам, автономии и ценностно-ориентированной занятости. Автор обосновывает дефицит классических иерархических моделей управления в отношении «цифровых аборигенов». Очерчены ключевые управленческие инновации, включая внедрение горизонтальных коммуникаций, экосистемный HR-брендинг и геймифицированные форматы вовлечения, адекватные новой социальной реальности.

Ключевые слова: социология управления, поколение Z, трудовая мотивация, ценностные ориентации, рынок труда, вовлеченность персонала, управленческие практики.

Плетнев Н.А.

Вихман В.В.

Цифровые технологии и спортивное профессиональное образование: анализ возможностей

Настоящая статья нацелена на осмысление возможностей применения цифровых технологий и решений в подготовке студентов-спортсменов, ведущие к существенной трансформации спортивного образования. Интеграция цифровых решений в образовательный процесс профессиональной подготовки студентов ориентирована на оптимизацию учебно-тренировочного

процесса, повышение результативности достижений спортсменов. В настоящей работе авторы заостряют внимание на одной стороне цифровизации спортивного образования, а именно на применении программного обеспечения, функционал которого направлен на выявление и фиксацию ошибок, а также на специализированном техническом оснащении, цифровых площадках, позволяющих осуществлять мониторинг результатов, отслеживать динамику, приобретать билеты, атрибутику и многое другое.

Ключевые слова: цифровые технологии, тренировочный процесс, цифровая трансформация, спортивное образование.

Опенков М.Ю.

Тетенков Н.Б.

Алиенистика: искусственный интеллект и внеземной разум

Авторы статьи обращаются к одной из фундаментальных проблем: проблеме соотношения искусственного разума и внеземного разума. В статье утверждается эквивалентность искусственного интеллекта и внеземного разума для познания сознания человека. Внеземной разум является для человека чем-то патологическим, что выходит за рамки человеческой логики, чем-то принципиально новым. Посредством внеземного разума становится возможным познать человеческие сильные и слабые места. Подобную функцию по отношению к человеческому разуму выполняет и искусственный разум. Авторы приходят к выводу, что проблема искусственного интеллекта эквивалентна проблеме иного разума и возможного контакта с внеземными цивилизациями. Традиционный подход к этим проблемам несет одинаковые ошибки: предполагается, что сильный искусственный интеллект будет подобен человеческому, едва ли не станет копией человека, а в космосе мы встретимся обязательно с гуманоидами. Традиционный подход основывается на антропоцентризме и вытекающем из антропоцентризма тезисе об универсальности человеческого сознания. Авторы статьи полагают, что данный тезис ошибочен, так как человеческое сознание не является единственным, а всего лишь одной из возможных форм сознания во Вселенной. Разработка многочисленных вариантов искусственного интеллекта также ошибочность тезиса об универсальности человеческого сознания.

Внеземной разум и искусственный разум необходимы для самопознания человека. Неантропоморфные интеллекты мыслят иначе, чем человек, и способны помочь в решении сложных задач, таких как квантовая гравитация, тёмная энергия и т.д., где требуется другой тип интеллекта.

Ключевые слова: алиенистика, ксенология, Чужой, искусственный интеллект, негуманоидные типы сознания, Кант, Юк Хуэй.

Чиркова Е.А.

Генезис представлений о традиции в социально-философской мысли

В эпоху стремительных социальных трансформаций, когда глобализация и модернизация размывают устоявшиеся ценностные ориентиры, обращение к феномену традиции приобретает не только теоретическое, но и острое практическое значение для общества. Статья посвящена проблеме генезиса представлений о традиции в социально-философской мысли. Рассматривается трансформация представлений о традиции, прослеживается переход от ее понимания как основы социального порядка и преемственности к радикальному пересмотру этого понятия в эпоху модерна и постмодерна. В работе выделяются основные этапы генезиса: от мифологизированного и иерархического восприятия традиции, выполняющей функцию сохранения культурной идентичности, к ее демифологизации и секуляризации в Новое время. В отличие от герменевтической традиции, стремящейся к сохранению и единству с прошлым, генеалогический подход рассматривает разрыв с традицией как условие освобождения мышления. Обосновывается вывод о том, что в современную эпоху происходит переосмысление традиции в контексте постмодернистских концепций, что ведет к формированию пост-традиционного состояния социальности, характеризующегося антииерархичностью и открытостью новым формам мифологизации.

Ключевые слова: генезис, традиция, социально-философская мысль, представления, социальная философия.

Гаврилюк Н.П.

Дедиу Е.И.

Материальность синей бумаги: источники, терминология и интерпретация художественного выбора

В статье синяя бумага ручного производства рассматривается как самостоятельный объект историко-художественного и технологического исследования. Изложение выстроено по нескольким тематическим линиям: трудности терминологического порядка при описании синей бумаги; технологические варианты её получения; круг доступных источников – начиная с ранних трактатов и заканчивая современными инструментальными методиками анализа; и, наконец, отдельный историко-художественный сюжет – обращение венецианских художников к синей бумаге около 1500 года. Автор исходит из положения, что художественные материалы и техники несут смысл ничуть не менее значимый, чем иконография или стиль, и в силу этого заслуживают столь же тщательного, методологически выверенного рассмотрения. Соединяя визуальный анализ, инструментальные данные, опыт практического воспроизведения старинных технологий и внимательное изучение самого предмета, авторы оспаривают упрощённое экономическое толкование выбора синей бумаги и выдвигают более многослойную трактовку, где учтены доступность материала, технические качества проклеенной поверхности и эстетические запросы новой масляной живописи.

Ключевые слова: синяя бумага, история бумаги, венецианский рисунок, материальность, реставрация, кватроченто, Джованни Беллини, тряпичное сырьё, красители.

Гаврилюк Н.П.

Дедиу Е.И.

Региональная специфика писчебумажного производства Калужской губернии на рубеже XIX – XX веков: техническое оснащение, штрафная политика и социальные стандарты в сравнительной перспективе

В статье на основе широкого круга архивных источников, прежде всего материалов фабричной инспекции Государственного архива Калужской области, а также опубликованных статистических данных и законодательных актов Российской империи, рассматривается региональная специфика писчебумажного производства Калужской губернии на рубеже XIX – XX веков. Авторы анализируют техническое оснащение предприятий, организацию труда, систему штрафования, социальную инфраструктуру и уровень заработной платы на фабриках В. Говарда и Д.Д. Гончарова в сопоставлении с общероссийскими и окружными показателями. Выявлены устойчивые отличия калужских предприятий: исключительная концентрация производства, пионерный характер внедрения машинных технологий, опережение общероссийского законодательства в области продолжительности рабочего дня (восьмичасовая смена уже в 1890-х годах) и возрастного ценза (приём с 15 лет против 10 лет по общероссийской норме), развитие социальной инфраструктуры (больницы, училища, библиотеки, бани, народный дом), а также кардинальное отличие штрафной политики – взыскания на калужских фабриках в десятки раз ниже общероссийских показателей (1,8 копейки на 100 рублей заработка против 70 копеек по Московской губернии и 20 копеек в среднем по стране). На этом основании делается вывод, что писчебумажное производство Калужского края представляло собой особый феномен российской индустриализации, в котором сочетались техническое лидерство, передовая социальная политика и система трудовых отношений, ориентированная на квалифицированного работника. Авторы также обосновывают нерепрезентативность общероссийских усреднённых данных и необходимость изучения каждого производства в его конкретности для адекватного понимания региональной промышленной динамики. Результаты исследования могут быть использованы в разработке проблематики региональной и отраслевой истории труда, а также в музейно-краеведческой и туристической деятельности Калужской области.

Ключевые слова: Калужская губерния, писчебумажная промышленность, фабричное законодательство, история труда, социальная инфраструктура, штрафная политика, Троицко-Кондровские фабрики В. Говарда, Полотняно-Заводская бумажная мануфактура, российская индустриализация, конец XIX – начало XX века.

Трунова Е.Е.

Воловецкая Д.Н.

Применение инклюзивного дизайна в цифровом пространстве

В статье рассматривается инклюзивный дизайн как подход к проектированию цифровой среды, обеспечивающий доступность интерфейсов для пользователей с различными возможностями. Цель исследования – определить влияние инклюзивных проектных решений на вовлеченность пользователей и оценить степень соответствия современной практики требованиям цифровой доступности. Исследование основано на анализе международных и российских нормативных документов, отраслевых исследований и публикаций по теме. Установлено, что несмотря на развитие нормативной базы, уровень доступности веб-среды остаётся недостаточным, сделан вывод, что инклюзивный дизайн является не только инструментом социальной интеграции, но и фактором повышения эффективности цифровых продуктов.

Ключевые слова: инклюзивный дизайн, цифровая доступность, пользовательский интерфейс, WCAG, вспомогательные технологии, цифровое равенство.

Задохина М.Б.

Выставочная деятельность Хабаровского отделения Союза советских художников в 1940–1950-е годы

В статье рассматривается выставочная деятельность Хабаровского отделения Союза советских художников с момента его образования (1939 г.) до вхождения в укрупнённое объединение регионального значения (Дальневосточную зону, 1960 г.). Становление региональной художественной школы под влиянием политических, экономических и идеологических факторов описывается на основании архивных документов. Особое внимание уделяется противоречию между «программной» тематической живописью, продиктованной идеологической конъюнктурой, и пейзажным творчеством, свидетельствующим о самобытности природы и быта Дальнего Востока.

Ключевые слова: Союз художников, выставочная деятельность, социализация искусства, идеология, тематическая живопись, дальневосточная художественная школа, плакат.

Вэй Дяньтун

Исследование социокультурных настенных символов в региональном контексте

В этой статье рассматриваются региональные особенности социокультурных символов настенного искусства на фоне современного китайского городского пространства. В последние годы настенная культура в общественных пространствах Китая преследует главную цель отображения региональных особенностей и постепенно превратилась в визуальный символ, который несет в себе местную историческую память, укрепляет идентичность сообщества и продвигает социальные ценности. С точки зрения семиотики и социальной культуры анализируются произведения различных регионов Китая и раскрывается, как настенное искусство участвует в формировании региональной культуры, объединении коллективных эмоций и воспроизведении пространственного смысла. Идеальный настенный символ должен обеспечивать динамичный баланс между политическим нарративом и народным самовыражением, эстетическим единством и местными различиями.

Ключевые слова: социокультурный настенный символ, настенное искусство, региональная особенность, региональная идентичность.

Бухерт В.В.

Архитектурные мотивы и образы в художественном языке «красного» плаката периода Гражданской войны в России

Цель исследования – выявление архитектурных мотивов и образов в плакатном искусстве периода Гражданской войны в России 1918-1922 годов. Архитектурная метафора в плакатном искусстве сформировалась в период Первой мировой войны и приобрела в России особое значение во время Гражданской войны (символ врага, символ Родины, символ разрушающей силы войны, мотив защиты ценностей национальной культуры и Отечества, мотив строительства нового,

символ созидания и мирной жизни). Прототипы плакатной композиции и отдельных образов как в «красном», так и в «белом» плакате восходили к иконописной и лубочной иконографии, карикатуре и шаржу, а также плакатному искусству периода Первой мировой войны. Большое влияние на визуальный язык плаката оказали авангардизм и конструктивизм. Основные черты художественного языка плаката – выразительность, лаконичность, простота сочетались с языком вербальным – с краткими и понятными текстами в лозунгах.

Ключевые слова: гражданская война, искусство плаката, архитектурный мотив, взаимодействие вербального и художественного языка, дихотомия «свой-чужой».

Ихуа Сюй

Бин Лю

Исследование путей развития этической компетентности журналистов и иных специалистов в области средств массовой информации в контексте идеологии и политики обучающих программ

По мере углубления реформы высшего образования идеология и политика в отношении учебных программ стали ключевой мерой для решения фундаментальных задач воспитания добродетели посредством образования.

В сфере журналистики и коммуникаций часто встречаются нарушения как традиционной профессиональной этики, например, распространение фейковых новостей и заказных материалов, так и новой этики, связанной с новыми технологиями, а именно, дипфейками и манипулированием общественным мнением. В связи с этим все большее значение приобретает формирование профессиональной этической грамотности у журналистов и специалистов в области коммуникаций.

В этой статье, основанной на анализе текущего состояния образования в области журналистики и этики коммуникации в Китае, предпринята попытка создать трехкомпонентную систему обучения, включающую «ценностное ориентирование – эмоциональную идентификацию – развитие способностей», а также предложены пути ее реализации, такие как оптимизация структуры курсов, внедрение инновационных методов преподавания и повышение квалификации преподавателей. Цель – дать представление о том, как развивать нравственную грамотность журналистов и работников СМИ в Китае.

Ключевые слова: идеология и политика в области образования, журналистика и СМИ, развитие талантов, нравственная грамотность, этическое воспитание.

Слободян Е.А.

Культурные лакуны как основания для формирования взрослого бикультурализма (на примере феномена small talk)

В статье рассматривается проблема формирования взрослого бикультурализма через призму концепции культурных лагун. На основе анализа классических моделей аккультурации С. Лисгарда и К. Оберга доказывается, что преодоление аккультурационного стресса, по терминологии Дж. Берри, является ключевым условием формирования вторичной картины мира. Теоретической базой исследования выступают тезаурусный подход Вал. А. Лукова и семиотическая модель коммуникации Ю.М. Лотмана. Эмпирическим полем служит феномен small talk - ритуализированной беседы характерной для англоязычных культур. Доказывается, что успешное заполнение данной лакуны посредством трансформации тезауруса личности выступает фиксирующим элементом адаптационного перехода и необходимым этапом становления взрослого бикультурализма. Результаты исследования могут быть использованы при разработке программ кросс-культурной подготовки экспатов и образовательных траекторий для изучающих иностранные языки вне языковой среды.

Ключевые слова: культурные лакуны, взрослый бикультурализм, аккультурация, культурный шок, small talk, тезаурусный подход, межкультурная коммуникация.

Abstracts

Fedirko O.P.

Potapchuk D.D.

Orthodoxy in the Chinese Diaspora in the Amur region: a marker of Russian identity and a factor in intercultural communication

The article examines the current state of Orthodoxy among Chinese university students in the Amur Region as the most dynamic and interculturally receptive segment of the Chinese diaspora. Based on a survey of Chinese students (n=110) and interviews with clergy, the study identifies the features of Chinese migrants' perception of Orthodoxy. Special attention is paid to the phenomenon of adopting Orthodoxy as a marker of Russian identity and the role of intercultural communication in shaping religious ideas. The novelty of the research lies in a comprehensive analysis of the bicultural self-identification of Orthodox Chinese in the Amur Region based on empirical data from 2026. It is concluded that Orthodoxy in the consciousness of Chinese students acts not only as a confession but also as a symbolic marker of belonging to Russian culture, without entailing a rejection of traditional Chinese values.

Key words: Orthodoxy, Chinese diaspora, Amur Region, Russian identity, intercultural communication, Chinese students, biculturalism.

Melnik S.V.

Orthodoxy and Sufism: a personal model for interreligious dialogue

The article is devoted to the video lecture course "Orthodoxy and Sufism: A Personal Model of Inter-religious Dialogue", implemented with the support of the Foundation for Promoting Strategic Dialogue and Partnership of the Group of Strategic Vision "Russia – Islamic World". The proposed model is based on a comparison of spiritual practices across different religions. The first part of the work reveals the conceptual foundations of peacebuilding dialogue; the second part presents the personal model as an original strategy for harmonizing interreligious relations; the third part is devoted to the substantive and methodological aspects of the course, as well as to the prospects for applying this approach in Russia and at the international level.

Key words: interreligious dialogue, Orthodoxy, Islam, Sufism, personal model, interreligious relations, social peace, Russia.

Do Thi Minh Thao

Nguyen Do Hong Anh

Zen and psychoanalysis: principles of applied religious studies and practical approaches

Zen and psychoanalysis represent autonomous teleological spheres that offer solutions to the everyday existence of the individual and employ principles of applied religious studies for their attainment. The condition for their establishment as independent fields lies in their operational principles, which are linked to the deep structures of social and individual life, including archetypal symbolism, religious psychology, transcendent intuition, the "double bottom" of culture, and the collective unconscious.

The aim this article is to analyze the typological aspect of Zen and psychoanalysis in relation to their autonomy, thereby elucidating the role, significance, and value of applied religious studies and psychology in general, as well their influence on practical approaches to everyday existence.

Key words: Zen, psychoanalysis, principle, applied religious studies.

Pinkievich V.K.

Kravchuk V.V.

From unification to religious diversity: religious relations in Russia at the beginning of the 20th century

The article examines the policy of the Russian state in the late 19th and early 20th centuries to strengthen the spiritual influence of the dominant confession, the Orthodox Church, on the life of society, given the growing social weight and political influence of non-Orthodox and non-Orthodox confessions in the Russian Empire. The rationale for this policy in the national and religious context is based on the belief that the more homogeneous a country is in terms of its religious makeup, and the fewer non-Orthodox elements it contains, the more stable it is in terms of internal peace. As a result of this view, the rights of national and religious minorities were restricted, which had the opposite effect of stimulating anti-state nationalist and separatist sentiments that led to political uprisings. The 1903-1906 Revolution brought these issues to the forefront. Subsequent reforms in state-religious relations

Key words: state-confessional relations, Russian Orthodox Church, multi-confessional state, religious reforms, freedom of faith, national-religious issue, Russification.

Voznesensky I.S.

Chapkin A.N.

Social interaction in search of lost time

This article explores social interaction in the context of contemporary transformations associated with digitalization, environmental challenges, and the increasing complexity of the temporal structure of society. The authors substantiate the need to move from traditional socio-economic dimensions to an analysis of the “fabric” of social interaction as a multidimensional phenomenon that includes not only actional exchanges but also historical memory, environmental responsibility, and temporal rhythms. Particular attention is paid to the idea of “searching for lost time” as a social practice. In this vein, three main dimensions are distinguished: the ecological dimension, which forms a platform for new solidarity; the historical-reconstructive dimension, which restores broken continuity; and the temporal dimension, which reveals the pluralism of social speeds and rhythms. It is concluded that social interaction is not a background phenomenon, but an independent entity of social life; its continuous monitoring becomes a condition for maintaining the integrity of society in an era of turbulence. The article draws on an extensive body of work on social ecology, temporal studies, and historical reconstruction.

Key words: social interaction, social time, temporal pluralism, tempoworlds, environmental education, social ecology, historical reconstruction, social fabric, lost time, markers of social stratification.

Dolgov I.S.

Theoretical and methodological boundaries of the concept of “maximum wage” in the sociology of markets

The article reinterprets the economic nature of remuneration through the lens of the behavioral strategies of hired workers. Against the backdrop of the degradation of rigid wage scales and the dominance of contractual agreements, the authors develop the concept of “marginal wage.” This category is interpreted as a flexible social variable indicating a personal critical minimum, beyond which employment is abandoned. The paper distinguishes between the concepts of subjectively expected and maximum permissible earnings, and models the destructive effects of forced hiring, including hidden opportunism and uncontrolled staff turnover. Based on a multi-criteria approach, a compensatory mechanism is substantiated that links the monetary aspirations of job seekers with the social quality of the work environment. The analytical frameworks proposed by the authors enable HR departments to proactively diagnose hidden sources of tension in teams and to flexibly design balanced employment contracts in the non-tariff sector of the economy.

Key words: marginal wage, social variable, contractual employment, labor sociology, labor opportunism, transaction costs.

Zemtsova O.A.

Synthesis of structural-functional and thesaurus approaches in the analysis of corporate youth policy: model development and pilot empirical illustration

The article proposes an integrative model of corporate youth policy that combines structural-functional and thesaurus approaches. A pilot case study of young employees of JSC Russian Railways shows that adaptation, mentoring and career development mechanisms are effective only when formal institutions are aligned with the value expectations of young workers.

Key words: youth policy, corporate environment, structural-functional approach, thesaurus approach, social management, organizational integration, value orientations of youth, personnel reproduction, industrial railway complex.

Dolgov I.S.

Transformation of the motivational structure of generation Z in the labor market: challenges for management sociology

The article examines the processes of transformation of the value-motivational core of young workers belonging to Generation Z (the “Zoomers”) in the context of the tasks and challenges of modern management sociology. Based on interdisciplinary analysis and the synthesis of data from sociological monitoring studies, a profound shift in priorities is identified – from rigid pragmatic incentives (the instrumental type) to flexible social benefits, autonomy, and value-oriented employment. The author substantiates the deficiency of classical hierarchical management models in relation to “digital natives”. The key management innovations are outlined, including the introduction of horizontal communication, ecosystem-based HR branding, and gamified engagement formats that are appropriate to the new social reality.

Key words: management sociology, Generation Z, work motivation, value orientations, labor market, employee engagement, management practices.

Pletnev N.A.Vikhman V.V.**Digital technologies and professional sports education: analysis of possibilities**

This article aims to understand the potential of digital technologies and solutions in the training of student-athletes, leading to a significant transformation of sports education. The integration of digital solutions into the educational process of professional student training is aimed at optimizing the teaching and training process and increasing the effectiveness of athletes' achievements. In this paper, the authors focus on one aspect of the digitalization of sports education: the use of software designed to identify and record errors, as well as specialized technical equipment and digital platforms that allow for results monitoring, tracking dynamics, purchasing tickets and merchandise, and much more.

Key words: digital technologies, training process, digital transformation, sports education.

Openkov M.Yu.Tetenkov N.B.**Alienistics: artificial intelligence and extraterrestrial intelligence**

The authors of the article address one of the fundamental problems: the problem of the relationship between artificial intelligence and extraterrestrial intelligence. The article asserts the equivalence of artificial intelligence and extraterrestrial intelligence for cognition of human consciousness. Extraterrestrial intelligence is something pathological for humans that goes beyond human logic, something fundamentally new. Through extraterrestrial intelligence, it becomes possible to know human strengths and weaknesses. Artificial intelligence performs a similar function in relation to the human mind. The authors conclude that the problem of artificial intelligence is equivalent to the problem of another mind and possible contact with extraterrestrial civilizations. The traditional approach to these problems carries the same mistakes: it is assumed that a strong artificial intelligence will be similar to a human, almost become a copy of a human, and in space we will definitely encounter humanoids. The traditional approach is based on anthropocentrism and the thesis of the universality of human consciousness that follows from anthropocentrism. The authors of the article believe that this thesis is erroneous, since human consciousness is not the only one, but only one of the possible forms of consciousness in the universe. The development of numerous variants of artificial intelligence is also the fallacy of the thesis about the universality of human consciousness. Extraterrestrial intelligence and artificial intelligence are necessary for human self-knowledge. Non-anthropomorphic intelligences think differently from humans and are able to help solve complex problems such as quantum gravity, dark energy, etc., where a different type of intelligence is required.

Key words: alienistics, xenology, Alien, artificial intelligence, non-humanoid types of consciousness, Kant, Yuk Khuey.

Chirkova E.A.**The genesis of concepts of tradition in social and philosophical thought**

In an era of rapid social transformation, when globalization and modernization are eroding established value orientations, addressing the phenomenon of tradition acquires not only theoretical but also acute practical significance for society. This article examines the genesis of concepts of tradition in social and philosophical thought. It examines the transformation of ideas about tradition, tracing the transition from its understanding as the foundation of social order and continuity to its radical revision in the modern and postmodern eras. The paper identifies the main stages of this genesis: from a mythologized and hierarchical perception of tradition, fulfilling the function of preserving cultural identity, to its demythologization and secularization in modern times. Unlike the hermeneutic tradition, which strives for preservation and unity with the past, the genealogical approach considers a break with tradition as a condition for the liberation of thought. The article substantiates the conclusion that in the modern era, tradition is being reconsidered in the context of postmodern concepts, leading to the emergence of a post-traditional state of sociality characterized by anti-hierarchy and openness to new forms of mythologization.

Key words: genesis, tradition, socio-philosophical thought, concepts, social philosophy.

Gavrilyuk N.P.Dediu E.I.**The materiality of blue paper: sources, terminology, and interpretation of artistic choice**

This article examines hand-made blue paper as an independent object of historical, artistic, and technological research. The exposition is structured along several thematic lines: the terminological difficulties encountered in describing blue paper; the technological options for its production; the range of available sources - from early treatises to modern instrumental methods of analysis; and, finally, a separate historical and artistic episode - the turn of Venetian draughtsmen to blue paper around 1500. The author proceeds from the premise that artistic materials and techniques carry meaning no less significant than iconography or style, and therefore

deserve equally careful and methodologically rigorous consideration. Combining visual analysis, instrumental data, the experience of practical reconstruction of historical technologies, and close examination of the objects themselves, the author challenges the simplistic economic interpretation of the choice of blue paper and proposes a more layered reading that takes into account the availability of the material, the technical qualities of the sized surface, and the aesthetic demands of the new oil painting.

Key words: blue paper, history of paper, Venetian drawing, materiality, restoration, quattrocento, Giovanni Bellini, rag raw material, dyes.

Gavrilyuk N.P.

Dediu E.I.

Regional specifics of paper production in Kaluga governorate at the turn of the 19th – 20th centuries: technical equipment, penalty policy and social standards in comparative perspective

Based on a wide range of archival sources, primarily the materials of the factory inspectorate from the State Archive of Kaluga Oblast, as well as published statistical data and legislative acts of the Russian Empire, this article examines the regional specificity of paper production in Kaluga Governorate at the turn of the 19th – 20th centuries. The authors analyse the technical equipment of the enterprises, labour organisation, the system of fines, social infrastructure, and wage levels at the factories of W. Howard and D.D. Goncharov, comparing them with all-Russian and district indicators. Stable distinguishing features of the Kaluga enterprises are identified: exceptional concentration of production, pioneering character in the introduction of machine technologies, precedence over all-Russian legislation in terms of working hours (an eight-hour shift already in the 1890s) and the age threshold for hiring (admission from the age of 15, as against the all-Russian norm of 10 years), the development of social infrastructure (hospitals, schools, libraries, baths, a people's house), as well as a radical difference in fining policy – penalties at the Kaluga factories were tens of times lower than all-Russian indicators (1.8 kopecks per 100 roubles of earnings, as against 70 kopecks in Moscow Governorate and 20 kopecks on average nationwide). On this basis, it is concluded that paper production in the Kaluga region represented a distinctive phenomenon of Russian industrialisation, combining technological leadership, advanced social policy, and a system of labour relations oriented towards skilled workers. The authors also substantiate the non-representativeness of averaged all-Russian data and the necessity of studying each enterprise in its specificity for an adequate understanding of regional industrial dynamics. The results of the research can be used in the development of problems in regional and sectoral labour history, as well as in museum, local history and tourism activities in Kaluga Oblast.

Key words: Kaluga province, paper industry, factory legislation, labor history, social infrastructure, fine policy, Troitsko-Kondrovsky factories of V. Howard, Polotnyano-Zavodskaya paper mill, Russian industrialization, late 19th – early 20th centuries.

Trunova E.E.

Volosetskaya D.N.

Application of inclusive design in digital space

The article examines inclusive design as an approach to designing a digital environment that ensures the accessibility of interfaces for users with various abilities. The aim of the study is to determine the impact of inclusive design solutions on user engagement and to assess the degree to which current practices meet the requirements for digital accessibility. The study is based on an analysis of international and Russian regulatory documents, industry studies, and publications on the topic. It has been established that, despite the development of the regulatory framework, the level of accessibility of the web environment remains insufficient. It is concluded that inclusive design is not only a tool for social integration but also a factor in increasing the effectiveness of digital products.

Key words: inclusive design, digital accessibility, user interface, WCAG, assistive technologies, digital divide.

Zadokhina M.B.

Exhibition activities of the Khabarovsk branch of the Union of Soviet Artists in the 1940s–1950s

The article examines the exhibition activities of the Khabarovsk branch of the Union of Soviet Artists from the moment of its formation (1939) to its incorporation into a larger regional association (the Far Eastern zone, 1960). Based on archival documents, the author analyses the development of the local art school and the influence of political, economic, and ideological factors on it. Particular attention is paid to the contradiction between “programmatic” thematic painting, dictated by ideological considerations, and landscape art reflecting the distinctive character of Far Eastern nature and everyday life.

Key words: Union of Artists, exhibition activities, socialization of art, ideology, thematic painting, Far Eastern art school, poster.

Wei Dantong**The study of socio-cultural wall symbols in a regional context**

This article examines the regional features of socio-cultural symbols of wall art against the background of modern Chinese urban space. In recent years, wall culture in Chinese public spaces has pursued the main goal of displaying regional features and has gradually become a visual symbol that carries local historical memory, strengthens community identity and promotes social values. From the point of view of semiotics and social culture, the works of various regions of China are analyzed and it is revealed how wall art participates in the formation of regional culture, the unification of collective emotions and the reproduction of spatial meaning. An ideal wall symbol should provide a dynamic balance between political narrative and popular expression, aesthetic unity and local differences.

Key words: sociocultural wall symbol, wall art, regional feature, regional identity.

Bukhert V.V.**Architectural motifs and images in the artistic language of the “red” poster from the period of the Russian Civil War**

The purpose of the study is to identify architectural motifs and images in poster art from the period of the Russian Civil War of 1918-1922. The architectural metaphor in poster art was formed during the First World War and acquired special significance in Russia during the Civil War (a symbol of the enemy, a symbol of the Motherland, a symbol of the destructive power of war, a motive for protecting the values of national culture and the Fatherland, a motive for building a new one, a symbol of creation and peaceful life). The prototypes of poster compositions and individual images in both “red” and “white” posters traced back to icon painting and popular art iconography, caricature and satire, as well as to poster art from the period of the First World War. Avantgarde and constructivism had a significant influence on the visual language of the poster. The main features of the poster’s artistic language – expressiveness, conciseness, and simplicity – were combined with verbal language – with brief and understandable texts in slogans.

Key words: Civil War, poster art, architectural motif, interaction between verbal and artistic language, “friend or foe” dichotomy.

Yihua Xu**Bing Liu****A study of ways to develop ethical competence of journalists and other specialists in the field of mass media in the context of the ideology and policy of educational programs**

With the deepening of higher education reform, curriculum ideology and politics has become a key measure to implement the fundamental task of fostering virtue through education. In the field of journalism and communication, traditional professional ethics such as fake news and paid news, as well as emerging ethics brought about by new technologies such as deepfakes and public opinion manipulation, occur frequently, making the cultivation of professional ethical literacy for journalism and communication talent increasingly prominent. Based on a reflection on the current state of journalism and communication ethics education in China, this paper attempts to construct a trinity training framework of “value guidance – emotional identification – ability cultivation” and further proposes implementation paths such as optimizing course settings, innovating teaching methods, and improving teacher quality, aiming to provide some ideas for cultivating the moral literacy of journalism and media talents in China.

Key words: curriculum ideology and politics, Journalism and media, Talent cultivation, Moral literacy, Ethics education.

Slobodian E.A.**Cultural lacunae as the foundation for adulthood biculturalism development: a case study of the “small talk” phenomenon**

The article examines the problem of adulthood biculturalism formation through the focus of the concept of cultural lacunae. Based on the analysis of classical acculturation models by S. Lysgaard and K. Oberg, it is argued that overcoming acculturation stress, in J. Berry’s terminology, is a key condition for the development of a secondary worldview. The theoretical framework of the study relies on the thesaurus approach proposed by Val. A. Lukov and Y.M. Lotman’s semiotic model of communication. The empirical basis is provided by the phenomenon of small talk – a ritualized conversation natural for English-speaking cultures. It is demonstrated that successful resolution of this lacuna through the transformation of an individual’s thesaurus serves as a stabilizing element of adaptive transition and a necessary stage in the development of adulthood biculturalism. The findings can be applied to designing cross-cultural training programs for expatriates and educational routes for foreign language learners outside immersive environments.

Key words: cultural lacunae, adulthood biculturalism, acculturation, culture shock, small talk, thesaurus approach, cross-cultural communication.

Авторы

Бин Лю - преподаватель, докторант, Хэйхэйский университет, г. Хэйхэ, провинция Хэйлунцзян, Китай.

Бухерт В.В. - аспирант, Исторический факультет. Государственный академический университет гуманитарных наук. SPIN-код: 5345-4377 / ORCID: 0009-0009-4328-8888

Вихман В.В. - доктор философских наук, кандидат технических наук, кандидат педагогических наук, профессор кафедры философии, Новосибирский государственный технический университет.

Вознесенский И.С. - организационный консультант.

Волосецкая Д.Н. - старший преподаватель. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)».

Вэй Даньтун - аспирантка. ФБГОУ ВО «Владивостокский государственный университет», г. Владивосток.

Гаврилюк Н.П. - кандидат исторических наук. Директор музея «Бузеон» ООО «Полотняно-Заводская бумажная мануфактура».

Дедиу Е.И. - Старший преподаватель кафедры истории Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского.

Долгов И.С. - аспирант, 2 курс. Санкт-Петербургский Государственный Экономический Университет.

До Тхи Минь Тхао - аспирант, преподаватель факультета антропологии и религиоведения Ханойского университета гуманитарных и социальных наук, Вьетнамский Национальный Университет г. Ханой.

Задохина М.Б. - старший преподаватель ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет имени М.П. Даниловского», г. Хабаровск.

Земцова О.А. - аспирант ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Ведущий специалист Центра ДПО сети «РЖД-Медицина». ORCID: 0009-0004-2109-279X

Ихуа Сюй - преподаватель. Хэйхэйский университет, г. Хэйхэ, провинция Хэйлунцзян, Китай.

Кравчук В.В. - кандидат философских наук, доцент кафедры государственно-конфессиональных отношений. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Мельник С.В. - доктор философских наук, ведущий научный сотрудник. Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН.

Нгуен До Хонг Ань - студент факультета литературоведения. Ханойский университет гуманитарных и социальных наук, Вьетнамский Национальный Университет г. Ханой, заместитель председателя клуба китайско-вьетнамской иероглифики при Ханойском университете гуманитарных и социальных наук.

Опенков М.Ю. - доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, г. Архангельск. ORCID: 0000-0003-1500-0401

Пинкевич В.К. - доктор исторических наук, профессор кафедры государственно-конфессиональных отношений. Российская академия народного хозяйства и

государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Плетнев Н.А. - аспирант, тренер-преподаватель кафедры физического воспитания, Новосибирский государственный технический университет; тренер-преподаватель, ГАУ ДО НСО (Государственное автономное учреждение дополнительного образования Новосибирской области) «СШ по волейболу».

Потапчук Д.Д. - магистрант кафедры истории России специальных исторических дисциплин. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Благовещенский государственный педагогический университет».

Слободян Е.А. - независимый исследователь. Самозанятый по работе с билингвами. ORCID: 0009-0000-2149-6904

Тетенков Н.Б. - кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, г. Архангельск. ORCID: 0000-0002-4159-7419

Трунова Е.Е. - студент. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)».

Федирко О.П. - доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Отдел этнографии, этнологии и антропологии. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской Академии Наук.

Чапкин А.Н. - бакалавр. Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова.

Чиркова Е.А. - преподаватель кафедры восточных языков и культур. Пятигорский государственный университет.

Authors

Bing Liu, Lecturer, Doctoral Candidate, Heihe University, Heihe, Heilongjiang Province, China.

Bukhert V.V., Graduate student, Faculty of History, State Academic University for the Humanities. SPIN-code: 5345-4377 / ORCID: 0009-0009-4328-8888

Chapkin A.N., Bachelor's degree. Plekhanov Russian University of Economics.

Chirkova E.A., Lecturer of Oriental languages and cultures sub-faculty of the Pyatigorsk State University.

Dediu E.I., Senior Lecturer, Department of History Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky.

Dolgov I.S., Postgraduate Student, 2nd year. Saint Petersburg State University of Economics.

Do Thi Minh Thao, PhD student, lecturer, Department of Anthropology and Religious Studies, Hanoi University of Humanities and Social Sciences, Vietnam National University of Hanoi.

Fedirko O.P., Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology, The Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences Institute of History, Archeology and Ethnography.

Gavrilyuk N.P., Candidate of Historical Sciences. Director of the «Buzeon» museum LLC «Polotnyany Zavod Paper Manufacture».

Kravchuk V.V., Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of State and Religious Relations at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Melnik S.V., Doctor of Philosophy, leading researcher. Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences.

Nguyen Do Hong Anh, Student, Department of Literary Studies, Hanoi University of Humanities and Social Sciences, Vietnam National University of Hanoi. Vice-chairman of the Sino-Vietnamese Character Club, Hanoi University of Humanities and Social Sciences.

Openkov M.Yu., Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Sociology, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk. ORCID: 0000-0003-1500-0401

Pinkievich V.K., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of State and Religious Relations of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Pletnev N.A., Postgraduate student, coach-instructor in the Department of Physical Education, Novosibirsk State Technical University; coach-instructor, State Autonomous Institution of Additional Education of the Novosibirsk Region "Volleyball School."

Potapchuk D.D., Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Blagoveshchensk State Pedagogical University". Department of Russian History and Special Historical Disciplines.

Slobodian E.A., Independent researcher. Self-employed, working with bilinguals. ORCID: 0009-0000-2149-6904

Tetenkov N.B., Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Sociology, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,

Arkhangelsk. ORCID: 0000-0002-4159-7419

Trunova E.E., Student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "A.N. Kosygin State University of Russia (Technology. Design. Art)".

Vikhman V.V., Doctor of Philosophy, Candidate of Technical Sciences, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor in the Department of Philosophy, Novosibirsk State Technical University.

Volosetskaya D.N., Senior Lecturer, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "A.N. Kosygin State University of Russia (Technology. Design. Art)".

Voznesensky I.S., Organizational Consultant.

Wei Dantong, Graduate student. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Vladivostok State University", Vladivostok.

Yihua Xu, Lecturer, Heihe University, Heihe, Heilongjiang Province, China.

Zadokhina M.B., Senior Lecturer, M.P. Danilovsky Pacific National University, Khabarovsk.

Zemtsova O.A., Postgraduate student at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Leading Specialist at the Center for Continuing Professional Education of the Russian Railways Medicine network. ORCID: 0009-0004-2109-279X